
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XXI

**Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 70-летию выдающегося отечественного монголоведа
Татьяны Дмитриевны Скрынниковой**

Санкт-Петербург
2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Institute of Oriental Manuscripts

MONGOLICA-XXI

**Collection of essays on Mongolian studies
dedicated to the 70th anniversary of the outstanding Russian mongolist
Tatyana Dmitriyevna Skrynnikova**

Saint-Petersburg

2018

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель); доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*; доктор ист. наук *Т. Д. Скрынникова*; доктор ист. наук *К. В. Орлова*, канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*; доктор наук *Ж. Легран* (Франция); доктор наук *Р. Поп* (Румыния); доктор наук *А. Бирталан* (Венгрия); доктор наук *В. Капишовска* (Чешская Республика)

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*
Секретарь и редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук *Д. А. Носов*
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XXI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. — 104 с.

Двадцать первый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 70-летию выдающегося отечественного монголоведа Татьяны Дмитриевны Скрынниковой. Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, лингвистика, культурология», «Архивы востоковедов», «Рецензии и научная жизнь», «Переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов, отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению и переводы, выполненные российскими монголоведами. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 14.12.2018. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek; D. S. (Philology) L. G. Skorodumova; D. S. (History) T. D. Skrynnikova; D. S. (History) K. V. Orlova; PhD. (Philology) N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. B. Agnes (Hungary); PhD. R. Pop (Romania); PhD. V. Kapishovska (Czech Republic)*
Peer-reviewed by: *Ph D. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva*
Secretary and Editor of the English text: *PhD (Philology) D. A. Nosov*
e.mail: kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru

Published by the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Mongolica-XXI: Research Magazine. — SPb.: Petersburg Oriental Studies, 2018. — 104 p.

The 21st issue of the «Mongolica» magazine is dedicated to the 70th anniversary of the outstanding Russian mongolist Tatyana Dmitriyevna Skrynnikova. The issue has sections: «Historiography, source study», «Literature, linguistics, culture», «The Archives of Orientalists», «Reviews» «Translations». This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «The Archives of Orientalists», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Literary editor — *T. G. Bugakova*
Technical editor — *G.V. Tikhomirova*
Proofreader — *T. G. Bugakova*

Layout prepared by the publishing house «Peterburgskoye Vostokovedenie»

✉ 198152, Russia, Saint-Petersburg, p/o box 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

СОДЕРЖАНИЕ

Большое научное путешествие из Ленинграда в Улан-Удэ и обратно — в Санкт-Петербург (К юбилею Т. Д. Скрынниковой) (Д. Д. Амоглонова, И. В. Кульганек)	7
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
К. И. Бикмаева. Становление системы образования в Монголии	16
В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек. Потомки академика В. П. Васильева (1818—1900): к 200-летию со дня рождения	21
Т. Д. Скрынникова. Концепт <i>jasay</i> в политической культуре монголов XIII—XVII вв.	35
Р. Ю. Почекаев. Суд над Фатимой-хатун (1246): обвинение, следствие, приговор и наказание (к истории судебного процесса в Монгольской империи)	42
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИНГВИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
К. В. Алексеев. Палеографические особенности рукописи «Эрдэни тунумал» (предварительные наблюдения)	46
Т. Г. Басангова. Калмыцкая кумулятивная сказка (публикация текстов)	50
Б. Х. Борлыкова. Калмыцкие музыкальные инструменты национального музея республики Калмыкии имени Н. Н. Пальмова	55
А. В. Зорин. Тибетский свиток из молитвенного барабана, поступивший в Санкт-Петербург в первой половине XVIII в.	62
Б. В. Меняев. Ойратский письменный источник, посвященный культу огня (на материале рукописи из частной коллекции калмыцкого священнослужителя Осронга Батаева)	67
В. З. Церенов. Хуннские сюжеты в эпосе «Джангар»	71
АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ	
Б. Б. Барадийн. Вопросы методологии перевода. Предисловие, публикация, примечания Е. П. Островской	75
РЕЦЕНЗИЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Т. В. Ермакова. Рецензия на: <i>Четыррова Л. Б.</i> Калмыцкий Базар — первая столица калмыков: монография. Самара: ООО «Книжное издательство», 2017. 140 с. Ил.	80
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
К 70-летию Бадмы Мархаджиевича Нармаева (М. П. Петрова)	82
Известному монгольскому историку Норовсамбуу Хишигт — 60 лет (Л. Б. Жабеева)	83
ПЕРЕВОДЫ	
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Главы девятая, десятая, одиннадцатая (перевод со старомонгольского Л. Г. Скородумовой)	86
Монгольские народные сказки (перевод с монгольского Д. А. Носова)	99
Информация об авторах.	103

CONTENTS

Great research travel from Leningrad to Ulan-Ude and back to Saint Petersburg (to the anniversary of T. D. Skrynnikovoy) (by D. D. Amogolonova and I. V. Kulganek)	7
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
Karina Bikmaeva. Formation of the education system in Mongolia	16
V. Ju. Zhukov, I. V. Kulganek. Descendants of academician V. P. Vasilyev (1818—1900): to the 200th anniversary of his birth	21
T. D. Skrynnikova. <i>Jasay</i> concept in political culture of Mongols of the XIII—XVII centuries	35
R. Yu. Pochekaev. Trial on Fatima Khatun (1246): accusation, investigation, sentence and punishment (on history of legal procedure in the Mongol Empire)	42
LITERATURE, LINGUISTICS, CULTURE	
K. V. Alekseev. On the paleographical peculiarities of the Manuscript Copy of the Erdeni Tunumal (preliminary observations)	46
T. G. Basangova. Cumulative tales of Kalmyks	50
B. H. Borlykova. Kalmyk musical instruments national museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Pal'mov	55
A. V. Zorin. A Tibetan Scroll from a Prayer Wheel Brought to St. Petersburg in the First Half of the 18th Century.	62
B. V. Menyaev. Oirat written source dedicated to the cult of fire (on the material of the manuscript from a private collection of the Kalmyk priest Osrang Bataev)	67
V. Z. Tserenov. Hsiung-nu fabulas in «Djangan» epic songs	71
THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS	
B. B. Baradiyn. The problems of the methodology of translation Foreword, publication and notes by E. P. Ostrovskaja	75
REVIEWS	
T. V. Ermakova. Rev. on: <i>Chetyrova L. B.</i> Kalmyk Bazaar — the first capital of the Kalmyks: a monograph. Samara: «Knizhnoje Izdatel'stvo» LLC, 2017. 140 p.	80
ANNIVERSARIES	
To the 70 th anniversary of Badma Markhadjievitch Narmaev (by M. P. Petrova)	82
To famous Mongolian historian Norovsambu Khishigt (by L.B. Zhabaeva)	83
OUR TRANSLATIONS	
V. Inzhinash. Red Chamber of Tears. The Novel. Chapters nine, ten and eleven (translated from Classical Mongolian by L. G. Skorodumova)	86
Mongolian folktales (translated by D. A. Nosov)	99
Information about the authors	103

Большое научное путешествие из Ленинграда в Улан-Удэ и обратно — в Санкт-Петербург (К юбилею Т. Д. Скрынниковой)

DOI 10.25882/77ya-wd03

Написать статью о Татьяне Дмитриевне Скрынниковой, ученом — историке-монголоведе, докторе исторических наук, профессоре, ярком исследователе в гуманитарной науке, проявившей себя и добившейся признания не только в монголоведении, но и во всеобщей истории, археологии, религиоведении, культурной и социальной антропологии, — задача ответственная и непростая. Менялись темы ее исследований, расширялись научные интересы, но неизменными оставались высочайшая научная добросовестность, работоспособность, преданность и любовь к науке в сочетании с талантом — божьей искрой и благословением на поиск истины.

Во время учебы в ЛГУ. На кафедре монгольской филологии Восточного факультета. Слева направо: И. В. Кульганек, Л. А. Хитрова, Г. Р. Галданова, Л. Г. Скородумова, Л. П. Попова, Т. Д. Скрынникова, Ю. Угринович, В. Н. Щетинин. 1969 г.

Первое крупное путешествие было совершено ею из родного города Оренбурга в Ленинград в 1968 г. Тогда она стала студенткой отделения истории Монголии Восточного факультета Ленинградского государственного университета. По окончании университета в 1974 г., получив диплом специалиста по истории Монголии, она проработала в Бурятском институте общественных наук Сибирского отделения Академии наук СССР (с 1997 г. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН)

4 года и была принята в очную аспирантуру Ленинградского отделения института востоковедения АН СССР (с 2007 г. — Институт восточных рукописей РАН), где в 1982 г. под руководством доктора исторических наук, профессора, видного российского специалиста в области средневековой истории Китая и Центральной Азии и кочевых цивилизаций Е. И. Кычанова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Ламаистская церковь и государство Внешней Монголии XVI—начала XX в.». После защиты диссертации продолжила работать в Бурятии. Татьяна Дмитриевна, развиваясь в научном плане как ученый, прошла в БИОН СО АН СССР все должностные ступени: в 1986—1991 гг. — научный сотрудник, в 1991—1994 — старший научный сотрудник, в 1994—2000 гг. — ведущий научный сотрудник, в 2000—2004 гг. — зав. сектором, в 2004—2010 гг. — главный научный сотрудник.

В 1995 г. в Санкт-Петербургском филиале ИВР РАН она защитила докторскую диссертацию по теме «Харизма и власть в представлении средневековых монголов». В 2011 г. она переезжает в Петербург, где в 2011—2013 гг. занимает должность ведущего научного сотрудника ИВР РАН. С 2013 г. по настоящее время Т. Д. Скрынникова возглавляет Отдел Центральной и Южной Азии ИВР РАН.

С 2015 г. Т. Д. Скрынникова является заместителем председателя Диссертационного совета ИВР РАН.

Основными направлениями ее научной работы по-прежнему остаются потестарно-политическая культура, типология социальной организации и структура, этно-, полито- и культурогенез монголоязычных народов, а также исследование их традиционной культуры и проблемы самоидентификации.

Т. Д. Скрынникова — автор более 280 научных работ. Ведет большую работу по составлению и редактированию сборников научных статей. Выполняла работу ответственного редактора научных изданий: «Страны и народы Востока» (до 2014 г.), «Тюркологический сборник» (с 2014 г.). В настоящее время является членом редколлегии серии «Культура народов Востока» и монголоведного журнала «Mongolica».

Научные заслуги Татьяны Дмитриевны получили официальное признание: ей присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Республики Бурятия (2003), заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН (1997). Она награждена Почетной грамотой Народного хурала Республики Бурятия (1997), Почетной грамотой Российской академии наук (1999), Почетной грамотой академии наук Республики Монголии (2007).

На приеме у министра науки, культуры и спорта Австрии в Вене. Слева направо: Т. Д. Скрынникова, д. и. н., проф., декан исторического факультета ИГУ Е. И. Лиштованный, д. и. н., проф., гл. н. с. ИМБТ СО РАН Л. Л. Абаева. 2007 г.

В своей первой книге «Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI—начала XX в.» на материалах оригинальных монгольских источников Т. Д. Скрынникова показала процесс формирования церковной организации Халхи, который длился на протяжении всего XVII в., что позволило ей опровергнуть бытующее в монголоведении мнение о создании института ламаистской церкви в 1639 г. Эта работа, написанная с принципиально новых позиций и опубликованная в 1988 г., показала, что отечественное востоковедение приобрело в лице Татьяны Дмитриевны специалиста с широчайшим кругозором и знаниями, умеющего проводить глубокий анализ источников — основы историко-востоковедного исследования. В частности, Т. Д. Скрынникова представила механизм укрепления позиций буддийской церкви через внедрение в ее структуру представителей властной элиты — от принятия отдельными князьями монашеских степеней до посвящения их детей в духовный сан, что способствовало формированию двух важнейших социальных институтов: перерожденцев (*хубилганов*) и шабинаров. Важным для понимания значения экономического положения монастырей стало выделение автором двух форм собственности: коллективной собственности монашеской общины, управляемой казной монастыря (*джаса*), и индивидуально-коллективной собственности перерожденца, управляемой специальной казной (*сан*). Другим важным результатом исследования, проведенного на материалах монгольских источников,

стало следующее: с одной стороны, с включением Халхи в состав Цинской империи сохраняемая маньчжурами раздробленность страны, подчинение монастырей местным административным органам препятствовали созданию организации под эгидой монгольского духовного лица; но, с другой стороны, ламаистская церковная организация Халхи данного периода представляла собой цельный организм, управляемый Пекинским ламаистским центром. И внутри этой структуры уже с XVII в. отмечалось лидерство Джебцзун Дамба-хутухты, родство которого с влиятельнейшей халхаской фамилией тушету-ханов обеспечивало ему наивысший экономический потенциал. Ослабление власти Цинской династии в самом Китае и, следовательно, в Монголии способствовало усилению его влияния среди монгольского духовенства. Интегрирующая роль его монастыря Их хурээ (Урга), ставшего экономическим и политическим центром Халхи, усиливало эту тенденцию, в результате именно Джебцзун Дамба-хутухта стал светским и духовным главой Внешней Монголии.

С конца 1980-х гг. и до настоящего времени Т. Д. Скрынникова успешно занимается разнообразными аспектами и проблемами доимперской, имперской и постимперской истории монголов. Разработка тем в полной мере показала, что Татьяна Дмитриевна является современным ученым, использующим методологические подходы, принципы и методы гуманитарных наук и вносящим в их развитие значительный вклад. Более того, во всем мире она пользуется авторитетом не только в области исторических исследований, но и как культурный и социальный антрополог. Ее знаменитая монография «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана» (1997, 2013) убедительно доказала, что современное востоковедение подразумевает фундаментальное исследование исторических источников с позиций методов социальной и культурной антропологии. Выделив в Монгольской империи кочевое ядро, Т. Д. Скрынникова проанализировала употребление в монгольском источнике «Сокровенное сказание» конкретных монгольских терминов *уруг* (линидж), *обог* (род или клан), *улус* и *иргэн* (племя) и пришла к выводу, что Монгольская империя не была феодальным государством, ее кочевое ядро представляло собой конфедерацию племен или суперсложное вождество. Основное внимание было уделено исследованию представлений о харизме и ее месте в отношениях «господства — подчинения». Ею была реконструирована картина мира средневековых монголов на основе лингвистического и структурно-семантического анализа основных противоположностей: верх — низ, Небо — Земля. В картине мира средневековых монголов особое значение придавалось центру, выраженному как естественными географическими объектами — горой, деревом, истоком реки, так и искусственными артефактами — каменным столбом, знаменем, у которых проводились общественно значимые ритуалы. Наибольшее значение в качестве маркера центра придавалось харизматическим личностям — ста-

рейшине, лидеру, правителю любого ранга, поскольку их харизма была харизмой всей общности, обеспечивая выполнение регулирующей и цивилизующей функции. При этом подчеркивалась роль правителя как исполнителя главного ритуала. Хаган назывался также «сыном Неба», что указывало на статус его как универсального правителя, способного цивилизовать весь мир, поскольку выступал в качестве прямого медиатора Небо/космос — социум благодаря харизме, полученной от Неба. Харизма, связанная с сакральной сферой правителя, выступала в качестве основы социальной и природной гармонии. Анализируя монгольские термины, определяющие бытие человека, Т. Д. Скрынникова предложила различать феномены «витальность» и «сакральность». Если первая группа терминов (*амин*, *сунэсун*) связывается с дыханием (жизнью), то вторая — с огнем, солнцем, т. е. напрямую с сакральной сферой. Анализ целого ряда монгольских терминов (*сульдэ*, *суу дзали*, *цог дзали*, *сур джавхланг*, *хий морин* и др.) выявил их общую семантику — сияние, блеск, свет — и показал, что, по представлениям средневековых монголов, лидеры обладали максимумом сакральности, это обеспечивало их позицию центра общности и выполнение ими ритуальных функций — проведение центральных социально значимых ритуалов.

Исследование темы Монгольской империи было продолжено в контексте изучения специфики кочевых обществ. В немалой степени это связано с приближавшимся 800-летием создания империи Чингисхана, что актуализировало интерес к данной проблеме. По инициативе Т. Д. Скрынниковой и под ее руководством в 2004 г. был подготовлен и проведен международный «Круглый стол» «Истоки монгольской государственности: Чингис-хан и его время (Монгольская империя. К типологии кочевых обществ)». В качестве основных вопросов, которые были вынесены на обсуждение научной общественности, можно отметить следующие: монгольская империя и типология кочевых обществ; социально-политическая структура и организация власти в средневековом монгольском обществе; проблема «кочевой цивилизации» и цивилизации у монголов; идеологическая система Монгольской империи; Монгольская империя и история мир-систем. Обсуждение этих вопросов происходило в сопоставлении с другими обществами кочевников Евразии. В работе «Круглого стола» приняли участие ученые, широко известные своими исследованиями в области теории общественных наук, истории кочевничества, монголоведения. Итогом исследования Монгольской империи стала написанная Т. Д. Скрынниковой в соавторстве с Н. Н. Крадиным (2006) монография «Империя Чингисхана», в которой поставленные ранее проблемы получили дальнейшее развитие. На основе анализа нативных текстов Т. Д. Скрынникова показала, как наряду с гентильным смыслом имени *монгол* возрастают другие его значения: а) *социальное* — как термина, обозначающего военную дружину под руководством военного вождя; б) *этническое* — обо-

значение союза этнических групп, сохраняющих свое собственное имя наряду с именем союза, и формирование этнического сознания: происходит усиление гетерогенности союза и его укрупнение и укрепление; в) *потестарное* — обозначение этим термином политики, являющейся конфедерацией групп разного уровня (родов, племен, союзов). Термин *монгол* не только имел значение этнофора (этнофании), но и стал обозначать более крупные потестарно-политические единицы и территорию их проживания. Т. Д. Скрынникова пришла к выводу, что характерной чертой монгольского общества являлась корпоративная собственность на власть, что было связано с оформлением привилегированного положения рода кият-борджигин, к которому принадлежал Чингис-хан, получившего наименование «Золотой род». Властные отношения выражались, при отсутствии развитого административного аппарата, через систему кровнородственных связей в двух формах: а) легитимация социальных связей, через которые проявляются властные отношения и осуществляется доступ к верховной власти, посредством генеалогии, способной приспосабливаться к социальной и политической практике, порождая зачастую фиктивные генеалогии; б) обозначение отношений в конфедерации племен через термины кровного родства, маркирующие их лидеров: отец — сын, старший брат — младший брат, побратим (*анда*). Анализ функционирования терминов социальной организации, таких как *богол* ('рабы') и *харачу* ('простолюдины'), позволил исследователю пересмотреть механизмы структурирования собственно монгольского ядра империи и показать, что они не обозначают социальные слои монгольского общества, а моделируют отношения «господства — подчинения» на имперском уровне, маркируя приоритетный доступ к власти представителям рода Чингисхана. Исследование этих терминов в историческом контексте (на основании оригинальных исторических источников) показывает, что они использовались в «Сокровенном сказании» не для обозначения социальных экономических зависимых слоев, а для перекодировки взаимоотношений родов и племен и их лидеров по отношению к правящему роду Чингисхана. При этом право власти легитимировалось способностями кандидатов на престол к ритуальной практике, и в этом качестве они могли выступать гарантами целостности и благоденствия коллектива. Чингис-хан выполнял и сакральные, и профанные властные функции (харизматический тип власти). Т. Д. Скрынникова объясняет постоянную борьбу за власть в Монгольской империи перепроизводством элиты и отсутствием утвердившегося механизма передачи власти, поскольку актуальными были два принципа: ультима- (младший из младших) и примогенитурный (старший из старших). Изучение системы крыльев позволило ей выявить усложняющуюся структуру власти у кочевников, хотя принципом ее организации по-прежнему оставался родовой принцип. Постоянное перераспределение властных функ-

ций связывается с изменениями в структуре власти между линиджами даже в границах одного рода — правящего рода кият-борджигин. Эти исследования Т. Д. Скрынниковой явились принципиально новым словом в науке. Благодаря исчерпывающему анализу проблем власти в Монголии, Т. Д. Скрынникова вошла в число мировых специалистов в области социальной структуры средневековых кочевых обществ, а ее работы не только широко цитируются — они представляют собой методологическую основу для других исследований в области монголоведения, номадистики, исторической социологии, археологии, религиоведения и традиционной культуры.

Т. Д. Скрынникова в Казани во время конференции «PIAC-50». 2007 г.

Работая по различным направлениям исследований, Т. Д. Скрынникова достигла значительных результатов как в выявлении знаков и символов традиционной культуры и их бытования в естественной среде древности и средневековья, так и в адаптации этих знаков и символов к условиям модернизированного сознания. Ею выделены общие парадигмы в культурных феноменах и специфические элементы в культуре разных групп бурят и монголов; обоснована концепция двух типов в традиционной культуре монголоязычных народов (и — шире — народов алтайской языковой семьи) — восточноазиатского (нативного) и югозападно-азиатского (сложившегося под влиянием индоиранских кочевников). Применение в исследовании новых подходов, выработанных культурной и социальной антропологией (историко-генетического, герменевтического и культурно-семантического анализа), в изучении традиционной культуры бурят, подтвердило предложенную Т. Д. Скрынниковой концепцию наличия в традиционной культуре монгольских народов этих двух типов (нативного — восточноазиатского, для которого характерна диада, и югозападно-азиатского, сформировавшегося под воздействием арийского субстрата, где отмечается триада как в персонажном, так и в агентивном кодах). Эта модель объясняет различный характер мировоззрения и ритуальной практики наро-

дов восточной и западной части Центральной Азии в конкретное время и в конкретном регионе. Анализ традиционной культуры бурят заключался в интерпретации значений кодов (локативного, персонажного, агентивного, предметного, акционального) вербального и невербального поля культуры, что позволило представить системный анализ обрядовой практики: выделить типы обрядов, реконструировать пантеон божеств через описание персонажного кода, определить место и функции исполнителей (правитель, шаман, кузнец) обрядов. Подчеркивается, что мотив солнца/света является центральным в архетипе, связанном с югозападно-азиатской традицией. Были рассмотрены формы выражения культа Солнца в ритуальной практике через анализ терминов, обозначающих атрибуты ритуала. Выработанный Татьяной Дмитриевной на основании исследований по традиционной культуре инструментарий был предложен ею для изучения процессов самоидентификации бурят в контексте социокультурной модернизации с конца XIX в. по настоящее время. Продуктивность и оригинальность подхода способствовали формированию научного дискурса, в котором предложена теоретическая реконструкция ментальной и социокультурной истории бурят на протяжении более чем столетия, обсуждаются актуальные проблемы современного бурятского этнокультурного возрождения, современного мифотворчества, определяются парадигмы и константы идентичности, способствующие формированию современной бурятской культурной этносферы. Научным выражением дискурса являются три коллективные монографии по бурятской этничности, написанные при ее участии и опубликованные под ее редакцией.

На заседании в ИМБТ СО РАН. Улан-Удэ.
Т. Д. Скрынникова — председатель. Слева —
д. и. н., проф., чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин. 2010 г.

Итогом последних лет работы Т. Д. Скрынниковой в ИВР РАН является завершение темы «Политическая культура монголов конца XVII—начала XX в.», в которой дается анализ эволюции политической культуры монголов как поликомпонентного феноме-

на, определяющего социально-политическое пространство монгольского социума. Впервые в российском монголоведении предпринята реконструкция эволюции содержания концептов монгольской политической культуры на базе материалов нативных исторических текстов, зафиксировавших изменения их смыслов, что имеет значение для развития сравнительно-исторических исследований кочевых обществ, а также расширения общетеоретических оснований фундаментальных областей кочевниковедения, связанных с изучением общих тенденций и направлений социокультурной эволюции, взаимосвязи и взаимодействия их социальной, культурной и политической систем. К настоящему времени Т. Д. Скрынниковой подготовлена рукопись монографии по данной теме.

Благодаря авторитету и увлеченности работой Т. Д. Скрынникова ведет за собой талантливую молодежь. Для выполнения научных проектов, все из которых признаны успешными, она создает исследовательские коллективы, состоящие из сотрудников разных научных и научно-педагогических учреждений. Под ее руководством были написаны и опубликованы монографии «Обряды в традиционной культуре бурят» (М., 2002); «Бурятская этничность в социокультурной модернизации (конец XIX—первая треть XX в.)» (Иркутск, 2003); «Бурятская этничность в социокультурной модернизации (советский период)» (Улан-Удэ, 2004); «Бурятская этничность в социокультурной модернизации (постсоветский период)» (Иркутск, 2005); «Империя Чингис-хана» (в соавт. с Н. Н. Крадиным) (М., 2006); «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана» (Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 2013).

Т. Д. Скрынникова — талантливый педагог и преподаватель. Под руководством Т. Д. Скрынниковой защищено 12 кандидатских диссертаций и 3 докторские. Ею были разработаны и прочитаны на Восточном факультете Бурятского государственного университета и в Восточно-Сибирской государственной академии культуры курсы: «Введение в этнологию», «История этнологии», «Методы исследования в этнологии», «Введение в историю культуры», «Культура архаических и традиционных обществ», «Семиотика». Среди ее учеников немало выпускников кафедры этнологии и фольклора Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, с которыми она после защиты ими их диссертаций продолжила совместную научную работу. Так, с профессором Н. Б. Дашиевой была разработана программа обучения по специальности «Этнокультурология», вошедшей в государственный образовательный стандарт. Т. Д. Скрынникова является создателем современной научной школы изучения традиционной культуры народов Забайкалья; благодаря ее научным усилиям и творческому энтузиазму кафедра не только готовит высококвалифицированных специалистов: это один из важных исследовательских центров. В настоящее время на кафедре работает ряд преподавателей, ставших признанными

специалистами благодаря научному руководству Т. Д. Скрынниковой.

По основному месту работы в Улан-Удэ, в отделе философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Т. Д. Скрынникова создала тематическую группу культурологов и бессменно руководила ею. Работа в группе с самого начала велась по разным направлениям, которые в наиболее общем виде можно охарактеризовать как изучение этнической культуры монгоязычных народов и социально- и культурно-антропологический анализ бурятского национально-культурного возрождения (имперский, советский и постсоветский периоды) в контексте современной научной методологии.

Многие ученые с гордостью называют себя ее учениками. Они проводят глубокие и интересные исследования, связанные с реконструкцией бурятской традиционной картины мира, в которой значимое место занимают ритуалистика и обрядность, с представлениями о пространстве жизнеобеспечения, идентификационными процессами в динамике историко-культурных изменений общественного и индивидуального сознания. О своем Учителе, отвечая на вопрос, какую роль сыграла Татьяна Дмитриевна в их научной судьбе, они отзываются с теплом и глубокой благодарностью.

Марина Михайловна Содномпилова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ИМБТ СО РАН:

Татьяне Дмитриевне Скрынниковой я обязана очень и очень многим. Она не случайный человек в моей жизни. Мудрые советы и дружеская помощь Татьяны Дмитриевны сопровождают меня всю жизнь, со дня окончания школы. Татьяна Дмитриевна обладает всеми чертами талантливого педагога, который осуществлял руководство моими научными работами, не подавляя своим авторитетом, ненавязчиво задавая направление моему научному поиску сначала в качестве аспиранта, а затем и докторанта. Татьяна Дмитриевна возмужала во мне ту долю уверенности, которая позволила мне стать участником многих российских и зарубежных конференций, получить грантовую поддержку ряда научных фондов. Широкий спектр ее научных интересов и неординарные методологические приемы и подходы открыли перед нами, ее учениками, многогранный мир традиционной культуры монгольских народов, показали безграничность исследовательского поля.

Дарима Анатольевна Николаева, доктор исторических наук, профессор, ВСГИК:

Татьяна Дмитриевна — это человек, который сыграл значимую роль в моей жизни. Как весьма разносторонне талантливый человек, она не только ввела меня в мир науки, но показала другую сторону жизни, начиная от необычных кулинарных рецептов до обсуждения самых разных тем: научных, культурных, искусствоведческих и т. д. Каждая встреча с ней — это были мои университеты. Я благо-

дарна ей за то, что в «серые» 1990-е гг. она не побоялась и взяла меня — простого педагога из музыкальной школы, мать тогда маленьких детей — к себе в аспирантуру. Тогда я не знала, что такое этнография, и Татьяна Дмитриевна предложила посещать ее лекции по данной дисциплине во ВСГАКИ. Эти занятия были для меня настоящим праздником. По ее рекомендации я устроилась на работу в научную лабораторию этнографии и фольклора народов Восточной Сибири во ВСГАКИ. Следует отметить, что учеба в аспирантуре мне как музыканту, да еще и в возрасте, давалась с большим трудом. Приходилось, можно сказать, «ломать мозги». Нередко наступало отчаяние. Но уважение к УЧИТЕЛЮ, обожание, боязнь ее разочаровать или не дай бог подвести помогли перебарывать свою слабость. После защиты кандидатской началась моя педагогическая работа. Вскоре я стала завкафедрой и погрузилась в круговерть административной и прочей работы. Тем не менее Татьяна Дмитриевна осталась моим ангелом-покровителем. Так, однажды она сказала, что ей необходимо уехать в командировку на 20 дней и надо, чтобы кто-нибудь последил за ее котом и квартирой. Таким образом, ухаживая за ее любимцем, я написала докторскую диссертацию, а Татьяна Дмитриевна помогла с документами по докторантуре. Следует отметить, что она помогала и помогает многим людям, не только мне. Но главное, она основала научную школу. У нее здесь много учеников и последователей. Мне очень не хватает Татьяны Дмитриевны: бесед, советов, шуток, вкусных изысков и пр. Тем не менее я рада за нее. Кстати, по праздникам, когда у меня собираются гости, они знают, что второй тост — всегда за Татьяну Дмитриевну. От всей души и от всего сердца желаю Татьяне Дмитриевне здоровья, успехов, долгих лет жизни, исполнения и реализации всех мечтаний.

Элеонора Аллековна Неманова, кандидат исторических наук, доцент, ВСГИК:

С Татьяной Дмитриевной Скрынниковой я впервые познакомилась в 1996 г. в Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств на лекциях по исторической этнологии. Эти лекции отличались особой атмосферой личной включенности, поскольку, делаясь с нами глубокими академическими знаниями, Татьяна Дмитриевна еще и рассказывала об авторах теорий. Одни из этих авторов были ее преподавателями, с другими она встречалась на конференциях и симпозиумах, а с кем-то поддерживала дружеские отношения. Все это создавало неповторимую атмосферу причастности, вселяющей в нас, провинциальных студентов, веру в возможность стать учеными-исследователями, несмотря на отсутствие какого-либо опыта и «базы». Мне крупно повезло в том, что Татьяна Дмитриевна согласилась впоследствии стать моим научным руководителем. Благодаря Татьяне Дмитриевне — личности, сочетающей в себе гигантский запас знаний, разносторонние таланты и отличное чувство юмора, я вспоминаю свои аспирантские годы с огром-

ным удовольствием. Я была ужасно рада, когда Татьяна Дмитриевна получила приглашение работать в Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге, и в то же время сильно расстроена, ведь вместе с ней уехала часть жизни, заполненная интересными встречами, беседами и личностной поддержкой. От всей души желаю Татьяне Дмитриевне долгих-предолгих лет жизни, здоровья и вдохновения.

Сергей Дамбаевич Батомункуев, кандидат философских наук, научный сотрудник, ИМБТ СО РАН:

Любой соискатель благодарен своему научному руководителю за помощь и моральную поддержку в работе над кандидатской диссертацией и ее защите. Но в моем случае благодарность Татьяне Дмитриевне как научному руководителю особая. Дело в том, что наша совместная работа приходилась на конец 1990-х—начало 2000-х гг., т. е. время, когда проблемы межнациональных отношений и этнического сепаратизма были на пике своего подъема, и среди ученых нашего института было немало активистов этнонационального возрождения и культурного национализма. Содержание моей диссертации шло вразрез с их пониманием этих проблем, а вынесение ее на защиту они восприняли как вызов своим национальным чувствам. И вместо академической дискуссии имели место интриги и угрозы не допустить нашу работу к защите. Всё, чего они добились, — это отсрочить мою защиту на один год. Несмотря на то что Татьяне Дмитриевне пришлось тогда пережить морально-психологическое давление со стороны этих коллег, ее мудрость, характер и такт обеспечили возможность сохранить принципиальные положения моей диссертации и успешно ее защитить. В той эпохее с моей защитой Татьяна Дмитриевна показала, что для ученого важен не только его профессионализм, но и способность отстаивать свою научную позицию, сохраняя своё человеческое и гражданское достоинство.

Дарима Баторовна Батоева, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, ИМБТ СО РАН:

Татьяна Дмитриевна — очень важный в моей жизни человек, моя «вторая мама», мне посчастливилось поработать под ее руководством, можно сказать, опекой еще со студенческих лет. Она очень много вложила в меня, в мое развитие. Общение с Татьяной Дмитриевной внутренне обогащает, с ней всегда интересно и комфортно. Ее фантастическая работоспособность и увлеченность наукой, талант ученого и высокая требовательность служат примером профессионализма и трудолюбия. Я очень благодарна ей за ее заботу, понимание и терпение, за ее советы и закладки в книгах.

К словам учеников присоединяются коллеги Татьяны Дмитриевны. Вот их искренние слова.

Н. С. Яхонтова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИВР РАН:

Нам очень повезло, что Татьяна Скрынникова перебралась в наш город. Дело не только в ее вы-

дающихся научных и административных достижениях, о которых уже говорилось, но и в замечательных человеческих качествах. Иначе почему вокруг нее, как вокруг неформального центра, собралось и молодое, и старшее поколение монголистов и не только. Это произошло постепенно и совершенно естественно, всех притягивает ее открытость и доброжелательность, искренняя готовность выслушать, помочь советом и делом, радушие и щедрость. Но самое прекрасное ее качество — оптимизм, позволяющий преодолевать житейские трудности и дающий силы и позитивный настрой не только ей, но и окружающим.

Н. В. Ямпольская, PhD, научный сотрудник ИВР РАН:

Впервые я познакомилась с Татьяной Дмитриевной ещё будучи студенткой, путешествуя по Бурятии во время летних каникул. Я выполняла важную миссию — везла из Петербурга на поезде вафельный торт, гостинец от Зои Кононовны Касьяненко, нашего общего учителя. Робко сидя на стуле в кабинете большого учёного, разглядывая загадочные картины на стенах, написанные самой Татьяной Дмитриевной, я не могла представить, что через десять лет буду иметь счастье называть её коллегой, старшим товарищем и другом. Сейчас, проработав рядом с Татьяной Дмитриевной четыре года, я узнала её как интересного учёного, мыслителя, обладающего неиссякаемым любопытством, строгого оппонента и честного критика, заботливого руководителя и, конечно, доброго, отзывчивого, искреннего, весёлого и гостеприимного человека. Не со-

считать вечеров, которые мы с коллегами проводим в гостях у Татьяны Дмитриевны за вкусным ужином и многочасовыми беседами. Татьяна Дмитриевна — настоящий востоковед старой ленинградской закалки, живущий наукой и вдохновляющий на это нас. От всей души желаю Татьяне Дмитриевне здоровья, энергии и долгих лет!

Круг научного общения Т. Д. Скрынниковой весьма широк; она участвует в многочисленных научных конференциях как в России, так и за рубежом. Ее работы публикуются на английском, китайском, японском языках в самых престижных и уважаемых изданиях. Она поддерживает научные и дружеские контакты со многими выдающимися учеными в разных странах мира.

Огромный научный талант, самоотверженность в исследовании сочетаются в Татьяне Дмитриевне с великим даром доброты, отзывчивости и умения быть другом. Несмотря на занятость, она всегда помогает друзьям и коллегам добрым советом и делом. В редкие минуты досуга она рисует замечательные картины, великолепно поет романсы, аккомпанируя себе на гитаре.

Научная деятельность Т. Д. Скрынниковой является колоссальным вкладом в развитие отечественной и мировой гуманитарной науки. Мы выражаем этому прекрасному, доброму и красивому человеку, наделенному огромными и разносторонними талантами, наше искреннее восхищение, благодарность и дружеские чувства. Дорогая и любимая Татьяна Дмитриевна, желаем Вам здоровья, новых творческих успехов, удачи и радости в жизни!

Избранные труды Т. Д. Скрынниковой

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб.: Евразия, 2013.

Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002.

Бурятская этничность в социокультурной модернизации (конец XIX—первая треть XX в.). Иркутск, 2003.

Бурятская этничность в социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ, 2004.

Бурятская этничность в социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск, 2005.

Империя Чингис-хана (в соавт. с Н. Н. Крадиным). М., 2006.

Статьи 2011—2018 гг.

Скрынникова Т. Д. Значение термина ulus в «Erdeni-yin tobci» Санан-Сэцэна // Mongolica (BAK) IX. СПб., 2010. С. 25—29.

Скрынникова Т. Д. Социальная структура монгольского улуса // Средние века. (BAK) № 72. М., 2011. С. 352—368.

Скрынникова Т. Д. Буддийская церковь в актуализации монгольской идентичности первой четверти XX в. // Россия—Монголия: культурная идентичность и культурное взаимодействие / отв. ред. В. М. Дианова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 39—53.

Скрынникова Т. Д. «Улус» в монгольских летописях XVII в. // Тангуты в Центральной Азии. Сб. ст. в честь 80-летия Е. И. Кычанова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2012. С. 383—399.

Скрынникова Т. Д. Образы власти в политической культуре монголов 17 в. — эпохи перемен // Культура монголоязычных народов в глобализирующемся пространстве. Междунар. науч. форум «Культура монголоязычных народов в глобализирующемся пространстве», 24—27 октября 2012 г. Элиста. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2012. С. 136—138.

Скрынникова Т. Д. (Skrynnikova Tatiana). Symbols of Sun in the Traditional Culture of the Mongol-speaking Peoples // Study of the Mongolian Symbolism: Quest and Perspectives. Ulaanbaatar, 2012. P. 211—221.

Скрынникова Т. Д. Буддийская церковь в актуализации монгольской идентичности в первой четвер-

ти XX в. // Россия — Монголия. Культурная идентичность и межкультурное взаимодействие. Изд. 2-е перераб. СПб.: Изд-во ВВМ, 2012. С. 39—54.

Скрынникова Т. Д. Представления о Законе в монгольских летописях XVII в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М., 2012. С. 131—151.

Скрынникова Т. Д. ОВОУ в социальной структуре Монгольского улуса 12—13 вв. // Historical and Philological Studies of China's Western Region. No. 6. Sheng Weirong Editor-in-Chief. Institute for Historical and Philological Studies of China's Western Region. Renmin University of China. Science Press. Beijing. P. 379—403.

Скрынникова Т. Д. Исторический опыт конструирования границ монгольской общности в XVII в. // Россия — Монголия: культурные контакты и самобытность культур. СПб., 2013.

Скрынникова Т. Д. Термины социально-политической структуры в монгольских летописях XII—XVII вв. // Культурное наследие монголов. Рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Междунар. конф. при поддержке президента Монголии. 19—20 апреля, 2013. Санкт-Петербург. Улан-Батор; СПб., 2014. С. 187—198.

Скрынникова Т. Д. Значение линиджа и рода в социальной структуре монгольского улуса начала XIII в. // Бюллетень (Newsletter) 21. Материалы VII Междунар. конф. «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». М.: ИВ РАН, 2014. С. 265—284.

Скрынникова Т. Д. Идентификационные практики бурят Российской империи // Сибирский сборник-4. Грани социального: антропологические перспективы исследований социальных отношений и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 591—600.

Скрынникова Т. Д. Придворные чины монгольского улуса // Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 229—245.

Скрынникова Т. Д. Улан-Удэ — советская столица национальной республики // Eurasia: Statum et Legem. 2014. № 1. С. 83—95.

Скрынникова Т. Д. Исторический опыт конструирования границ монгольской общности в XVII в. // Studia culturae. Вып. 18. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2013. С. 94—108.

[Скрынникова Т. Д.] Tatiana D. Skrynnikova. Religion in the Identity Practices of Modern Buryatia // Religion and Ethnicity in Mongolian Societies. Historical and Contemporary Perspectives / Ed. by Karenina Kollmar-Paulenz, Seline Reinhardt and Tatiana D. Skrynnikova. Studies in Oriental Religions 69. Harrassowitz Verlag: Wiesbaden, 2014. P. 125—139.

[Скрынникова Т. Д.] Skrynnikova Tatiana. Chinggis Khaan's Charisma as the Basis for Harmony in Universe and Society // Чингис дхаан ба даяарчлал. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал. 2012 оны 11 дугээр сарын 14—15. Монгол улс. Улаанбаатар хот. Илтгэлийн эмхтгээл. Chinggis Khaan and Globalization. International Academic Conference. Улаанбаатар хот. 2014. P. 146—150.

Скрынникова Т. Д. Современный шаманизм бурят // Страны и народы Востока. Вып. XXXVI. М.: Вост. лит. 2015. С. 113—140.

Скрынникова Т. Д. Основания власти правителя в монгольской политической культуре эпохи Чингисхана // MONGOLICA-XV. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 39—44.

Скрынникова Т. Д. «Старые» символы новой Монголии // Символы, образы и атрибуты власти. СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 203—216.

Скрынникова Т. Д. Социально-политические институты монголов 17 в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Бурятский гос. ун-т. 2014. Т. 1. С. 14—28.

Скрынникова Т. Д. Отражение деятельности Чингисхана в топонимике бурят // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. материалов междунар. научно-практической конф. Астана. 18—19 ноября 2014 г. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 99—108.

[Скрынникова Т. Д.] Tatiana Skrynnikova. Old-Turkish Roots of Chinggis-khan's 'Golden Clan'. Continuity of Genesis. Typology of Power // The Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe zone in the first Millennium AD. Bonn Contributions to Asian Archaeology. Volume 7 / Ed. by Jan Bemann. Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie. Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 623—633.

Скрынникова Т. Д. Роль буддийской церкви в Монголии первой четверти XX в. // «Я рад, что стал монголоведом». К 85-летию С. К. Рощина. М.; Улаанбаатар, 2015. С. 177—190.

Скрынникова Т. Д. Титулатура монгольской элиты предимперского и раннеимперского периода // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Глава XIV. Колл. Монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Изд-во Алтайского гос. ун-та. Барнаул, 2015. С. 250—267.

Скрынникова Т. Д. Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в. // MONGOLICA XVII. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. С. 35—41.

Скрынникова Т. Д. Культура в дискурсе этнонационального возрождения бурят // Байкальские встречи-IX: Этничность в контексте социально-культурного и экономического развития региона. Материалы междунар. научно-практической конфер. 14—17 сентября 2016 г. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ — оз. Байкал. В рамках федеральной целевой программы «Культура России» (2012—2018 годы). Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВСГИК, 2016. С. 27—41.

[Скрынникова Т. Д.] Tatiana D. Skrynnikova. Neotraditionalism in Self-identification in Modern Mongolia // International Journal of Humanities and Cultural Studies (indexed in Thomson Reuters and Web of Science). 2015. P. 1670—1680.

Скрынникова Т. Д. Возвращаясь к интерпретации теонима Умай // Тюркологический сб. 2013—2014. Москва: Наука; Вост. лит., 2016. С. 193—210.

Скрынникова Т. Д. Социально-политическая терминология: тюрко-монгольские параллели // Историческая мозаика Евразии: сб. ст. к 70-летию Д. Д. Васильева / сост.: Т. А. Аникеева, А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Т. А. Филиппова; Ин-т востоковедения РАН. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2017. С. 221—228.

Скрынникова Т. Д. Нойоны Халхи XVII в. // З. К. Касьяненко. Багш, монгол судлаач. Оросын монгол судлаач З. К. Касьяненкогийн 90 насный ойд зориулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлүүд (2015.09.30—10.01. Санкт-Петербург). Санкт-Петербург; Улаанбаатар. 2016. С. 160—169.

Скрынникова Т. Д. Титулы властной элиты Монголии в летописи XIX в. // MONGOLICA-XIX. Сб. науч. ст. по монголоведению, посвящается ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года — М. И. Гольману, В. В. Грайворонскому и К. Н. Яцковской. Санкт-Петербург, 2017. С. 29—33.

[Скрынникова Т. Д.] *Tatiana Skrynnikova*. Rethinking the Meaning of the Theonim Umai // Proceedings of the 1st International Conference of the Role of Religions in the Turkic culture held on September 9—11, 2015 in Budapest / edited by Maria Ivanics, Eva Csaki, Zsuzsanna Olach. Budapest, 2016. P. 163—174.

[Скрынникова Т. Д.] *Tatiana D. Skrynnikova*. Concept Törö as Supreme Law of the Universe in the Political Culture of the Mongols in XVII Century // International Journal of Humanities and Cultural Studies (indexed in Thomson Reuters and Web of Science). 2016. P. 246—257.

Скрынникова Т. Д. Галдан-Бошокту-хан // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 4. С. 446.

Скрынникова Т. Д. Галдан-тайджи // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 4. С. 446.

Скрынникова Т. Д. Галдан-Цэрэн // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 4. С. 446.

Скрынникова Т. Д. Гурхан // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 5. 616 с. С. 405.

Скрынникова Т. Д. Гуши-хан // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 5. 616 с. С. 420.

Скрынникова Т. Д. Гэсэриада // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 5. 616 с. С. 422—423.

Скрынникова Т. Д. Дархан // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 5. 616 с. С. 483—484.

Скрынникова Т. Д. Даян-хан // Российская историческая энциклопедия / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма медиа групп, 2017. Т. 5. 616 с. С. 496—497.

Скрынникова Т. Д., Селюнина Д. Д. Социально-политические практики Халхи XVII в. (по материалам монгольской летописи Шара туджи) // Страны и народы Востока. Вып. XXXVII. М.: Наука; Вост. лит., 2017. С. 298—323.

Скрынникова Т. Д., Селюнина Д. Д. Современный шаманизм у бурят // Страны и народы Востока. 2015. С. 113—140.

Скрынникова Т. Д. Основания власти правителя в монгольской политической культуре эпохи Чингисхана // Mongolica. 2015. № XV. С. 39—44.

Скрынникова Т. Д. Представления о законе в монгольских летописях XVII в. // Страны и народы Востока. 2013. № XXIV. С. 131—151.

Скрынникова Т. Д. Исторический опыт конструирования границ монгольской общности в XVII веке // Studia Culturae. 2013. № 18. С. 94—108.

Скрынникова Т. Д. Функции рода у бурят (конец XIX—XX в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 26. С. 11—18.

Скрынникова Т. Д. Значение термина ulus в «Erdeni-Yin Tobči» Санан-Сэцэна // Mongolica. 2010. № IX. С. 25—29.

[Скрынникова Т. Д.] Stories and Symbols of the Post-Soviet Buryat National Revival // Dilemmas of Diversity After the Cold War: Analyses of Cultural Difference by U. S. and Russia-Based Scholars. Washington DC: WWICS, 2010. P. 80—112.

Д. Д. Амоглонова
И. В. Кульганек

К. И. Бикмаева

Становление системы образования в Монголии

DOI 10.25882/ekag-v434

До революции 1921 г. образование Монголии не было структурированным. Однако с момента основания МНР начинается планомерное создание системы народного просвещения. А благодаря широкомащтабным культурным кампаниям уровень грамотности населения вырос с 5 % в 1920-х гг. до 100 % в 1970-х.

Ключевые слова: система образования, просвещение, кочевые школы, культурные кампании.

Образованное и грамотное население входят в число факторов, определяющих уровень развития культуры и общества. В процессе формирования молодого государства большое внимание уделяется организации широкой системы образования, которая будет нести не только обучающую, но и нравственную, идеологическую функцию. Рассмотрим, как складывалась система образования (монг.: *боловсролын систем, bolovsroliin system, bolbasural-un system*) в Монгольской Народной Республике.

В начале XX в., до основания МНР, образование было сосредоточено преимущественно в буддийских монастырях, их насчитывалось порядка 750 [Майский, 1959. С. 246]. Почти в каждом крупном монастыре были учебные заведения — дацаны, в которых преподавались религиозные дисциплины, тибетский язык и медицина. Несмотря на разнообразие предметов и строгий режим, все же нельзя сказать, что юные монголы действительно получали знания в таких школах. Ламы-багши¹ не преподавали послушникам какие-либо светские дисциплины: основной упор делался на изучение тибетского языка и предметов, связанных с религией.

Помимо школ в монастырях, в Монголии в начале XX в. существовало несколько светских учебных заведений. Укрепляя свое положение во Внешней Монголии, Маньчжурская империя нуждалась в монгольских кадрах, способных вести делопроизводство на маньчжурском, китайском и монгольском языках. В связи с этим незадолго до революции 1911 г. для детей чиновников и князей в Урге — столице Монголии — были открыты две светские школы, одна из которых была для девочек [Санжаасурэн, Жерносек, 1981. С. 13]. Позднее открылась школа и в Улясутае.

В них детей обучали китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам, учили составлять бумаги и документы на маньчжурском и китайском языках. После обретения независимости в 1911 г. была открыта первая русскоязычная светская школа в Урге, обучение в которой происходило на русском и монгольском языках. В качестве учителей приглашались образованные буряты из Забайкалья и Иркутска, окончившие средние и высшие учебные заведения, еще известно о приглашении англичанина для преподавания. Также были открыты русские начальные школы в городах Улясутае, Кобдо, Улангоме. К 1919 г., помимо 65 начальных, была организована одна средняя школа, выпускники которой могли поступить на государственную службу либо продолжить обучение в России [Машлай, 1965. С. 63].

Большую роль в становлении системы образования в период автономной Монголии сыграло утверждение 8 сентября 1915 г. новым правительством Богдо-гэгэна школьного устава. В уставе значилось, что школы при аймачных, хошунных сеймах должны принимать детей тайджи² и албату³ и в течение пяти лет обучать их монгольскому языку и письменности. Кроме того, в уставе определялись предметы, подлежащие изучению: монгольская азбука, письменность, арифметика, география и физическое воспитание.

Мы можем утверждать, что накануне революции 1921 г. в Монголии образование не было общедоступным. Оба его вида — монастырское и светское — были доступны только будущим священнослужителям либо представителям знати.

После революции 1921 г. и создания МНР одной из основных задач нового правительства стало фор-

---

¹ Ламы-багши — учителя, наставники в монгольских монастырях.

² Тайджи ('князь') — титул владельца.

³ Албату — податной слой аратства.

мирование общедоступной системы образования, а также борьба с неграмотностью населения, поскольку в 1921 г., по приблизительным оценкам, письмом владели 3 % населения, это были в основном мужчины [Kaplonski, 2014. P. 73]. Задача реализовывалась в двух направлениях: организация школьного образования и ликвидация безграмотности взрослого населения. В рамках второго направления проводились так называемые «культурные кампании» (монг.: *соёл гэгээрэлийн кампани, soyol gegeereliin kampani, sojul gegereel-yin kampani*). В числе их целей было создание нового светского общества, независимого от монастырей как центров образования. Этот факт позволяет нам утверждать, что борьба с неграмотностью включала в себя пропаганду и борьбу против религии.

Важнейшим документом, закреплявшим права граждан на образование, стала Конституция от 26 ноября 1924 г., по которой Монголия была провозглашена Народной Республикой. Согласно 10-й статье Конституции «МНР организует полное, всестороннее и бесплатное обучение». Также важным фактором, ускорившим процесс организации народного образования, стало отделение буддийской сангхи⁴ от государства и школы от церкви. А в 1926 г. был официально декларирован переход к светскому образованию, религия была отделена от государства и объявлена частным делом каждого. Преподавание религиозных дисциплин во всех школах и учебных заведениях запрещалось.

В 1940-е гг. организация работы школ тормозилась социально-экономическими трудностями, вызванными Второй мировой войной, слабой связью между населенными пунктами и кочевым образом жизни половины населения страны. На XI съезде МНРП, прошедшем в декабре 1947 г., была поставлена задача охватить обязательным обучением всех детей школьного возраста: в худоне⁵ ввести четырёхлетнее, а в городах — семилетнее начальное обучение, покончить с неграмотностью взрослого населения [Яскина, 2007. С. 183]. В рамках третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры МНР на 1961—1965 гг. предусматривалось осуществление постепенного перехода к всеобщему обязательному восьмилетнему образованию. И на IV сессии Великого народного хурала МНР, состоявшейся в марте 1963 г., был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования» [Санжаасурэн, Жерносек, 1981. С. 71]. Этим ознаменовалось установление новой системы образования: вместо существовавших семилетних школ были созданы восьмилетние, а вместо средних десятилеток — одиннадцатилетние школы с производственным обучением.

⁴ Сангха — буддийская община.

⁵ Худон — сельская местность в Монголии, буквально — все, что за пределом города.

Изучив процесс становления системы образования с законодательной стороны, рассмотрим сами ступени образования, существовавшие в МНР.

Школьное образование. Осенью 1921 г. в Улан-Баторе была открыта первая начальная школа, преподавание в которой велось на монгольском языке. В двух классах этой школы насчитывалось до 40 учащихся. В 1922 г. открылась еще одна школа — на 30 учащихся. В 1923 г. в крупных населенных пунктах страны было открыто еще 10 начальных школ, в которых обучались в основном дети бедняков и сироты. В тот же период были открыты первая семилетняя школа и неполная средняя школа в Улан-Баторе, в которой продолжали обучение выпускники начальных школ. Как и в период автономии, преподавателями в новых школах были чаще всего бывшие писари и чиновники или учителя из России. В городских школах обучали грамоте, началу арифметики, географии и истории, в аймачных⁶ же преподавали только грамоту. Из-за отсутствия у государства средств на организацию широкой развитой сети школьного образования в некоторых районах араты стали создавать аймачные школы на собственные средства⁷. К 1925 г. в МНР существовало 63 аймачные школы, в которых обучались 1070 мальчиков и 39 девочек.

Чтобы ликвидировать такое положение и улучшить развитие культуры и просвещения (монг. *гэгээрэл, gegeerel, gegereel*) в стране, IV Великий народный хурал в апреле 1930 г. постановил открывать школы при кооперативах и коммунах и организовывать при них подсобные хозяйства, которые должны были содействовать уменьшению расходов государства на содержание учащихся. Иными словами, большое распространение в тот период получили школы-интернаты, где дети не только учились, но и жили в течение учебного года.

Ко второй половине 30-х гг. в стране функционировало несколько видов школ: зимние начальные школы (период обучения с сентября по май), летние начальные школы (с апреля по ноябрь), летние добровольные начальные школы, средние школы. Летние школы создавались как наиболее дешевый вариант ввиду отсутствия большого запаса средств как в бюджете, так и у аратства. Чтобы сократить расходы на топливо и укрепленные постройки, было решено организовать сеть летних школ, которые работали с 15 апреля по 1 ноября, т. е. в наиболее благоприятное в климатическом отношении время. Зачастую добровольные школы организовывались по инициативе самих аратов, которые собирали деньги, кино, продукты, одежду, ставили юрты, искали учителей. По окончании добровольной школы учащиеся

⁶ Аймак — административная единица в Монголии. В период МНР в стране было 18 аймаков.

⁷ Аймачные школы — региональные школы, которые поначалу открывались на средства аратов, впоследствии же была создана сеть государственных школ и в аймаках.

поступали во 2-й или 3-й класс (в зависимости от подготовленности) государственной начальной школы. С 1941 г. добровольные школы были переведены на государственный бюджет. Обучение в таких школах делилось на 3 триместра примерно по 52 дня каждый. Несмотря на то что школы такого типа были популярны, к 1941 г. все летние школы были преобразованы в 9-месячные зимние из-за ряда недостатков: несовпадения сроков обучения со средними школами, слишком жарких летних месяцев, когда заниматься можно было только либо рано утром, либо вечером.

Также в сельских местностях при неполных средних школах стали функционировать сезонные школы, где молодые люди могли получить среднее образование. В постановлении Центрального комитета партии и Совета Министров № 223/298 от 1966 г. «О режиме сезонных школ» значится:

Сезонные школы предоставляют образование людям старше 13 лет, получившим начальное образование и работающим в отрасли сельского хозяйства. Сезонные школы, как и временные, организуются при объединениях и других различных организациях отделом просвещения аймака в соответствии с государственным планом. В классе может быть от 15 до 30 учеников. В некоторых местах сезонные школы создаются при средних школах. При поступлении в школу ученик сдавал письменный экзамен по монгольскому языку и арифметике по программе четырехлетнего начального обучения. Срок обучения в сезонных школах — 3 года, уроки с 1 октября по 1 марта, то есть 20 недель. По окончании сезонной школы человек получает среднее образование [Ардын боловсрол, 1968. С. 57]⁸.

В городах и крупных населенных пунктах действовали вечерние сменные школы, а также консультационные пункты для заочного обучения. В них учащиеся получали среднее образование без отрыва от производства. Государство сохраняло слушателям вечерних школ полную заработную плату на время экзаменов, обеспечивало их бесплатными учебниками и пособиями.

К пятидесятым годам XX в. в МНР сложилась единая государственная система школ и других образовательно-воспитательных учреждений. Учебные заведения были полностью отделены от церкви, для поступления не существовало никаких преград, привилегий или ограничений. Женщины имели равные с мужчинами права на образование. Национальные меньшинства имели возможность получать образование на родном языке. Так, например, казахи, проживавшие в Кобдоском и Баян-Ульгийском аймаках, имели свои национальные школы, в которых обучение велось на родном языке учащихся. В Улан-Баторе работало специальное издательство, выпускавшее книги и учебники на казахском языке.

⁸ Перевод источника с монгольского выполнен К. И. Бикмаевой

Специальное образование. Параллельно с развитием школ правительство начало организовывать систему специального и высшего образования. С этой целью в 1921 г. были открыты четырехмесячные курсы для подготовки учителей начальных школ. В 1927 г. было открыто первое Педагогическое училище. При училище были организованы одно- и двухгодичные курсы по подготовке учителей начальной и средней школы. Кроме того, было открыто казахское отделение, где обучались учителя для казахских сомонов Кобдоского аймака⁹.

По мере развития системы просвещения в стране начала складываться система вечернего образования рабочей молодежи. В 1942 г. ЦК МНРП принял постановление «Об организации школ аратской молодежи». В 1943 г. было открыто 13 таких школ с двухгодичным сроком обучения. Вечерняя система обучения базировалась на программе 4—6-х классов общеобразовательной школы, но с дополнительным включением политграмоты и прикладных сельскохозяйственных дисциплин. Постановлением ЦК МНРП и Совета Министров МНР «Об организации вечернего образования для рабочей и аратской молодежи» от 1955 г. предусматривалось создание вечерних семилетних и средних школ для рабочей и аратской молодежи. Занятия в школах рабочей молодежи проводились с 1 сентября по 20 июня, в школах аратской молодежи — с 1 октября по 20 мая. Уже в 1960 г. в стране насчитывалось 49 школ обоих типов, в них обучалось 8100 человек.

Быстрое развитие экономики и культуры МНР вызвало необходимость ускорить подготовку специалистов в различных отраслях народного хозяйства и культуры. В первые годы революции организовывались краткосрочные курсы, на которых можно было освоить азы профессионального образования. Первым средним специальным заведением стало педагогическое училище в Улан-Баторе, затем были организованы школы связи, переводчиков и фабрично-заводского ученичества, а также техникумы: медицинский, зоотехнический, ветеринарный, сельскохозяйственный, финансовый, кооперативный и театральный. В 1940 г. в них обучалось 1200 учащихся. С 1943 г. при государственных хозяйствах и машинно-сенокосных станциях стали создаваться школы аратской молодежи. В 1943 г. было организовано 13 таких школ [Балдаев, 1958. С. 37]. С целью подготовки кадров квалифицированных рабочих для промышленных предприятий страны в системе соответствующих министерств была развернута сеть юношеских профессиональных школ.

Высшее образование. До 1940 г. в МНР не было высших учебных заведений. Подготовка специалистов осуществлялась в основном средними учебными заведениями. Лишь отдельные лица из монголов

⁹ Особенностью Кобдоского и Баян-Ульгийского аймаков в Западной Монголии является то, что большую часть населения там составляют казахи и другие этнические группы.

получали высшее образование в советских вузах. 5 октября 1942 г. в Улан-Баторе был открыт Монгольский государственный университет. Первоначально он имел 3 факультета — ветеринарно-зоотехнический, медицинский и педагогический, в 1951 г. были созданы еще два — биологический и химический. Основанный в 1940 г. Учительский институт с двухлетним сроком обучения в 1950 г. был преобразован в Педагогический институт¹⁰. В нем были открыты отделения монгольского языка и литературы, математики, физики, химии, биологии, географии, истории, русского языка и физкультуры.

В ходе VI пятилетки удалось добиться больших успехов в области культуры, образования, здравоохранения. В 1976—1980 гг. в Кобдо был открыт Педагогический институт, в Улан-Баторе отреставрирован Институт русского языка. 33 тысячи специалистов имели среднее и среднее специальное образование. Таким образом, к 1983 г. в Монголии каждый четвертый имел специальное или высшее образование [Дорж, 1983. С. 83].

Борьба с безграмотностью взрослого населения. Большую роль в формировании системы образования и развитии культуры МНР сыграли культурные кампании, одной из целей которых являлась борьба с безграмотностью взрослого населения.

Согласно статистическим данным, на 1930 г. грамотными было 5—10 % взрослого населения, доля мужчин преобладала. Однако необходимо учитывать, что некоторые источники включают в понятие грамотности владение тибетским языком, то есть умение читать и писать по-тибетски. При этом человек мог абсолютно не знать монгольской грамоты. Если же считать грамотными только людей, обученных монгольскому языку, то можно сделать вывод, что процент грамотного населения был даже ниже.

На начальном этапе борьбы с безграмотностью взрослого населения в Монголии существовало 3 вида обучения: домашнее обучение, временные школы и группы. Рассмотрим подробнее.

1. Домашнее обучение. Такое обучение происходило на добровольной основе. Учителем являлся грамотный человек, чаще всего, однако, не имеющий профильного образования. Домашнее обучение активно пропагандировало и поддерживало государство, пытаясь тем самым компенсировать невозможность обеспечить необходимой инфраструктурой всех жителей. Упоминание о данном виде школ встречается реже всего, поэтому можно сказать, что такой вид обучения был наименее распространен и играл не столь высокую роль в развитии грамотности среди населения.

2. Временные школы. Это был наиболее распространенный вид школ. Предназначался преимущественно для ликвидации безграмотности среди

взрослых. Изначально планировалась привлекать из каждых пяти юрт по 2 человека, не знающих монгольский язык. В школах планировалось не только преподавать язык, но и знакомить граждан с монгольскими законами и политикой партии. Наибольшего успеха такой вид школ добился в городских или полугородских районах, таких как Алтанбулаг¹¹ на севере и Улясутай¹² на западе, где школы находились при клубах и красных уголках. Внутри системы временных школ существовали кочующие школы. Их функции были те же, что и у стационарных. Разница была лишь в том, что они меняли свое местоположение в зависимости от сезона.

3. Группы. Так называемые «группы» во многом были похожи на временные школы. Они принадлежали Ревсомолу, женским и военным организациям. Их разрешалось посещать как членам организаций, которым они принадлежали, так и простым аратам, не входившим ни в какие организации. С середины 30-х гг. временные школы и группы стали прикрепляться к монастырям, чтобы распространять грамотность среди беднейших монахов, так как, с одной стороны, у монастырей изымались права на образовательную деятельность, а с другой — это позволяло заручиться поддержкой низшего духовенства.

Также для борьбы с неграмотностью был создан институт «кочевых учителей». Молодых учителей часто отправляли в культпоходы, которые были направлены на работу по ликвидации неграмотности и обучению латинскому алфавиту. В 1929 г. для работы по ликвидации неграмотности в худонах было послано 300 культработников из числа учащихся столичных школ. В 1930 г. ЦК Ревсомола провел культпоход за ликвидацию неграмотности. По результатам похода обучением было охвачено 800 человек, а общее число овладевших грамотой в 1930 г. достигло 23 300 человек.

Период с 1930 по 1950 г. стал наиболее эффективным в области ликвидации безграмотности. Каждый знающий грамоту должен был обучать ей своих товарищей. В худоне организовывались юрты, в которых желающие могли обучаться грамоте. Это способствовало значительному росту числа людей, умеющих читать и писать.

За неполные 70 лет существования МНР удалось совершить серьезный рывок в развитии системы общедоступного школьного образования. И действительно, даже учитывая тот факт, что у государства не всегда хватало средств на строительство новых образовательных учреждений или на обеспечение их материалами, практически в каждом аймаке открывались кочевые (монг.: *нүүдлийн сургууль*, *nuudliin surguuli*, *negüdel-iin surgaguli*) или стационарные школы. Для подготовки квалифицированного персонала начала зарождаться система высшего образова-

¹⁰ В 1991 г. Педагогический институт был переименован в Государственный педагогический университет, а в 2003 г. преобразован в Монгольский государственный педагогический университет.

¹¹ Алтанбулаг — город в аймаке Сэлэнгэ, расположенный на монгольско-российской границе.

¹² Улясутай — центр аймака Дзавхан, крупный город на западе Монголии.

ния. Начав со школьного, постепенно стали организовывать и среднее специальное и высшее образование. Это позволяло монголам обеспечивать свою страну своими квалифицированными кадрами, а не

ожидать поддержки Советского Союза. Это также заложило базу успешного развития науки в дальнейшем.

Использованная литература

- Балдаев, 1958: *Балдаев Р. Л.* Народное образование в Монгольской Народной Республике // Советская педагогика. 1958. № 11. (*Baldaev R. L. Narodnoe obrazovaniye v Mongol'skoy Narodnoy Respublike // Sovetskaya pedagogika. 1958. № 11.*)
- Балдаев, 1967: *Балдаев Р. Л.* Создание и развитие системы народного образования в МНР (1921—1965). Ленинград, 1967 (*Baldaev R. L. Sozdaniye i razvitiye sistemy narodnogo obrazovaniya v MNR (1921—1965). Leningrad, 1967.*)
- История Монголии, 2007: История Монголии XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007 (*Istoriya Mongolii XX vek / otv. red. G. S. Yaskina. M.: IV RAN, 2007.*)
- Майский, 1959: *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М.: Вост. лит., 1959 (*Mayskiy I. M. Mongoliya nakanune revolyutsii. M.: Vost. lit., 1959.*)
- Машлай, 1965: *Машлай Т.* Развитие общеобразовательной школы Монголии (1911—1940). М., 1965 (*Mashlay T. Razvitiye obsheobrazovatel'noy shkoly Mongolii (1911—1940). M., 1965.*)
- Санжаасурэн, Жерносек, 1981: *Санжаасурэн Р., Жерносек И.* Очерки истории общеобразовательной школы Монгольской Народной Республики. М.: Педагогика, 1981 (*Sanjaasuren R., Jernosek I. Ocherki istorii obsheobrazovatel'noy shkoly Mongol'skoy Narodnoy Respublicii. M.: Pedagogika, 1981.*)
- Яскина 2007: История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с. (*Istoriya Mongolii. XX vek / Otv. red. G. S. Yaskina. M.: IV RAN, 2007. 448 s.*)
- Ардын боловсрол, 1968: Ардын боловсрол, соёл-урлаг, шинжлэх ухааны талаарх хууль тогтоомжийг системчилсэн эмхэтгэл (1964—1967 он) III боть. Улаанбаатар, 1968 (*Arдын боловсрол, соёл-урлаг, шинжлэх ухааны талаарх хууль тогтоомжийг системчилсэн эмхэтгэл (1964—1967 он) III боть. Улаанбаатар, 1968.*)
- Дорж, 1983: *Дорж Ц.* Шинэтаван жил. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1983 (*Dorj Ts. Shine tavanjil. Ulaanbaatar: Ulsein hevleliin gazar, 1983.*)
- Bawden, 1968: *Bawden C. R.* The Modern History of Mongolia. 1968.
- Kaplonski, 2014: *Kaplonski C.* The Lama Question: Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia. University of Hawai'i Press, 2014.

К. И. Bikmaeva Formation of the education system in Mongolia

Before the revolution of 1921 the education in Mongolia was not clearly structured. But after the founding of the MPR the systematic creation of an education system began. Due to the large-scale cultural campaigns the level of literacy of the population increased from 5 % in the 1920s to 100 % in the 1970s.

Key words: education system, enlightenment, mobile schools, cultural campaign.

В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек

Потомки академика В. П. Васильева (1818—1900): к 200-летию со дня рождения *

DOI 10.25882/knrj-tp17

Статья представляет собой значительно дополненный и исправленный вариант доклада «Академик В. П. Васильев и его потомки: эскиз генеалогического древа», прочитанного 4 апреля 2018 г. на Всероссийской научной конференции «Академик В. П. Васильев (1818—1900) как исследователь культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения», проходившей в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, тезисы которого были опубликованы в том же году [Жуков, Кульганек, 2018. С. 14—18]. Читателю предлагается история потомков выдающегося российского китаеведа, буддолога В. П. Васильева до восьмого поколения, т. е. до прапрапраправнуков включительно.

Ключевые слова: В. П. Васильев, Казанский университет, китаеведение, монголоведение, буддология, санскритология, генеалогия, потомки.

Василий Павлович Васильев (20.02/4.03.1818—27.04/10.05.1900) — выдающийся российский ученый-синолог, буддолог, санскритолог, доктор восточной словесности (с 1864 г.), член-корреспондент (с 1866 г.), ординарный академик (с 1886 г.) Императорской Санкт-Петербургской академии наук, заведующий кафедрой китайско-маньчжурской словесности Императорского Казанского университета (1851—1855), профессор (с 1855 г.), декан восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1878—1893). Действительный тайный советник, член Императорского Русского географического общества (ИРГО) с 1852 г., почетный член Казанского университета, в 1889 г. был избран почетным членом Петербургского университета. В 1870 г. награжден Константиновской медалью ИРГО за монографию «Буддизм, его догматы, история и литература», ценную для китаеведения, тибетологии и монголоведения. Автор 200 научных трудов. В 1855 г. род Васильевых был утвержден в потомственном дворянстве.

150-летию В. П. Васильева была посвящена научная сессия Института востоковедения АН СССР (в Москве), 200-летию — Всероссийская научная конференция в ИВР РАН (в Петербурге). На Доме академиков (жилой дом Академии наук¹), в котором жил академик В. П. Васильев в Петербурге, в 1950 г.

установлена мемориальная доска (архитектор Р. И. Каплан-Ингель): «Здесь жил академик Василий Павлович Васильев. 1818—1900. Крупнейший русский китаевед».

Мемориальная доска В. П. Васильеву

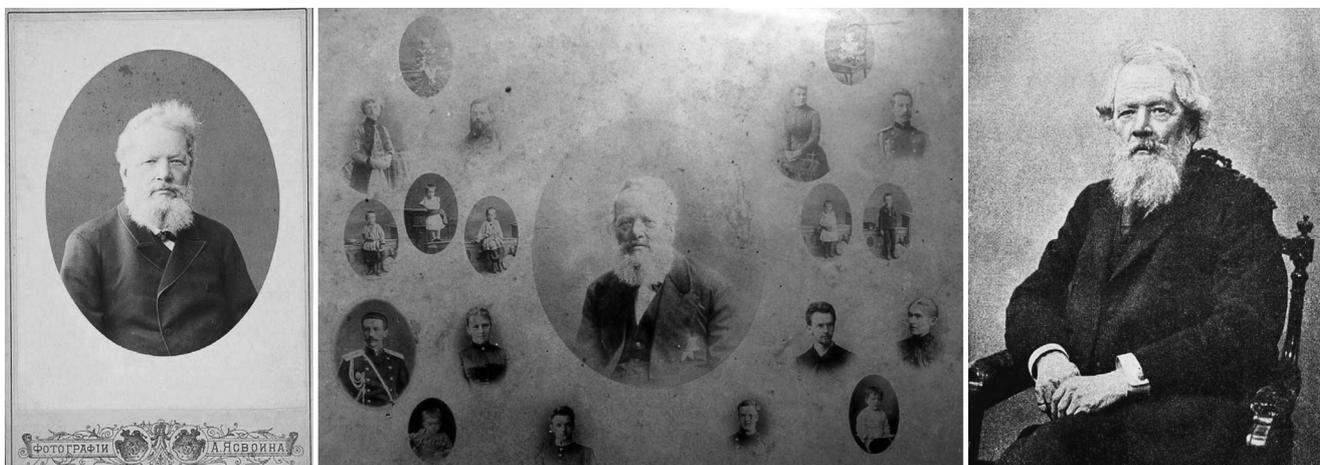
* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев»).

¹ Санкт-Петербург, 7-я линия В. О., 2 / наб. Лейтенанта Шмидта, 1 / Академический пер., 12.

Василий Павлович Васильев родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника канцелярии Губернского правления, титулярного советника Павла Васильевича Васильева, сына сельского священника.

Мать, Анна Петровна Васильева, тоже из духовного сословия [Валеев, 2002. С. 20; Крушинская, 2006. С. 269]. В семье было пятеро детей: две дочери и три сына, В. П. Васильев — самый младший.

Академик Василий Павлович Васильев (1818—1900)

В. П. Васильев в окружении семьи.
Предоставлено С. С. Яшенковым

В 1852 г., будучи профессором Казанского университета, в возрасте 34 лет он женился на 20-летней **Софье Ивановне Симоновой** (25.07/6.08.1832—12/24.07.1868), дочери члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук и ряда зарубежных академий и научных обществ, ректора Казанского университета **Ивана Михайловича Симонова** (1794—1855), который возглавлял университет непосредственно после Н. И. Лобачевского и до ректорства О. М. Ковалевского. И. М. Симонов был участником экспедиции Ф. Ф. Беллингаузена и М. П. Лазарева, открывшей Антарктиду, и первым русским астрономом, совершившим кругосветное путешествие и наблюдавшим в ноябре 1846 г. только что открытую планету Нептун. Действительный статский советник. Награжден орденом Анны II степени, что дало ему право на потомственное дворянство. В приданое Софья Ивановна получила от отца имение в с. Каинки, где Васильевы жили в 1852—1855 гг. Через 16 лет В. П. Васильев овдовел. Супруга умерла родами, похоронена вместе с мертворожденным последним сыном Павлом *¹ в с. Каинки.

Сам Василий Павлович пережил жену на 32 года и умер от двустороннего воспаления легких [Крушинская, 2006. С. 276] 27 апреля (10 мая) 1900 г. в Петербурге.

¹ Здесь и далее одной, двумя или тремя звездочками отмечены сведения, любезно предоставленные потомками академика — праправнуками А. А. Васильевой (*) и С. С. Яшенковым (**), прапраправнучкой Е. Б. Гугушвили и прапрапраправнучкой Н. Т. Горсюковой (***)

ПОТОМКИ АКАДЕМИКА В. П. ВАСИЛЬЕВА

У четы Васильевых родилось девять *детей*² — пятеро сыновей и четыре дочери, одна из которых умерла при рождении. Нами установлены также 14 внуков, 11 правнуков, 13 праправнуков, 9 прапраправнуков, 11 прапрапраправнуков и 2 прапрапрапраправнука. Итого 69 потомков академика. Степень родства указана по отношению к В. П. Васильеву и выделена курсивом. Дети потомков перечисляются в порядке старшинства их родителей. Имена, отчества и фамилии потомков выделены жирным шрифтом.

1. Дети академика (второе поколение, 9 человек)

1.1. **Сын Александр Васильевич Васильев** (24.07/5.08.1853—6.10.1929). Крупный математик и историк, профессор, депутат I Государственной думы от Казанской губернии, член Государственного совета от Академии наук, член ЦК кадетской партии.

В 1874 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и с того же года преподавал в Казанском университете. С 1899 г. — заслуженный ординарный профессор этого университета по кафедре чистой математики. Один из основателей физико-математического общества при Казанском университете (1890), которое возглавлял полтора десятилетия. При его содействии

² Мертворожденный Павел здесь не учитывается.

в Казани были созданы Высшие женские курсы, на которых он преподавал.

Был земским гласным (1880—1890), мировым судьей свияжских уездных училищных советов. В 1906 г. переехал в Петербург. С 1907 г. преподавал в Петербургском университете и на Высших женских

(Бестужевских) курсах. Председатель Петроградского математического общества в 1921—1923 гг. Затем переехал в Москву. С 1923 г. профессор Московского университета. Член-корреспондент Международной академии истории науки ³ (1929).

Старший сын академика

Александр Васильевич Васильев (1853—1929)

Математик

Был первым биографом Н. И. Лобачевского, одним из зачинателей фундаментальных исследований по истории математики в России. Интересовался вопросами теории относительности. С 1885 г. был знаком с А. И. Ульяновым, оставил подробные воспоминания о периоде знакомства с ним. В декабре 1887 г. принял участие в сходке в Казанском университете, участником которой был первокурсник этого же университета В. И. Ульянов (Ленин). Был знаком с одним из представителей русского космизма и создателем науки биогеохимии В. И. Вернадским, с основоположником гидро- и аэродинамики Н. Е. Жуковским.

В 1879 г. женился на Александре Павловне Максимович — дочери Павла Павловича Максимовича (1817—1892), общественного деятеля, члена Тверской губернской земской управы в 1866—1877 гг., который был шурином (брат жены) астронома И. М. Сиимонова. По материнской линии она была внучкой

А. И. Хлебникова, штурмана шлюпа «Диана», совершившего под началом В. М. Головнина в 1807—1813 гг. экспедицию с целью исследования северной части Великого океана. Шурина А. В. Васильева (брат Александры Павловны) Владимир Павлович Максимович (1850—1889) тоже был математиком, доктором математических наук. В семье А. В. Васильева было четверо детей: два сына и две дочери. Умер и похоронен в Москве, на Введенском кладбище [Васильев, 2018; Бажанов, 1988; Крушинская, 2006а. С. 288].

1.2. **Дочь Аглаида Васильевна Васильева** (5.07.1854, умерла при рождении*).

1.3. **Сын Николай Васильевич Васильев** (29.06.1857—1920). Агроном, доктор медицины Бернского университета, профессиональный революционер, участник русского и швейцарского революционного движения. Политический ссыльный, политэмигрант. Активный участник народнического дви-

³ До 1932 г. — Международный комитет по истории науки.

жения [Мокшин, 2007. С. 45], затем марксист, член РСДРП, видный меньшевик, один из ближайших соратников Г. В. Плеханова. Публицист, редактор, мемуарист, автор воспоминаний о революционном движении [Васильев, 1931].

Родился и окончил гимназию в Петербурге. Учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, затем в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства (Ново-Александрия, совр. Пулавы, близ Варшавы, Польша). В 1876 г. арестован за распространение нелегальной литературы. Сидел в варшавской тюрьме и в Доме предварительного заключения в Петербурге. Познакомился с Г. В. Плехановым. За участие в забастовке на Новой бумагопрядильне (Петербург, 1878 г.) был сослан в Холмогоры Архангельской губернии. Вскоре бежал за границу. Некоторое время жил в Лондоне, где познакомился с К. Марксом.

Учился медицине в Бернском университете (Швейцария), доктор медицины. Гражданин города Берна. Инициатор создания Народного дома в Берне. Провел в швейцарском законодательстве первый закон о страховании от безработицы. Редактор первой рабочей газеты Швейцарии.

С началом Первой русской революции вернулся в Петербург. В 1917 г. входил в группу Г. В. Плеханова «Единство», во Временный, затем Центральный комитет этой группы и в редакцию издававшейся ею газеты «Единство». Боролся против большевиков. В 1907 г. в статье «Плеханов и Васильев» В. И. Ленин называл его «видным меньшевиком», *unicum* и «Монбланом оппортунизма» [Ленин, 1907. С. 237, 239], а И. В. Сталин в том же году — «третьим вождем меньшевиков» [Коба, 2018]. После Октябрьской революции служил в Петроградском союзе рабочих потребительских обществ (Петросоюз). Овдовел. Умер от тифа в Петрограде на исходе «военного коммунизма». Оставил двоих детей.

1.4. *Дочь Ольга Васильевна Васильева* (1858—1879). Трагически погибла (покончила с собой, выбросившись из окна). В память о ней девочек, родившихся в семьях Васильевых и Барановских, называли Ольгой*.

1.5. *Дочь Лидия Васильевна Барановская* (урожд. Васильева, 19.11.1860—1950*). Была замужем за генералом от кавалерии Всеволодом Степановичем Барановским (26.11.1853—июль 1921) [Барановский, 2018]. После революции эмигрировала во Францию. Имела пятерых детей: двух сыновей и трех дочерей. Умерла в Париже, похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур (Boulogne-Billancourt), недалеко от Парижа*.

1.6. *Дочь Мария Васильевна Барановская* (урожд. Васильева, 25.09.1863—?; дома ее звали Маней*). Была замужем за полковником Генерального штаба, затем генерал-лейтенантом Львом Степановичем Барановским (1855—?), братом названного выше генерала от кавалерии В. С. Барановского. Позднее супруги развелись. Осталась в Советской

России. В 1920-х гг. приезжала в Париж повидаться с сестрой Лидией Васильевной (1.5), затем вернулась обратно в СССР*. Имела троих детей: сына и двух дочерей.

Сестры Лидия и Мария Барановские (урожд. Васильевы) были замужем за братьями генералами Львом и Всеволодом Барановскими соответственно.

1.7. *Сын Сергей Васильевич Васильев* [старший] (1864—?). Математик (как и его старший брат Александр). Умер в Финляндии, в психиатрической клинике*.

1.8. *Сын Владимир Васильевич Васильев* (6.06.1866—?)*.

1.9. *Сын Сергей Васильевич Васильев* [младший] (8/20.07.1867*—1950). Ветеринарный врач. Жил в г. Свяжске. Владел 200 десятинами земли, имел хутор Поляна в 4 км от с. Каинки, разоренный после революции [Центр, 2018]. Родился в Царском Селе (ныне г. Пушкин в составе Пушкинского района Санкт-Петербурга). Мать умерла на следующий год после его рождения. В 10 лет поступил в гимназию в Санкт-Петербурге. Окончил 9 классов гимназии в 1888 г. и поступил в Казанский ветеринарный институт, который окончил в 1892 г. Затем работал ветеринарным врачом Свяжского земства Казанской губернии. В 1907 г. учредил первую в уезде ветлечебницу. В 1905 г. был призван на Русско-японскую войну, после демобилизации работал в Свяжске. В 1909 г. перешел на службу в Ядринское земство Казанской губернии, работал в с. Норусево (ныне с. Калинино, Чувашская республика РФ). В 1913 г. вернулся в Свяжское земство, в 1914 г. снова был мобилизован. По состоянию на сентябрь 1917 г. служил ст. ветеринарным врачом 68-го паркового артиллерийского дивизиона. После демобилизации в 1918 г. был принят ветврачом в Свяжском районе и работал там до 1927 г. Затем до 1940 г. работал ветврачом в различных районах бывшей Казанской губернии. Любил охоту на дичь с собаками.

Был дважды женат. В первый раз женился между 1888 и 1892 гг. Овдовел через пять лет после свадьбы. Второй раз женился в 1910 г. на Анне Герасимовне (урожд. Ионовой, 22.07.1890—26.04.1981). В каждом браке имел по дочери. Умер в 1950 г. и похоронен в г. Чебоксары, на старом кладбище у церкви Спаса нерукотворного образа (Спасо-Напольная, или Спасо-Кладбищенская, снесена в начале 1970-х гг., кладбище тоже не сохранилось)**.

2. Внуки академика (третье поколение, 14 человек)

Дети сына, Александра Васильевича Васильева (1.1)

2.1. *Внук Николай Александрович Васильев* (29.06.1880—31.12.1940). Философ, логик, психолог,

историк, литературовед, переводчик, поэт. Один из основателей неклассической, неаристотелевой (воображаемой) логики. Автор книги «Воображаемая логика» (М., 1989). Действительный член Московского психологического общества (с 1911 г.). В молодости увлекался поэзией, издал сборник стихов «Тоска по вечности» (1904). Переводил стихи Э. Верхарна.

Родился в Казани. Окончил Вторую казанскую гимназию (1898) и с отличием — медицинский факультет Казанского университета (1904), также прослушал курс философии. 11 марта 1901 г. принял участие в студенческой сходке и уличной демонстрации, за что попал под надзор полиции и уехал в Екатеринбург, где провел весну и лето 1901 г. По окончании вуза работал врачом в дер. Шатьма Ядринского уезда. Весной 1906 г. сдал в Казанском университете экзамены экстерном за курс историко-филологического факультета. 30 июня 1906 г. получил диплом I степени о его окончании.

Читал психологию и философию на Казанских высших женских курсах. С ноября 1910 г. — приват-доцент кафедры философии Казанского университета. В 1914 г. мобилизован в армию и зачислен в резерв врачей при Казанском окружном военно-санитарном управлении. Награжден орденом Святого Станислава III степени (1915). В 1916 г. демобилизован по болезни (глубокое депрессивное состояние, перешедшее в душевный кризис). С 9 декабря 1917 г. доцент, с 1 октября 1918 г. — профессор по кафедре философии Казанского университета. В 1922 г. заболел маниакально-депрессивным психозом, отправлен на пенсию (в возрасте 42 лет).

В 1904 г. женился на Екатерине Степановне Завьяловой. У них был сын Юлиан. Из-за обострившегося маниакально-депрессивного психоза последние годы жизни находился в психиатрической лечебнице, где и умер в последний день 1940 г. Похоронен на Арском кладбище в Казани (где покоится и Н. И. Лобачевский). Могила утеряна [Бажанов, 1988].

2.2. Внук Сергей Александрович Васильев (1881 или 1883—1962). Инженер путей сообщения. Родился в Казани. Переехал в Петербург, где в 1909 г. окончил Институт инженеров путей сообщения. Студентом последнего курса входил в состав студенческого комитета партии социалистов-революционеров и участвовал в создании эсеровской группы для ведения пропагандистской работы. Отпечатанные на mimeографе листовки хранил на квартире своей двоюродной сестры Ольги Львовны Керенской (урожд. Барановской) и ее мужа А. Ф. Керенского. В конце 1905 г. был арестован, сидел в петербургской тюрьме «Кресты», этажом выше камеры, где в это время находился в заключении Керенский.

Был начальником Ленской изыскательской партии, впервые обследовавшей р. Лену и реки верхней части ее бассейна (1911—1918). В 1920 г. эмигрировал из Севастополя в Королевство СХС (Сербов, Хорватов и Словенцев, с 1929 г. — Югославия) вместе с женой Тамарой Христофоровной Васильевой

(урожд. Дейкархановой, 1889 или 1891—1980). Строил мосты в Королевстве СХС и на Корсике (Франция). С 1922 г. жил в Нью-Йорке (США), где работал в авиастроительных компаниях. Умер в Нью-Йорке¹.

Его жена Т. Х. Васильева (Дейкарханова) обучалась в студии МХТ (1907—1911), стала ведущей актрисой театра миниатюр «Летучая мышь». В эмиграции в США много снималась в кино и на телевидении, читала лекции в американских университетах [Крушинская, 2006а. С. 288; Керенский, 2018; Васильев, 2018б; Дейкарханова, 2018].

2.3. Внучка Анна Александровна Крушинская (урожд. Васильева, 1882—1968). Переводчик, редактор, библиограф. С юности увлекалась историей, училась на курсах историка Д. М. Петрушевского (1863—1942, академик АН СССР с 1929 г.), который с 1893 г. преподавал в Москве всеобщую историю на Коллективных уроках при Обществе воспитательниц и учительниц.

В 1910 г. вышла замуж за юриста Виктора Леонидовича Крушинского (1872—1922). У них родился сын. Жили в Москве, в собственном доме. Овдовев, работала переводчицей в Наркомате путей сообщения (НКПС), затем всю жизнь была библиографом Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР² и подрабатывала как переводчица. Подхоронена в могилу отца на Введенском кладбище в Москве [Крушинская, 2006а. С. 277—330].

2.4. Внучка Елена Александровна Васильева (1884—?). Эмигрировала за границу [Крушинская, 2006а. С. 285].

*Дети дочери, Лидии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой) (1.5)**

2.5. Внучка Вера Всеволодовна Барановская (1884* или 1885—7.12.1935). Актриса театра и кино. Воспитанница школы МХТ и артистка МХТ (1903—1915). Исполнительница главной роли в кинокартине «Мать» (1926) и работающей женщины в фильме «Конец Санкт-Петербурга» (1927) режиссера Вс. И. Пудовкина. Известна также по фильмам, снятым в Германии и Чехословакии. В 1932 г. уехала на лечение во Францию. Умерла в Париже [Барановская, 2018],

¹ Сообщение В. Ю. Черняева. 8.07.2018 г.

² Фундаментальная библиотека общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР — Библиотека Социалистической академии общественных наук — Коммунистической академии (1918—1936 гг.), Фундаментальная библиотека общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР (ФБОН АН СССР им. В. П. Волгина, 1936—1969 гг.), с 1969 г., после образования на ее базе Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), — Институт научной информации и Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР (ИНИБОН), затем Фундаментальная библиотека ИНИОН АН СССР, ныне Библиотека ИНИОН РАН.

похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур. Детей не имела.

2.6. **Внук Владимир Всеволодович Барановский** (1888—1950). Во время революции эмигрировал в США, где сменил фамилию на Барстоу. Первым браком был женат на Марии Сила-Новицкой (25.01.1895—?), вторым — на американке по имени Ферн, фамилия неизвестна.

2.7. **Внучка Ольга Всеволодовна Сумарокова** (урожд. Барановская, 1891—1940). Была замужем за актером театра и кино и режиссером Александром Александровичем Сумароковым (1884—после 1967). Супруги развелись еще до революции. О. В. Сумарокова эмигрировала во Францию, бывший муж остался в России. Умерла в Париже, похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур.

Внуки академика

Владимир Львович Барановский (1882—1931)
Русский и советский военный деятель, генерал-майор

Ольга Львовна Керенская (урожд. Барановская, 1884—1973). Первая жена А. Ф. Керенского. С сыновьями Олегом и Глебом Александровичами Керенскими. 1916 г.

Вера Всеволодовна Барановская (1864 или 1885—1935) Актриса театра и кино. 1913 г.

2.8. **Внучка Елена Всеволодовна Бирюкова** (урожд. Барановская, 1892—1967*). Врач, двоюродная сестра О. Л. Керенской (урожд. Барановской). Была замужем за генерал-майором Николаем Павловичем Бирюковым (1873—1919), героем Первой мировой войны, участником Брусиловского прорыва. В Гражданской войне активного участия не принимал. Расстрелян красными 13 июля 1919 г. в Одессе [Бирюков, 2018].

Е. В. Бирюкова эмигрировала во Францию, где не имела права на врачебную практику. В эмиграции у нее родилась внебрачная дочь от А. Ф. Керенского. Елена Всеволодовна умерла в Париже, похоронена на кладбище Булонь-Бийанкур.

2.9. **Внук Святослав Всеволодович Барановский** (1896—1969). Офицер, сражался в рядах Добровольческой армии. Эмигрировал во Францию. Был дважды женат. Первая жена, Клавдия Сердюк, осталась в России. Вторая жена — Ольга Сергеевна Завалишина. С. В. Барановский умер в Париже.

Дети дочери, Марии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой) (1.6)

2.10. **Внук Владимир Львович Барановский** (20.05.1882—11.09.1931). Русский и советский воен-

ный деятель, генерал-майор (за отличия по службе, 1917 г.), герой Первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием.

Участник Февральской революции, член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. С 6 июля 1917 г. начальник кабинета военного и морского министра Временного правительства А. Ф. Керенского (по назначению последнего), который был его зятем (муж сестры). После Октябрьской революции подвергался аресту, был заключен в Петропавловскую крепость. 4 января 1918 г. освобожден под честное слово. В марте 1918 г. уволен со службы. С сентября 1918 г. — в РККА, где занимал разные должности, в 1921—1924 гг. — начальник оперативно-строевого отдела Управления связи РККА. Арестован 17 февраля 1931 г. по делу «Весна»¹. Признан себя виновным в создании контрреволюционных организаций. Осужден к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. Умер в СибЛАГе осенью того же года [Барановский, 2018].

¹ Дело «Весна» — репрессии в отношении офицеров Красной Армии, служивших ранее в Русской императорской армии, и гражданских лиц, в том числе бывших белых офицеров, организованные в 1930—1931 гг. органами ОГПУ. Только в Ленинграде в мае 1931 г. по этому делу было расстреляно свыше тысячи человек.

2.11. *Внучка Ольга Львовна Керенская* (урожд. Барановская, 1884—1.10.1975). Первая жена А. Ф. Керенского (с 1904 г. и фактически до его ухода в Госдуму в начале Февральской революции 1917 г.). Училась на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге. В семье родились двое сыновей. Весной 1918 г. Керенский эмигрировал, а Ольга Львовна с детьми и матерью осталась в Петрограде без средств к существованию, набивала табак папиросные гильзы на продажу. Одна из большевистских газет писала:

Сам Керенский за границей —
Там, где царские отбросы,
А жена его в столице
Набивает папиросы.

В мае 1918 г. уехала с семьей в Усть-Сысольск. В августе была арестована ВЧК и доставлена в Москву, на Лубянку, обвинена в попытке бегства к белым. В течение шести недель содержалась вместе с детьми в Лубянской тюрьме. После освобождения осенью 1918 г. вернулась в Петроград, проживала совместно с матерью. Младший сын Глеб болел туберкулезом. В 1920 г. они как эстонские граждане выехали в Эстонию, затем в Швецию, в августе 1920 г. переехали в Англию. Там Ольга Львовна работала машинисткой, волонтером женской неправительственной организации. Летом 1939 г. брак между супругами Керенскими был официально расторгнут. 20 августа 1939 г. А. Ф. Керенский вступил во второй брак — с Лидией Элен (Нелл) Триттон.

О. Л. Керенская пережила его на пять лет. Покоится на лондонском кладбище Путни-Вейл (Putney Vale Cemetery and Crematorium) рядом с А. Ф. Керенским, своими сыновьями и их женами [Керенский, 2018а].

2.12. *Внучка Елена Львовна Тархова* (урожд. Барановская, 2.09.1885—?).

*Дети сына, Сергея Васильевича Васильева [младшего] (1.9)***

От первой жены

2.13. *Внучка Ольга Сергеевна Васильева*. Эмигрировала во Францию, встречалась там с потомками своей тети Лидии Васильевны Барановской (урожд. Васильевой) (1.5), судьба которых подробно описана в романе *праправнучки* академика А. А. Васильевой «Возвращение в эмиграцию»². Около 1945—1946 гг. переехала в США. Прислала в Чебоксары письмо своему отцу С. В. Васильеву в 1950 г., в год его смерти. Детей не имела.

² Рукопись первого тома принята на хранение в фонд Всероссийской мемуарной библиотеки (Москва) под № 56. Тома 1-й и 2-й с дарственными надписями переданы в Мемориальную библиотеку князя Г. В. Голицына (Петербург) в 2005 и 2006 гг.

*От второй жены, Анны Герасимовны Васильевой
(урожд. Ионовой)*

2.14. *Внучка Тамара Сергеевна Яшенкова* (урожд. Васильева) (22.02.1918—14.10.2007). Родилась в Казани, окончила рабфак (1934—1937), затем, как и ее отец, Казанский ветеринарный институт (1937—1941). Вышла замуж за однокашника по институту Михаила Ивановича Яшенкова (7.11.1918—5.05.2007). У них родились сын и дочь.

Т. С. Яшенкова — участник Великой Отечественной войны, затем работник мясной промышленности Чувашской АССР. Заслуженный ветеринарный врач Чувашской АССР (1973). Умерла и похоронена в г. Чебоксары, на кладбище № 11 (пос. Яуши).

3. Правнуки академика (четвертое поколение, 11 человек)

Сын внука, Николая Александровича Васильева (2.1)

3.1. *Правнук Юлиан Николаевич Васильев*. Родился до революции.

Сын внучки, Анны Александровны Крушинской (урожд. Васильевой) (2.3)

3.2. *Правнук Леонид Викторович Крушинский* (3/16.06.1911—25.05.1984). Выдающийся отечественный нейробиолог, доктор биологических наук, член-корреспондент АН СССР (с 1974 г.), профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Пионер в СССР исследований по генетике поведения. Разработал учение об элементарной рассудочной деятельности животных как предьстории интеллекта человека. Лауреат Ленинской премии (1988 г., посмертно, за работу 1976 г. «Биологические основы рассудочной деятельности»). В 1974—1984 гг. член Правления Московского общества физиологов, Международного совета по изучению мозга (IBRO). Избирался вице-президентом Всесоюзного физиологического общества им. И. П. Павлова.

Родился в Москве. Окончил школу в 1928 г. Тогда же поступил в Казанский университет (в Московский не был принят по причине происхождения из потомственных дворян). В 1930 г. по дополнительному набору поступил в МГУ на II курс биологического факультета. Окончил кафедру динамики развития организма в 1934 г. В 1934—1937 гг. учился в аспирантуре. В 1938 г. защитил кандидатскую, в 1947 г. — докторскую диссертацию. В 1938—1948 гг. был ассистентом и доцентом той же кафедры. По совместительству в течение 10 лет работал научным консультантом Института физиологии им. И. П. Павлова в лаборатории генетики высшей нервной деятельности.

В войну жил в Москве, был прикомандирован к Центральной военно-технической школе собаководства Красной Армии (ЦВТШС КА), где работал еще студентом. Результаты исследований нашли практическое применение, в том числе для создания экспресс-метода отбора и дрессировки служебных собак для минно-розыскной, противотанковой и санитарной (перевозка раненых) служб. В 1942—1943 гг. неоднократно выезжал на фронт для испытания служебных собак в боевых условиях. После испытания на собаках ездил на фронт и испытывал на бойцах препараты, снимающие утомление.

В 1951—1983 гг. организатор и заведующий лабораторией патофизиологии высшей нервной деятельности МГУ, в 1983—1984 гг. возглавлял кафедру высшей нервной деятельности МГУ. Член редколлекции трех журналов АН СССР по биологии. Автор более 200 научных трудов, в том числе по служебному собаководству.

Был дважды женат. В 1934 г. женился на Татьяне Александровне Бедняковой, тоже выпускнице МГУ, работавшей вместе с ним в лаборатории кинологии ЦВТШС КА. У них было две дочери. В 1954 г. женился на Наталье Алексеевне Розановой. В этом браке родился сын. Л. В. Крушинский скончался в Москве, подхоронен в могилу деда-математика и матери на Введенском кладбище [Крушинская, 2006а. С. 287—347].

Дети внуки, Ольги Львовны Керенской (урожд. Барановской) (2.11)

3.3. *Правнук Олег Александрович Керенский* (3/15.04.1905—25.06.1984). Выдающийся инженер-мостостроитель, один из лучших специалистов своего времени. 5.01.1918 г. участвовал в демонстрации в поддержку Учредительного собрания в Петрограде.

Правнуки академика

Олег Александрович Керенский
(1905—1984).
Выдающийся инженер-мостостроитель

Глеб Александрович Керенский
(1907—1990).
Инженер-энергетик

Спроектировал крупнейший в мире «Купол открытый» диаметром 111 м в Лондоне (1951), первый Босфорский подвесной мост через пролив Босфор в Стамбуле длиной 1560 м (проект 1950 г., открыт в 1973 г.). Командор ордена Британской империи (1964), награжден королевой Елизаветой II. Член Лондонского королевского общества (1970). Был женат на Дороти. У них был сын. О. А. Керенский похоронен вместе с женой Дороти, родителями и братом Глебом на кладбище Путни-Вейл в Лондоне.

3.4. *Правнук Глеб Александрович Керенский* (7.12.1907—декабрь 1990). Инженер-энергетик. Был женат на Мэри (1920—2013). У них было трое детей: сын и две дочери. Подхоронен с женой Мэри в могилу матери, Ольги Львовны Керенской, на кладбище Путни-Вейл в Лондоне.

Дочь внуки, Ольги Всеволодовны Сумароковой (урожд. Барановской) (2.7)

3.5. *Правнучка Елена Александровна Васильева*¹ (урожд. Сумарокова, 1914—2012). Была замужем за Андреем Ивановичем Васильевым (1907—1990)*.

*Дети внуки, Елены Всеволодовны Бирюковой (урожд. Барановской) (2.8)**

3.6. *Правнук Всеволод Николаевич Бирюков* (1913—1982). Двоюродный брат *правнучки* академика Елены Александровны Васильевой (урожд. Сума-

¹ Фамилия по мужу — однофамильцу академика.

роковой). Они были очень дружны, вместе росли. Их путь в эмиграцию лежал через Новороссийск в Константинополь, затем на остров Антигон в Мраморном море². В 1923 г. по нансеновскому паспорту переехали во Францию — сначала в Марсель, затем в Париж. В. Н. Бирюков работал шофером парижского такси. Был дважды женат, оба раза на французках. В первом браке имел дочь, во втором — сына.

3.7. *Правнучка Ирина Александровна Керенская-Дэ* (1917—2015). Двоюродная сестра правнучки академика, Елены Александровны Васильевой (урожд. Сумароковой), вместе росли. Ирина Александровна была замужем за французским офицером Мишелем Дэ. Детей у них не было. Похоронена в местечке Эрблэ (Herblay), под Парижем, на правом берегу Сены.

*Дети внука, Святослава Всеволодовича Барановского (2.9)**

От первого брака с Клавдией Сердюк

3.8. *Правнучка Лидия Святославовна Барановская* (1917—кон. 1980-х).

От второго брака с Ольгой Сергеевной Завалишиной

3.9. *Правнучка Наталья Святославовна Барановская* (1924—сер. 1980-х).

*Дети внуки, Тамары Сергеевны Яшенковой (урожд. Васильевой) (2.14)***

3.10. *Правнучка Ольга Михайловна Яшенкова* (р. 1942).

3.11. *Правнук Сергей Михайлович Яшенков* (р. 17.11.1950 в Чебоксарах). Имеет троих детей: двух сыновей и дочь.

4. Праправнуки академика (пятое поколение, 13 человек)

Сын правнука, Олега Александровича Керенского (3.3)

4.1. *Праправнук Олег Олегович Керенский-младший* (1930—1993). Писатель, публицист, балетный и театральный критик, автор книг «Мир балета» (1970), «Анна Павлова» (1973), «Новая британская драма» (1977). В фильме про Джона Рида «Красные» (1981) сыграл своего деда — главу Временного правительства России. Был близок с артистом балета и балетмейстером Рудольфом Нуриевым.

² Антигон (совр. Бургазада) — остров в Мраморном море недалеко от Стамбула (Турция).

*Дети правнука, Леонида Викторовича Крушинского (3.2)****

От первой жены, Татьяны Александровны Бедняковой

4.2. *Праправнучка Наталья Леонидовна Крушинская* (р. 30.03.1934, фамилию в браке не меняла). Выпускница биолого-почвенного факультета МГУ 1957 г. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН. Автор ряда работ о поведении животных, в том числе морских млекопитающих. Сейчас на пенсии, занимается литературной деятельностью и краеведением, написала несколько книг об истории семьи. Принимала участие в создании музея и восстановлении храма на родине предков в Юрьеве-Польском. Живет в Москве. Была замужем за орнитологом и биофизиком Борисом Николаевичем Вепринцевым (4.04.1928—11.04.1990). В браке родилась дочь [Крушинская, 2006а. С. 277, 320].

Б. Н. Вепринцев — доктор биологических наук (с 1971 г.), профессор (с 1975 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1982). Первым выдвинул гипотезу об ориентировке птиц по небесным светилам. Заместитель председателя Комиссии при АН СССР по гуманному обращению с лабораторными животными. Сын профессионального революционера Н. А. Вепринцева (1883—1941), репрессированного в 1932 г. Сам был арестован в 1951 г., отбывал срок в Кемеровском лагере. Освобожден в 1954 г. С 1966 г. руководил организованной им в Пущино под Москвой лабораторией биофизики нервной клетки. Известный собиратель звукозаписей голосов птиц и животных в природе (600 пластинок и кассет с записями голосов и звуков около 4 тыс. видов животных, в том числе более 500 птичьих голосов). При его жизни издано 28 грампластинок. Похоронен в Пущино [Московская энциклопедия, 2018].

4.3. *Праправнучка Елена Леонидовна Крушинская* (р. 30.10.1940, фамилию в браке не меняла). В 1965 г. окончила кафедру зоологии позвоночных МГУ, на этой же кафедре работала зоологом-орнитологом. С 1995 г. на пенсии. Живет в Москве. Была замужем за доктором биологических наук, профессором кафедры эмбриологии МГУ Дмитрием Васильевичем Поповым (17.01.1943—6.12.2008). В браке сын [Крушинская, 2006а. С. 277—296].

От второй жены, Татьяны Александровны Бедняковой

4.4. *Праправнук Алексей Леонидович Крушинский* (5.11.1955—4.10.2014). Выпускник кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ 1977 г. Кандидат биологических наук (с 1986 г.), старший научный сотрудник кафедры высшей нервной деятельности и лаборатории физиологии и гене-

тики поведения биологического факультета МГУ (с 1987 г.). Большую часть своей жизни в науке работал в лаборатории физиологии и генетики поведения. Как и отца, его отличала любовь к природе и интерес к биологическим основам поведения животных. Автор и соавтор более 70 научных статей (1997—2016 гг., одна посмертно) и около 25 докладов на конференциях. Одна из его последних статей посвя-

щена биофизическим основам рассудочной деятельности (напечатана в сборнике в честь 100-летия со дня рождения его отца [Крушинский, 2013]). Жил и работал в Москве.

Был женат на Варваре Евгеньевне Дьяконовой (р. 12.06.1969, фамилию в браке не меняла), нейробиологе, докторе биологических наук, профессоре РАН. Детей в браке не было.

Праправнуки академика

Степан (Стивен) Глебович Керенский (р. 1949). Поэт, детский писатель, занимался антиквариатом

Ариадна Андреевна Васильева. Автор романа «Возвращение в эмиграцию»

Олег Олегович Керенский-младший (1930—1993). Писатель, публицист, балетный и театральный критик

*Дети правнука, Всеволода Николаевича Бирюкова (3.6)**

От первой жены

4.5. *Праправнучка* **Анн-Мари [Анна Всеволодовна] Бирюков** (р. 14.05.1937). Живет в Марселе (Франция). По-русски не говорит. Замужем за Клодом Монтусе (р. 2.06.1933). У них двое детей: сын и дочь.

От второй жены

4.6. *Праправнук* **Андре [Андрей Всеволодович] Бирюков** (р. 9.01.1951). Живет в Париже. Прекрасно владеет русским языком. Был журналистом информационного агентства Франс Пресс, сейчас на пенсии. Женат на француженке Анн-Лиз Дюран (р. 15.07.1954). У них две дочери. Переписывается с А. А. Васильевой, недавно приезжал в Ташкент (Узбекистан) повидаться с ней.

Дочь правнучки, Елены Александровны Васильевой (урожд. Сумароковой) (3.5)

4.7. *Праправнучка* **Ариадна Андреевна Васильева** (р. в 1942 г. в Париже). Правнучка Лидии Васильевны и Всеволода Степановича Барановских, внучка Ольги Всеволодовны и Александра Александровича Сумароковых, дочь Елены Александровны и Андрея Ивановича Васильевых (отец — однофамилец академика). Автор романа «Возвращение в эмиграцию», материалом для которого послужила история прабабушки и прадеда Л. В. и В. С. Барановских. Написан роман по воспоминаниям ее матери Е. А. Васильевой (урожд. Сумароковой). Живет в Ташкенте (Узбекистан). Имеет двоих детей*.

Дети правнука, Глеба Александровича Керенского (3.4)

4.8. *Праправнучка* **Катерина Глебовна Керенская** (р. 1946).

4.9. *Праправнук* **Степан (Стивен) Глебович Керенский** (р. в 1949 г. в Глазго, Великобритания). Поэт, детский писатель, занимался антиквариатом.

4.10. *Праправнучка Либби Хадсон* (Елизавета Глебовна Керенская, р. 1956).

Дети правнука, Сергея Михайловича Яшенкова (3.11)**

4.11. *Праправнук Сергей Сергеевич Яшенков* (р. 13.03.1977 в Чебоксарах). Окончил Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова в 1999 г. Живет в Чебоксарах (Чувашская Республика РФ). Имеет сына.

4.12. *Праправнук Алексей Сергеевич Яшенков* (р. 1985).

4.13. *Праправнучка Ксения Сергеевна Яшенкова* (р. 1992).

5. Прапраправнуки академика (шестое поколение, 9 человек)

Дочь праправнучки, Натальи Леонидовны Крушинской (4.2)

5.1. *Прапраправнучка Екатерина Борисовна Гугушвили* (урожд. Вепринцева, р. 30.03.1958). Окончила Московский государственный педагогический институт (МГПИ) им. В. И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет — МПГУ) по специальности «дефектология» в 1986 г. Логопед-дефектолог. Работает по специальности около 40 лет, из них 30 лет — с детьми, имеющими тяжелые патологии речи. Живет в Москве.

С 1978 г. замужем за Теймуразом Амирановичем Гугушвили (р. 14.05.1953, дальний родственник солиста Тбилисского государственного театра оперы и балета Теймураза Гугушвили). В браке родилась дочь***.

Дети праправнучки, Анн-Мари [Анны Всеволодовны] Бирюков (4.5)*

5.2. *Прапраправнучка Кристин Монтусе* (р. 13.12.1958). Замужем за Хуаном Леоном Велазкезом (р. 1943). У них двое детей: сын и дочь.

5.3. *Прапраправнук Марк Монтусе* (р. 3.08.1960). Женат на Силви Герле. У них два сына.

Сын праправнучки Елены Леонидовны Крушинской (4.3)

5.4. *Прапраправнук Григорий Дмитриевич Попов* (р. 8.03.1965). Окончил Второй Московский государственный медицинский институт (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет — РНИМУ) им. Н. И. Пирогова в 1990 г. Кандидат медицинских наук. В 2006 г. получил степень МВА. До 2007 г. работал акушером-гинекологом. В настоящее время живет в Берлине

(ФРГ), занимается предпринимательской деятельностью.

Женат на дочери генерал-полковника А. А. Иванова (зам. министра связи СССР в 1989—1991 гг., в 1999 г. возглавлял Госкомитет РФ по телекоммуникациям) — Наталье Александровне Ивановой (р. 23.06.1966, фамилию в браке не меняла). В 1988 г. окончила Московский институт связи (МИС, ныне Московский технический университет связи и информатики — МТУСИ). В семье сын***.

Дети праправнучки Ариадны Андреевны Васильевой (4.7)*

5.5. *Прапраправнук Алексей Дмитриевич Солоденников* (р. 1967). Живет в США. Имеет дочь.

5.6. *Прапраправнучка Елена Дмитриевна Аванесова* (урожд. Солоденникова, р. 1971). Живет в Ташкенте (Узбекистан). Имеет двух сыновей и дочь.

Дочери праправнука, Андре [Андрея Всеволодовича] Бирюкова (4.6)*

5.7. *Прапраправнучка Катрин Бирюков* (р. 17.06.1981). Замужем за Габриелем Жуно. У них дочь.

5.8. *Прапраправнучка Софи Бирюков* (р. 12.02.1985).

6. Прапрапраправнуки академика (седьмое поколение, 11 человек)

Дочь прапраправнучки, Екатерины Борисовны Гугушвили (урожд. Вепринцевой) (5.1)

6.1. *Прапрапраправнучка Нина Теймуразовна Горсюкова* (урожд. Гугушвили, р. 4.08.1978). Окончила Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) по специальности «филология» в 2000 г. Живет и работает редактором в Москве.

Замужем за Владиславом Аркадьевичем Горсюковым (р. 28.05.1969). Окончил Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н. Э. Баумана и Финансовый университет при Правительстве РФ. Банковский служащий***.

Сын прапраправнука, Григория Дмитриевича Попова (5.4)

6.2. *Прапрапраправнук Александр Григорьевич Попов* (р. 29.10.1994). С 2010 г. живет и получает образование в США: South Kent School (2010—2014), Merrimack College North Andover MA USA (с 2014 г. по настоящее время)***.

Дочь прапраправнука, Алексея Дмитриевича Солоденникова (5.5)

6.3. *Прапрапраправнучка Татьяна Алексеевна Солоденникова* (р. 1993). Живет в США*.

Дети прапраправнучки, Елены Дмитриевны Аванесовой (урожд. Солоденниковой) (5.6)*

6.4. *Прапраправнук Андрей Олегович Аванесов* (р. 1994). Живет в Ташкенте (Узбекистан).

6.5. *Прапраправнучка Елизавета Олеговна Аванесова* (р. 2001). Живет в Ташкенте.

6.6. *Прапраправнук Денис Олегович Аванесов* (р. 2007). Живет в Ташкенте.

Дети прапраправнучки Кристин Монтусе (5.2)*

6.7. *Прапраправнук Брюно Велазкез* (р. 28.03.1983).

6.8. *Прапраправнучка Ореля Велазкез* (р. 11.03.1985).

Дети прапраправнучки, Марка Монтусе (5.3)*

6.9. *Прапраправнук Николя Монтусе* (р. 15.08.1985). Женат на Алекси Карисми (р. 1984). У них двое детей: дочь и сын.

6.10. *Прапраправнук Жюльен Монтусе* (р. 6.12.1987).

Дочь прапраправнучки, Катрин Бирюков (5.7)

6.11. *Прапраправнучка Итсил Жуно* (р. 13.07.2017)*.

7. Прапрапраправнучки академика (восьмое поколение, 2 человека)

Дети прапрапраправнучки, Никола Монтусе (6.8)*

7.1. *Прапрапраправнучка Шарли-Роз Монтусе* (р. 20.05.2014).

7.2. *Прапрапраправнук Марюс Монтусе* (р. 19.08.2016).

Все ныне здравствующие отдаленные потомки академика Василия Павловича Васильева живут в России, во Франции, в Германии, Узбекистане и США и носят другие фамилии (за исключением А. А. Васильевой — потомка-однофамильца). Наиболее молодые из них, особенно не говорящие по-русски, вероятно, даже не подозревают, что имеют родственное отношение к выдающемуся русскому ученому-востоковеду.

Во время работы над этой статьей с авторами списались двое *праправнуков* академика: Ариадна Андреевна Васильева (потомок, но однофамилица академика), проживающая в Ташкенте (Республика Узбекистан), и Сергей Сергеевич Яшенков из Чебоксар (Чувашская Республика РФ). Из возникшей переписки выяснилось, что девять человек, названные нами в предыдущей статье потомками академика или их близкими, оказались литературными (вымышленными) персонажами из романа самой А. А. Васильевой «Возвращение в эмиграцию» [Васильева, 2004—2006] и историческими лицами не являются. Мы считаем своим долгом исправить допущенную неточность¹¹.

Соавторы выражают искреннюю признательность за уточнения и предоставленные сведения *прапраправнучкам* академика Ариадне Андреевне Васильевой и Сергею Сергеевичу Яшенкову, а также *прапраправнучке* Екатерине Борисовне Гугушвили и ее дочери, *прапрапраправнучке* академика, Нине Теймуразовне Горсюковой (Москва).

Использованная литература

Бажанов, 1988: *Бажанов В. А.* Николай Александрович Васильев (1880—1940). М.: Наука, 1988 (*Bazhanov V. A. Nikolay Aleksandrovich Vasilyev (1880—1940). M.: Nauka, 1988*).

Валеев, 2002: *Валеев Р. М.* Василий Павлович Васильев, 1818—1900. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2002 (*Valeev R. M. Vasily Pavlovich Vasilyev, 1818—1900. Kazan: Izd-vo Kaz. un-ta, 2002*).

Васильев, 1931: *Васильев Н. В.* В семидесятые годы / вступит. ст. Г. В. Плеханова. М.; Л.: Мол. гвардия, 1931 (*Vasilyev N. V. V semidesyatye gody / Vstupit. st. G. V. Plehanova. M.; L.: Mol. gvardiya, 1931*).

Васильева, 2004—2006: *Васильева А. А.* Возвращение в эмиграцию: роман: в 2 т. Ташкент: ООО «Полиграфические технологии», 2004, 2006. Т. 1. 2004. 512 с.; Т. 2. 2006. 511 с.; Т. 3. Ч. 1. 410 с. (*Vasilyeva A. A. Vozvra-*

¹¹ Ошибочно потомками академика в предыдущей статье были названы литературные персонажи: *дочь* Нина Васильевна Вороновская; ее дети (*внуки* академика): Вера Дмитриевна Вороновская, Надежда Дмитриевна Сумарокова, Константин Дмитриевич Вороновский, Любовь Дмитриевна Иволгина; сын последней (*правнук* академика) Петр Алексеевич Иволгин; а также мужья: *дочери* академика Н. В. Вороновской — Дмитрий Андреевич Вороновский и *внучек* академика: Н. Д. Сумароковой — Александр Сумароков и Л. Д. Иволгиной — Алексей Антонович Иволгин. Таким образом, из 27 человек в предыдущей статье в действительности потомками В. П. Васильева является 21 человек.

- tsschenie v emigratsiyu: roman: v 2 t. Tashkent: OOO «Poligraficheskie tehnologii», 2004, 2006. T. 1. 2004. 512 s.; T. 2. 2006. 511 s.; T. 3. Ch. 1. 410 s.).
- Жуков, Кульганек, 2018: Академик В. П. Васильев и его потомки: эскиз генеалогического древа // Академик В. П. Васильев (1818—1900) как исследователь культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения. Программа и тезисы Всерос. науч. конф. 4 апреля 2018 г. Санкт-Петербург / сост. Т. А. Пан, И. В. Кульганек. СПб., 2018. С. 14—18 (Akademik V. P. Vasilyev i ego potomki: eskiz genealogicheskogo dreva // Akademik V. P. Vasilyev (1818—1900) kak issledovatel' kul'tury Kitaya, Tibeta i Mongolii. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya. Programma i tezisy Vseros. науч. конф. 4 aprelya 2018 g. Sankt-Peterburg / sost. T. A. Pan, I. V. Kulganek. SPb., 2018. S. 14—18).
- Крушинский, 2013: Формирование поведения животных в норме и патологии: к 100-летию со дня рождения Л. В. Крушинского (1911—1984): сб. / МГУ им. М. В. Ломоносова; сост.: И. И. Полетаева, З. А. Зорина. М.: Языки славянской культуры, 2013 (Formirovanie povedeniya zhivotnyh v norme i patologii: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya L. V. Krushinskogo (1911—1984): sb. / MGU im. M. V. Lomonosova; sost. I. I. Poletaeva, Z. A. Zorina. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013).
- Крушинская, 2006: Крушинская А. А. У истоков династии ученых // Крушинский Л. В. Записки московского биолога: Загадки поведения животных / сост. З. А. Зорина, И. И. Полетаева. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 269—276 (*Krushinskaya A. A. U istokov dinastii uchenyh // Krushinskiy L. V. Zapiski moskovskogo biologa: Zagadki povedeniya zhivotnyh / sost. Z. A. Zorina, I. I. Poletaeva. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006. S. 269—276*).
- Крушинская, 2006а: Крушинская Н. Л. Биография моего отца // Крушинский Л. В. Записки московского биолога: Загадки поведения животных / сост. З. А. Зорина, И. И. Полетаева. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 277—347 (*Krushinskaya N. L. Biografiya moego ottsa // Krushinskiy L. V. Zapiski moskovskogo biologa: Zagadki povedeniya zhivotnyh / Sost. Z. A. Zorina, I. I. Poletaeva. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006. S. 277—347*).
- Ленин, 1907: Ленин В. И. Плеханов и Васильев // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 234—240 (*Lenin V. I. Plekhanov i Vasil'yev // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 14. S. 234—240*).
- Мокшин, 2007: Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции: Монография. Воронеж: Научная книга, 2007 (*Mokshin G. N. Ideologi legal'nogo narodnichestva o russkoj intelligentsii: Monografiya. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2007*).
- Барановский, 2018: Барановский Владимир Львович. URL: http://ria1914.info/index.php?title=Барановский_Влади-мир_Львович (дата обращения: 11.08.2018) (Baranovskiy Vladimir L'vovich).
- Бирюков, 2018: Бирюков Николай Павлович. URL: http://ria1914.info/index.php?title=Бирюков_Николай_Павлович_2 (дата обращения: 17.03.2018) (Biryukov Nikolay Pavlovich).
- Васильев, 2018: Васильев Александр Васильевич (математик). <https://www.runivers.ru/lib/authors/author477502/> (дата обращения: 11.03.2018) (Vasilyev Aleksandr Vasilyevich (matematik)).
- Васильев, 2018б: Отечественные гидрологи. Историко-биографическое описание: Васильев Сергей Александрович. URL: <http://hydrohistory.ru/bio.php?id=138> (дата обращения: 12.03.2018) (Otechestvennye gidrologi. Istoriiko-biograficheskoe opisaniye: Vasilyev Sergey Aleksandrovich).
- Васильева, 2018: Васильева Ариадна Андреевна. Биография. URL: http://samlib.ru/w/wasilxewa_ariadna_andreevna/about.shtml (дата обращения: 10.05.2018 г.) (Vasilyeva Ariadna Andreevna).
- Вепринцев, 2018: Вепринцев Борис Николаевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вепринцев_Борис_Николаевич (дата обращения: 7.07.2018) (Veprintsev Boris Nikolaevich).
- Дейкарханова, 2018: Тамара Дейкарханова — прима театра «Летучая мышь». URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2017/11/20/> (дата обращения: 8.07.2018) (Tamara Deikarhanova — prima teatra «Letuchaya mysh').
- Керенский, 2018: Своими глазами. Министр-председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский. URL: <https://eho-2013.livejournal.com/1012163.html> (дата обращения: 7.07.2018) (Svoimi glazami. Ministr-predsdatel' Vremennogo pravitel'stva Aleksandr Fedorovich Kerenskiy).
- Керенский, 2018а: Как чекисты с женой Керенского боролись. URL: <https://tverdyi-znak.livejournal.com/521221.html> (дата обращения: 17.03.2018) (Kak chekisty s zhenoi Kerenskogo borolis').
- Коба, 2018: Коба [И. В. Сталин]. Предисловие к грузинскому изданию брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции». URL: http://www.great-country.ru/content/library/knigi/mels/stalin_sobr/2-41.htm (дата обращения: 2.07.2018) (*Koba [I. V. Stalin]. Predislovie k gruzinskomu izdaniyu broshyury K. Kautskogo «Dvizhushie sily i perspektivy russkoj revolyutsii»*).
- Московская энциклопедия, 2018: Московская энциклопедия. Т. 1. URL: http://moscow-tombs.ru/1990/veprintsev_bn.htm (дата обращения: 7.07.2018) (Moskovskaya entsiklopediya. T. 1).
- Центр, 2018: Центр генеалогических исследований. URL: <http://rosgenea.ru/?a=3&p=118&r=4&s=%C2%E0%F1%E8%EB%FC%E5%E2> (дата обращения: 12.03.2018) (Centr genealogicheskikh issledovaniy).

Электронные ресурсы

V. Yu. Zhukov, I. V. Kulganek
Descendants of academician V. P. Vasilyev (1818—1900):
to the 200th anniversary of his birth

The article suggests the history of the descendants of the outstanding Russian Sinologist, the Buddhist V. P. Vasilyev up to the eighth generation, i. e. to the great right of the right, inclusive. And the article is a

supplemented and mostly amended version of the report «Academician V. P. Vasilyev and his descendants: a sketch of the genealogical tree» read on April 4, 2018 at the All-Russian Scientific Conference «Academician V. P. Vasilyev (1818—1900) as a researcher of the culture of China, Tibet and Mongolia. On the 200th anniversary of his birth», which was held at the Institute of Oriental Manuscripts RAS. St. Petersburg. Published in the same year.

Key words: V. P. Vasilyev, Kazan University, Sinology, Mongolian Studies, Buddhology, Sanskrit, descendants.

Т. Д. Скрынникова

Концепт *jasay* в политической культуре монголов XIII—XVII вв.

DOI 10.25882/jaar-a083

В статье уделяется внимание анализу эволюции значений концепта *jasay* в XIII—XVII вв., когда были составлены монгольские хроники, которые зафиксировали использование концепта в политической культуре. Анализ монгольских текстов показал, что концепт *jasay* эволюционировал от обозначения окказионального приказа верховного правителя до фиксации появления правящего органа, подчиненного правителю. В соответствии с данными наших источников, мы можем говорить о начале формирования монгольской государственности.

Ключевые слова: Монголия, власть, концепт *jasay*, политическая культура.

Одним из важнейших концептов, формировавших потестарно-политическую культуру монголов средневековья следует считать концепт *jasay*. Анализ его проявления в разные периоды монгольской истории позволяют выявить характер власти и властвования и показать эволюцию институтов власти. Обращение к анализу концепта *jasay* следует начать с упоминания его в памятнике XIII в. — «Тайной истории монголов», поскольку именно с этим концептом связывается создание Чингис-ханом свода законов — Ясы.

Концепт *jasay* упоминается в «Тайной истории монголов» не в связи с Чингис-ханом лишь единственный раз. Связано это с обсуждением вопроса о том, что делать с останками Ван-хана.

Гурбесу, мать Найманского Таян-хана, говорила: «Ван-хан ведь был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ей жертву» [Козин, 1941. С. 142].

При обсуждении этого вопроса один из присутствующих, Инанча-Билге-хан, сказал: «*qadun-nu bidan-ugürbesü-yin jasaq¹ qurca bolbi*» [Rachewiltz, 1972. P. 76, § 189], что совершенно определенно означает следующее: «Приказ/распоряжение нашей ханши Гурбесу умный»² (пер. мой. — Т. С.), поскольку это

¹ В названии статьи слово *jasay* написано так, как принято в российской традиции. В цитатах сохраняется написание И. де Рахевилца.

² Здесь и ниже я привожу отрывки из *Тайной истории монголов* в переводе С. А. Козина и И. де Рахевилца как наиболее цитируемых исследователей, чтобы показать, насколько точность перевода и интерпретации концепта влияет на понимание социально-политической структуры и организации монгольского общества.

«Прозорливо *правит* наша государыня Гурбесу» [Козин, 1941. С. 142, § 189]. Как видим, С. А. Козин, во-пер-

его мнение по поводу предложения ханши, которое и было принято.

Все другие упоминания концепта связаны с Чингис-ханом, причем именно с Чингис-ханом после его первой интронизации в 1189 г., когда он получил право на власть. Это право было делегировано ему сплотившимися вокруг него сторонниками.

§ 123. Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом. ...Когда же Темучжин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекраснolanитных жен и девиц, прекрасных статей мерингов. При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна. В дни сеч, если мы в чем нарушим свой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу. В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в бесхозяйной (безбожной) земле». Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингис-ханом и поставили ханом над собою [Козин, 1941. С. 108—109].

Безусловно, эти слова означают признание сообществом авторитета Чингис-хана и его права на власть, руководство и управление этим сообществом. Именно он получил право приказывать.

вых, приписывает концепту более позднее значение. Во-вторых, она не была правительницей, чтобы можно было говорить о ее правлении. На мой взгляд, И. де Рахевилц повторил ошибку С. А. Козина, предложив такую же интерпретацию: «The rule of our queen Gürbesü (Gürbesü-**yin** (**jasaq**) has become harsh» [Rachewiltz, 2004. С. 111, § 189].

Впервые концепт *jasay* упоминается в связи с событиями в войне с татарами (1202). Перед битвой при Далан-нэмургэс Чингис-хан огласил свой приказ об отношении к военной добыче. Этот приказ обсуждался им с соратниками, о чем свидетельствует форма глагола (совместный залог) и был высказан устно (основная форма глагола *ügülekü* означает 'говорить'), поскольку в тексте он обозначен как «слова обсужденного совместно приказа» (*jasaq ügüleldük-сен üges*):

§ 153. *cinggis-qahan jasaq ügüleldürün dayisun gü'ü daru'asu olja-tur bu bayıya darun bara'asu tere olja bidan-u'ai bui-je... ke'en jasaqlalduba... jasaq ügüleldük-сен üges-tür altan qucar daritai qurban üges-tür ülü gürün olja-tur bayıju üges-tür ese gürba ke'en jebe qubilai qoyar-i ilejü oljalaqsat adu'un ya'u ke abuqsad-i bügüde-yi abqa'ilba* [Rachewiltz, 1972. P. 70].

Чингис-хан огласил обсужденный совместно **приказ**: «Если мы победим врагов, у добычи не останавливаться. Если победим окончательно, добыча и так наша... Так приказал... Трое — Алтан, Хуча и Даритай — не последовали словам обсужденного совместно **приказа** и задержались у добычи, не последовав словам. Послали Чжебэ и Хубилая, заставив отобрать все: коней, вещи, захваченные ими в качестве добычи» (пер. мой. — Т. С.)³.

Приказы лидера, обладавшего авторитетом, определяли должное поведение подданных и наказание за поведение недолжное. Причем неотвратимость наказания признавалась всеми и не оспаривалась. Следует обратить внимание еще на один факт — отсутствие специальных групп людей для выполнения даже императорских приказов, то есть можно говорить об отсутствии исполнительной власти, поскольку Чжебэ и Хубилай были известными военачальниками.

Следующее употребление концепта *jasay* связано с войной монголов с найманами в 1204 г. Поскольку у монголов войско было меньше и воины очень ус-

тали, Додай-черби в качестве военной хитрости предложил каждому воину зажечь по пять костров, чтобы обмануть противника по поводу численности монгольского войска. Чингис-хан с этим согласился:

§ 193. *cinggis-qahan jarliq bolorun teyin böet qal-nu'ut tüle'ülüt-kün ke'en ceri'üt-te jasaq tungqaba* [Rachewiltz, 1972. P. 101].

Чингис-хан объявил **указ**: «Пусть так будет. Поручите зажечь огни!» **Приказ** сообщили воинам (пер. мой. — Т. С.)⁴.

Здесь, как мы видим, *jarliq* и *jasaq* выступают как синонимы. И. де Рахевилц отмечает, что вписанные между строк китайские иероглифы в обоих случаях одни и те же — *фа-му* ('закон') [Rachewiltz, 2004. P. 97].

В том же году Чингис-хан победил меркитского Тохтоа-беки, после чего хаас-меркитский Даир-Усун повез свою дочь Хулан-хатун Чингис-хану. Встреченный ими по дороге Наяя задержал их на три дня, объясняя это опасностями в пути. Когда же они прибыли к Чингис-хану, тот сказал:

§ 197. ...*cinggis-qahan naya-yi yekin töde'ejü aba ci ke'en masi kilinglaju qatangqui-a mara'an asaqsu jasaq bolqaya ke'en* [Rachewiltz, 1972. P. 107].

Чингис-хан сказал Наяя: «Ты почему их удерживал?» Он очень рассердился и сказал: «Строго допросить. Это приказ!» (пер. мой. — Т. С.)⁵.

В 1205 г. после разгрома всех меркитов Чингис-хан послал Субэдэя преследовать сыновей Тохтоя — Гала, Худу и Чилауна. Перед походом Чингис-хан дал Сэбэдэю наказания: как управляться с конями, как охотиться, как поступать с нарушителями.

§ 199. *cinggis-qahan jarliq bolju... eyin jasaqlaju bö'et jasaq dabaqsad-i bariju nisituqai bidan-u jarliq dabaqsad-i bidan-a taniqdaqun* [Rachewiltz, 1972. P. 109—110].

Чингис-хан объявил **указ**: «...Так приказав, хватайте нарушивших приказ, наказывайте. Нарушивших наш указ приводите к нам» (пер. мой. — Т. С.)⁶.

⁴ «Чингис-хан одобрил это предложение (*jarliq bolorun*) и тотчас отдал по войску **приказ** (*jasaq*) зажигать костры» [Козин, 1941. С. 145].

«Cinggis Qa'an gave the following **order** (*jarliq bolorun*): „Things being so, let them light the fires!“ and he proclaim it as **law** to the soldiers» (*ceri'üt-te jasaq tungqaba*) [Rachewiltz, 2004. P. 145].

⁵ «Подвергнуть его самому строгому допросу и **предать** суду! (*jasaq bolqaya*)» [Козин, 1941. С. 150]. Как видим, С. А. Козин здесь, несомненно, придает концепту новое значение, преувеличивая уровень социально-административной структуры монгольского общества того периода.

Cinggis Qa'an then said, «Naya'a, why did you detain her?» He got very angry and, ordering that *Naya'a* be rigorously and minutely questioned, **made this case a matter of law** (*jasaq bolqaya*)» [Rachewiltz, 2004. P. 123].

³ В переводе С. А. Козина мы читаем: «Чингис-хан с общего согласия установил такое *правило* (*jasaq*): „Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи...“ В нарушение *указа* (*jasaq*) задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение *приказа* (*jasaq*) у них через посланных для этого Чжебе и Хубилая отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи» [Козин, 1941. С. 123].

«Before fighting, Cinggis Qa'an jointly issued the *following decree* (здесь и далее курсив мой. — Т. С.) (**jasaq**): „If we overcome the enemy, we shall not stop for booty. ... Those men who do not turn back to the point where we began the attack shall be cut down!“ So he **decreed** with them. ... As for the words of the **decree** (**jasaq**) that had been jointly issued, since Altan, Quçar and Daridai — all three — had not complied with them and had stop for booty. Cinggis Qa'an, saying that they had not complied with **these words** (**jasaq**), sent Jebe and Qibilai to take away from them the herds of horses and the goods they had acquired as booty — everything they had seized» [Rachewiltz, 2004. P. 76, § 153].

В этом отрывке *jarliq* и *jasaq* также синонимичны, как мы видели выше: виновными считаются преступившие указ, приказ (*jasaq/jarliq dabaqsad*).

Следующие случаи появления концепта *jasaq* связаны с организацией в 1206 г. Монгольского улуса, когда Чингис-хан награждал сподвижников, способствовавших расширению территорий, которыми овладели монголы, определил структуру войска и собственной гвардии — турхаутов, дневной стражи. Как всегда, в § 227 упоминается, что Чингис-хан «объявил указ» (*jarliq bolju*), согласно которому Буха, Алчидай, Додай-черби и Дохолху-черби, каждый, «ведая одной очередью хэшигтенгов, пусть управляет хэшигтенами» (*niken kesik kesikten-i medeju kesikten-i jasadu orotuqai*) [Rachewiltz, 1972. P. 130]. В данном случае, Буха, Алчидай, Додай-черби и Дохолху-черби, наделенные Чингис-ханом правом приказывать, призваны управлять четырьмя подразделениями дневной стражи, являясь исполнителями его воли. Завершает указ о назначении следующая фраза: «Полагаясь на старейшин четырех очередей, огласили указ о введении очередей»⁷ «*dörben kesit'üd-ün ötögüs-i tüssijü kesiq oroqu jarliq tungqarun*» [Rachewiltz, 1972. P. 130] (здесь ср. *jasaq tungqasai* § 193. — *T. C.*).

В 1219 г. Чингис-хан с Чжебе, Субэдэем и Тохучаром предприняли поход на сартулов. Следуя указаниям Чингис-хана, Чжебе и Субэдэй шли по тер-

⁶ «...отдавал Чингис-хан приказ (*jarliq bolorun*)... Сделав потребные распоряжения (*eyin jasaqlaju bu'et*), наказывайте нарушителей (*jasaq dabaqsad-i*) поркою. А нарушителей (*jarliq dabaqsad-i*) наших повелений, тех, кто извес-тен нам, высылайте к нам» [Козин, 1941. С. 153—154].

«*Činggis Qa'an ordered Sübe'etei (jarliq bolorun)... „Thus, making this a matter of law (eyin jasaqlaju bu'et), whoever then transgresses it (jasaq dabaqsad-i) shall be seized and beaten. Send to Us those who transgress Our order (jarliq dabaqsad-i) if it looks that they are personally known to Us“...*» [Rachewiltz, 2004. P. 127].

⁷ «Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингис-хан назначил следующих лиц и установил следующий порядок (*jarliq bolju*) дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими (*kesikten-i jasadu*); ...был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы» (*kesik oroqui jarliq tungqarun*) [Козин, 1941. С. 170].

«*Činggis Qa'an issued the order (jarliq bolju) appointing those who were to be the elders of the four companies of day-guards on roster duty, he said, „Buqa shall be in charge of one company of guards (niken kesik keshikten-i medejü); he shall marshal them and take his turn of duty (keshikten-i jasadu). Alčidai shall be in charge of one company of guards (niken kesik keshikten-i medejü); he shall marshal them and take his turn of duty (keshikten-i jasadu). Dödei Čerbi shall be in charge of one company of guards (niken kesik keshikten-i medejü); he shall marshal them and take his turn of duty (keshikten-i jasadu)... Činggis Qa'an promulgated the order about taking turns of duty (kesik oroqui jarliq tungqarun)“*» (compare: *jasaq tungqasai* § 193. — *T. S.*) [Rachewiltz, 2004. P. 155—156].

ритории сартулов, не затрагивая городов Хан-Мелика, в то время как Тохучар, нарушив указания Чингис-хана, разорил приграничные города Хан-Мелика, что вынудило последнего соединиться с султаном Джалалдином, и они двинулись навстречу Чингис-хану, а в тылу у них оказались Чжебе, Субэдэй и Тохучар. Султан Джалалдин и Хан-Мелик были разбиты, но Чингис-хан в наказание Тохучара, нарушившего указания, «огласил приказ» (*jasaq bolqan*)⁸ казнить его. Впоследствии казнь отменили, ограничившись отстранением от должности.

Тема необходимости следования приказам и невозможности нарушения их кем-либо, независимо от статуса, отмечается и в § 278⁹. Это связано с восшествием на престол Угэдэя.

Затем Огодай-хан изволил повелеть: «Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана относительно состоявших при его особе кебтеулах, хорчинах, турхаутах и всей гвардии кешиктенгов...» [Козин, 1941. С. 195].

Трудно принять перевод С. А. Козиным выражения *jarliq tungqarun* как «опубликованные ранее указы и распоряжения», поскольку речь идет скорее о распоряжениях, обнародованных устно. Нарушение приказов наказывалось самим правителем, которому об этом должно было докладывать: «Если приказ нарушат, докладывать Нам!» (пер. мой. — *T. C.*) «*jasaq könte'esü bidan-aja'atuqai*» [Rachewiltz, 1972. P. 170].

В этом параграфе, содержащем описание устройства гвардии после смерти Чингис-хана, употребляются различные монгольские термины наряду с упомянутым *jasaq*: «издал указ» (*jarliq bolorun*), «по правилам прежнего указа» (*uridu yosu'ar... jarliq*), «по прежним обычаям/правилам» (*urida yosu'ar*), «по распоряжению хагана-отца» (*qahan ecige-yin jarligiyar*) [Rachewiltz, 1972. P. 167—169]. В этом параграфе практически повторяется распоряжение Чингис-хана о командовании над кешиктенами: «Пусть управляет кешиктенами!» (*kesik turqa'ud-i jasadu orotuqai*) [Rachewiltz, 1972. P. 170] и глагол *jasaju* употребляется в том же значении, что и в § 227.

Приведенные выше примеры употребления концепта *jasaq* позволяют определить поле его значений и характер действий, связанных с властью, а именно право распоряжаться, управлять (глагол *jasaju*). Ве-

⁸ «Чингис-хан совсем уж было приговорил (*jasaq bolqan*) к смертной казни» [Козин, 1941. С. 187, § 257].

«*Činggis Qa'an ... said, „...Togučar, of his own will, attacked the border towns of Qan Melik and caused him to rebel against us. Making this a matter of law (jasaq bolqan), we shall execute him!“*» [Rachewiltz, 2004. P. 187, § 257].

⁹ «Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить какие-либо самоуправства (т. е. нарушать правило — *jasaq könte'esü*. — *T. C.*)» [Козин, 1941. С. 197].

«*If any of them (the elders of keshikten) breaks the law (jasaq könte'esü)*» [Rachewiltz, 2004. P. 213].

роятно, сюда включается и судебная сфера, так как для этого периода характерна неразделимость законодательной и исполнительной властей. Руководство, управление осуществляется через распоряжения, указы, приказы. Последнее, безусловно, идеентично употреблению термина *jarliq*, что подтверждается § 199, где «нарушение указа» обозначается как одним, так и другим термином, а также сравнением § 193 и 227 (доводить до сведения указ/приказ), где последний передается как термином *jasaq*, так и термином *jarliq*. Распоряжение верховного лидера — Чингис-хана дает право и другим представителям властвующей элиты более низкого ранга право на власть: военачальники Буха, Алчидай, Додай-черби и Дохолху-черби управляют и *командуют кешикте-нами* (*kesikten-i jasadu*).

Как видим, в «Тайной истории монголов» употребление термина *jasaq*, как правило, касается частных вопросов: как вести себя в бою, в походе, как управляться с конями, как охотиться, как поступать с нарушителями и т. п. Общий характер термина отмечается только при использовании его для описания устройства гвардии (§ 227 и 278). Поскольку концепт *jasaq* являлся маркером действий, связанных с верховной властью, он приобретает значение исключительного подтверждения и распространения этой власти, а именно власти Чингис-хана, что закрепилось за приписываемым ему сводом законов, обозначаемых как Яса (*jasaq*).

По-прежнему открытым остается вопрос, решение которого не входит в задачу данной статьи: было ли записано все то, что реформировал Чингис-хан, в свод законов при его жизни или появлением «Великой Ясы» мы обязаны его ближневосточным потомкам, записавшим отдельные ее положения. На то, что текст был записан, указывают неоднократные ссылки «Сборника летописей» о необходимости зачитывания текста Ясы во время ежегодных хурилтаев. С другой стороны, можно предположить существование и устной традиции трансляции ее содержания, исходя из слов, сказанных Угэдэем о Тулуге: «Он день и ночь, в урочный и неурочный час, находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 19].

Приписываемые Чингис-хану нормы абсолютизировались, и им придавалось качество неизменности. Согласно Рашид-ад-дину, на тайном совещании, посвященном назначению Угэдэя наследником власти, Чингис-хан сказал сыновьям перед смертью:

Я не хочу, чтобы моя кончина случилась дома, и я уйду за именем и славой. Отныне вы не должны переименовывать моего веления [йасак]. Чагатай здесь нет; не дай бог, чтобы после моей смерти он, переименовав мои слова, учинил раздор в государстве [Рашид-ад-дин, 1952б. С. 232].

И позже, «когда каан (Угэдэй. — Т. С.) утвердился на престоле государства, он сперва издал такой закон: „Все приказы, которые до этого издал Чингис-хан, остаются по-прежнему действительны-

ми и охраняются от изменений и переименований... Отныне, если кто-либо дерзнет и совершит деяние, не соответствующее законам и порядкам старым и новым, то его за это постигнет наказание и достойная вины расплата“» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 20].

Интерес представляет то, что в этой цитате Яса упоминается наряду с законами, что указывает на ее обособленность от них, что позиционируется и в следующих цитатах из «Сборника летописей». Так, Чингис-хан сказал перед смертью: «а кто хочет хорошо знать ясу, правила, закон и билики, пусть идет к Чагатаю» [Рашид-ад-дин, 1952а. С. 8]. Рашид-ад-дин еще раз напомнил о приоритете Чагатая в знании Ясы:

Чагатай был государем умным, способным, внушающим к себе уважение. Его отец Чингис-хан сказал эмирам: «Всякий, кто имеет сильное желание познать ясу, билики и правила, как блости царство, пусть последует за Чагатаем...» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 93].

Но вероятнее всего то, что знание Ясы и контроль за ее исполнением отдается в руки Чагатаю, вероятно, как младшему в старшем линидже (уруке) потомков Чингис-хана, что предполагает наличие неразрывной связи Ясы, с одной стороны, со старшей ветвью линиджа Чингис-хана, с другой стороны, с ее левым крылом, наделенным особой сакральностью. И в этом контексте становится ясен смысл слов Угэдэя о Тулуге: «так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон — младший сын великой ставки. Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 19], что является имплицитным подтверждением роли младшего в сохранении и трансляции знания Ясы. Поскольку именно с этой территорией связан и другой важнейший символ общности — престол, то становится понятной и неперемнная часть ежегодного хурилтая в начале года — чтение Ясы. Отсутствие в монгольской политической культуре жесткого механизма трансляции власти от умершего хагана к одному из его потомков заметно и в упоминаниях о властных отношениях в связи с Ясой в масштабе всей Монгольской империи в поколении сыновей Чингис-хана, когда верховные полномочия приписываются младшему как в правом, старшем крыле — Чагатаю, так и в левом крыле — Тулугу.

Интересно, что в летописях XVII в., когда активно возрождается письменная традиция, упоминаний о Ясе Чингис-хана мы не обнаруживаем. Но встречаем концепт *jasaq* в именах монгольских правителей как Южной, так и Северной Монголии. Прославившимся правителем объединенной Даян-хаганом Монголии был Тумэн Дзасакту-хаган, значение имени которого некоторым образом разъясняется: он учредил правительство (*jasay*) из своих подданных. Деятельность всемонгольского правителя Тумэн Дзасакту-хагана была направлена на пресечение сепаратизма монгольских правителей, он предпринял попытку

усилить центральную власть и восстановить единство монгольских улусов:

Собрав шесть тумэнов, *составив «Великий [свод] законов», [выбрав] от левого тумэна чахарского Намудай-хунтайджи, халхаского Уйцэн Субухая, от правого тумэна — ордосского Хутугтай Сэцэн-хунтайджи, создал из них правительство, стал известен как Дзасакту-хан (пер. мой. — Т. С.)*

jirγuyan tumen-i čuylayulju : yeke čayaja edkeged : jegün tümen-eče Saqar-un Amudai qong tayiji: Qalq-a-yin Üijeng subuqai : barayun tümen-eče Ordos-un Qutuγtai sečen qong tayiji : eden-iyer jasad-i bariγulju : Jasad-tu qayan kemen [ET, 1990. P. 133].

Этот факт нашел отражение и в *Шара туджи*:

Тумэн-тайджи в двадцать восемь лет стал хаганом. Собрав шесть тумэнов, создал «Великий [свод] законов». [Выбрав] из трех левых тумэнов Намудай-хунтайджи и халхаского Субухай-уйдзэна, из трех правых тумэнов ордосского Хутугтай-сэцэн-хунтайджи, асудского Номдара-холочи-нояна, тумэдского Намудай-чухура-хунтайджи, *учредил* из них *правительство*. Прославился как Тумэн-дзасакту-хан (пер. мой. — Т. С.)

tümen tayiji qorin naiman nasun-γayan qayan bolju <...> jirγuyan tumen-i čuylayulju yeke čayaja kibei : jegün γurban tümen-eče namudai qung tayiji: qalq-a-yin subudai üijeng : barayun γurban tümen-eče ordus-un qutuγ-tai sečen qung tayiji . asud-un nom dara qoluči noyan : tümed-ün namutai čörükü qung tayiji : eden- iyer jasad-i bariγulju : tümen jasad-tu qayan kemen aldarsiju [Желтая история, 2017. С. 176—177].

Следует, на мой взгляд, обратить внимание на переводы выражения *jasay-i bariγulju*, предложенные раньше коллегами. Н. П. Шастина перевела описание деятельности Тумэн Дзасакту-хагана так:

Тумэн-тайджи, в двадцать восемь лет став хаганом... шесть тумэнов вместе собрав, великий закон установил. *Поручил правление* (здесь и ниже выделено мной. — Т. С.) из трех восточных тумэнов Намутай хунтайджи, халхаскому Субугай Уйдзэну, из трех западных тумэнов ордосскому Хутугтай Сэцэн-хун-туйджи, асутскому Ном Дара Холочи-нояну, тумэтскому Намутай Цурухэ-хун-тайджи. Прославившись под именем Тумэн Дзасакту-хагана, на ханском престоле сидел тридцать пять лет [ШТ, 1957. С. 149].

В переводе А. Д. Цендиной мы видим аналогичную интерпретацию выделенного выражения:

Тумэн-тайджи воссел на ханский престол в 28 лет. <Он встретился с Карма-ламой и обратился в религию.> Собрав шесть тумэнов, он установил «Великое уложение». Он *управлял с помощью* Намудай-хунтайджи и халхаского Субухай-уйдзэна из трех восточных тумэнов, ордосского Хутугтай-сэцэн-хунтайджи, асудского Номдара-холочи-нояна, тумэдского Намудай-чухура-хунтайджи из трех западных тумэнов и прославился как Тумэн-дзасакту-хан [Желтая история, 2017. С. 89].

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в монгольском тексте речь идет не просто о том, что лидеры отдельных частей Монголии участвовали в ее управлении вместе с ним. Как отмечают обе хроники, Тумэн Дзасакту-хаган основал или учредил некий орган из своих сподвижников, обозначив его уже известным термином *jasay*. В этих отрывках из летописей XVII в. следует подчеркнуть важность двух фактов в деятельности Тумэн-дзасакту-хагана: составление «Великого [свода] законов», актуального для всей территории Великого улуса, т. е. всего монгольского мира, и создание правительства (*jasay-i bariγulju*). Последнее определило и его имя — Дзасакту (тот, у кого есть правительство *jasay*). Можно говорить о том, что в данном случае отмечается появление современного значения концепта *jasay*.

Если Тумэн Дзасакту-хаган был верховным правителем всей Монголии, то другой известный Дзасакту-хаган был главным в Халхе, где только потомки Ашихая, старшего сына Гэрэсэндзэ, именуется *хаганом*, т. е. титулом, маркировавшим верховное лидерство. Манифестируется верховный статус старших потомков Гэрэсэндзэ как глав Халхи и через маркер *хаган-ахай* ('старший хан') в законе 1617 г. [BC3, 2002. С. 52] или *хаган-ахай* Золотого клана в законе 1620 г. [BC3, 2002. С. 53], который зафиксирован в «Восемнадцати степных законах» как титул Субантай Дзасакту-хана. Его имя упоминается первым в числе участников по принятию законов в 1617, 1620 и 1639 гг., что, безусловно, указывает на его лидерство в иерархии в Халхе. Он также участвовал в работе халха-джунгарского съезда 1640 г. Причем в законах 1617 и 1620 гг. вслед за старшим ханом упоминается его брат Хатан-батыр [BC3, 2002. С. 52] или правитель Хатан Батар-нойон [BC3, 2002. С. 53] (монг. *Jasad bariγsan qatun baγatur noyan* [BC3, 2002. С. 34]), маркируя тем самым лидерство старших потомков Гэрэсэндзэ, возглавлявших правое крыло. Безусловно, как генеалогия, представленная в халхаской летописи *Шара туджи*, так и перечень участников съездов, на которых принимались 18 законов, маркировали границы общности.

Как видим, внук Гэрэсэндзэ Лайхор первым стал обозначаться титулом *хаган*, что, безусловно, является символом его лидерства в Халхе и, в свою очередь, демонстрирует самостоятельность Халхи по отношению к власти всемонгольского правителя — *хагана*. Его старший сын стал известен под именем Субантай Дзасакту-хаган. В «Желтой истории» сообщается, что сын Лайхор-хагана — «истинный Дзасакту хаган» (*ünengken jasad-tu qayan* [Желтая история, 2017. С. 235]). Согласно вышеизложенным данным, можно с полной уверенностью утверждать, что именно Субантай Дзасакту-хаган упоминается в «Восемнадцати степных законах» на бересте как *хаган-ахай*, т. е. старший хан как инициатор принятия важнейших законов и его главный участник.

Нет никаких сомнений в том, что этот концепт фиксирует уже не просто какое-либо распоряжение властвующего лица, как это было в XIII в., но некое

системное управление определенными территориями по определенным законам. В «Желтой истории» мы можем отметить несколько контекстов его употребления. Дважды это связано с упоминанием буддизма и религиозных законов в управлении Юаньской империей. Сообщается, что «Сэцэн-хан (Хубилай. — Т. С.) осуществлял *правление* в соответствии с учением о десяти добродетелях и установил спокойствие и счастье в мире» (*sečen qaγan ber arban buyan-tu nom-un jасаγ-i yaburyulju delekei dakin-i engkejigül-ün jirγayulju*). [Желтая история, 2017. С. 149]), а впоследствии его внук «Улзэйтү-хан, родившийся в год коровы <...> одинаково воплощая два *правления*, поддерживал мир и счастье» (*öljei-tü qaγan üker jil-tei :<...> qoγar jасаγ-i tegside bayiyul-un : engke jirγuayuluyad*) [Желтая история, 2017. С. 150]). Эти примеры, безусловно, говорят об эволюции значения концепта *jасаγ*. Дальнейшее его развитие свидетельствуется данными о деятельности Дзасагту-хаганов.

Нельзя не вспомнить Субантай Дзасагту-хагана и его участие в составлении законов (*öčüken čaγaja*). В Великом законе 1620 г. среди лиц, участвовавших в принятии законов, вслед за Старшим хаганом Золотого клана (*altan uruγ qaγan aqai*) упоминаются держащий власть Хатун-багатур-ноян (*jасаγ bariγsan Qatun baγatur noyan*) и держащий власть Тушэту-ноян (*jасаγ bariγsan түšiye-tü noyan*) [BC3, 2002. С. 34, 53]. Первый, Хатун-багатур-ноян, был следующим после Ашихая сыном Гэрэсэндзэ [Желтая история, 2017. С. 92]. А второй, Тушэту-ноян, был сыном Эриехэй-мэргэн-хагана и внуком Абатай-сайн-хагана, правнуком Ногонуху-уйцзэн-нояна (третьего сына Гэрэсэндзэ) [Желтая история, 2017. С. 93]. Слово сочетание *jасаγ bariγsan*, свидетельствует о том, как и в случае с всемонгольским Тумэн Дзасагту-хаганом в Халхе было создано правительство, которое они, члены Золотого рода, представляли. При этом Хатун-багатур-ноян управлял Западной Монголией, а Тушэту-ноян ее восточной и центральной частью, что и закрепилось впоследствии за тушэту-ханам. Интересно, что в 1620 г. правители обеих частей Халхи еще именовались нойонами, а не ханами.

В «Желтой истории» концепт *jасаγ* чаще упоминается в устойчивом сочетании *jасаγ-un tayiji* ('*правлящие тайджи*'), что свидетельствует о существовании достаточно большой группы лиц, принадлежавших к властвующей элите, наделенной управленческими функциями, это подчеркивается титулом. Они, как правило, являлись сыновьями нойонов, хунтайджи. Вероятно, они осуществляли местную власть. Однако отмечается, что у седьмого сына Гэ-

рэсэндзэ-джалаир-хунтайджи — Одохон-Саму-Буйма — ни один потомок «не стал дзасаком» (*eden-dü jасаγ boluγsan ügei*) [Желтая история, 2017. С. 212]), т. е. осуществляющим *правление*. Но среди них не было и тайджи.

Правящие тайджи (*jасаγ-un tayiji*) имели довольно высокий статус в иерархии властных структур, которая зафиксировалась в перечислении участников съездов по принятию законов. Так, на съезде 1616 г., где великие и малые нойоны обсудили малый закон четырех хошунов, участники перечисляются в следующем порядке: правящие тайджи — *jасаγ-un tayijinar* [BC3, 2002. С. 31], хунтайджи, тайджи, табуананги [BC3, 2002. С. 50], т. е. статус правящих тайджи был даже выше, чем статус хунтайджи.

Можно говорить о развитии монгольской политической культуры, зафиксированной в монгольских источниках. Если в Монгольской империи эпохи Чингис-хана отмечаются значения концепта *jасаγ*, связанные с распоряжениями, приказами верховного правителя и отсутствием какого-либо аппарата управления, то позже, в империи Юань, в связи с распространением буддизма этот концепт обозначает уже систему управления. К XVII в. можно говорить и о том, что концепт *jасаγ* фиксирует появление в Монголии управленческих структур разного уровня. В соответствии с данными наших источников мы можем говорить о начале формирования монгольской государственности. Зафиксирована иерархия властвующих субъектов, среди которых выделяется «первый среди равных» — «старший хаган». Но следует заметить, что определяется она критериями традиционной политической культуры — значением старшего в линии, а это не обеспечивало централизации власти в Халхе в руках старшего. С одной стороны, многочисленные съезды показывают, что стремление к централизации власти существовало. С другой стороны, как свидетельствуют некоторые параграфы законов, эти попытки демонстрировали самостоятельность отдельных правителей — родственников старшего хагана. Приписывание князьям титула *jасаγ* с полной определенностью указывает на выполнение ими властных *управленческих* функций. Важным фактором институализации власти стало создание административного аппарата, исполняющего установленные законы и взимающего штрафы за их нарушение в пользу властвующей элиты. Все это свидетельствует в пользу существования в Халхе ряда институтов, важнейшим из которых была правительственная структура, обозначаемая концептом *jасаγ*.

Использованная литература

BC3, 2002: Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI—XVII вв. Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб., 2002 (Vosemnadcat' stepnyh zakonov. Pamyatnik mongol'skogo prava XVI—XVII v. Mongol'skii tekst, transliteraciya mongol's-

skogo teksta / Perevod s mong., komment. i issledovanie A. D. Nasilova. SPb., 2002).

Желтая история, 2017: Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслитерация, введение и коммент. А. Д. Цендиной. Факсимиле рукописи (список А). М.: Наука; Вост. лит., 2017 (Zheltaya istoriya (Shara tudzhi) /

- Perevod s mong., transliteraciya, vvedenie i kommentarii A. D. Cendinoi. Faksimile rukopisi (spisok A). M.: Nauka; Vost. lit., 2017).
- Козин, 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941 (*Kozin S. A.* Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaya hronika 1240 g. M.; L., 1941).
- Рашид-ад-дин, 1952а: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.; Л., 1952 (*Rashid-ad-din.* Sbornik letopisei. T. 1, kn. 1. M.; L., 1952).
- Рашид-ад-дин, 1952б: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.; Л., 1952 (*Rashid-ad-din.* Sbornik letopisei. T. 1, kn. 2. M.; L., 1952).
- Рашид-ад-дин, 1960: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960 (*Rashid-ad-din.* Sbornik letopisei. T. 2. M.; L. 1960).
- ШТ, 1957: *Шара туджи.* Монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л. 1957 (*Shara tudzhi.* Mongol'skaia letopis' XVII veka / Svodnyi tekst, per., vved. i primech. N. P. Shastinoi. M.; L., 1957).
- ET, 1990: Erdeni-yin tobči. ('Precious Summary'). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662 / The Uрга text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewiltz, J. R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. No. 15. The Australian National University. Canberra, 1990.
- Rachewiltz, 1972: *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1972. Vol. 121.
- Rachewiltz, 2004: The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth Century / Translate with a historical and philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden; Boston: Brill, 2004.

T. D. Skrynnikova

***Jasay* concept in political culture of Mongols of the XIII—XVII centuries**

In this article the main emphasis is on analysis of *jasay* concepts: evolution of meaning of this concept in the XIII—XVII centuries when the Mongolian chronicles which recorded the using of a concept in political culture were composed. The analysis of the Mongolian texts showed that the *jasay* concept developed from designation of the occasional order of the Supreme ruler to organizing of the ruling structure subordinated to the ruler. According to the sources, we can speak about the beginning of formation of the Mongolian statehood.

Key words: Mongolia, power, *jasay* concept, political culture.

Р. Ю. Почекаев

Суд над Фатимой-хатун (1246): обвинение, следствие, приговор и наказание (к истории судебного процесса в Монгольской империи)

DOI 10.25882/1drx-rt03

В статье на примере суда над Фатимой-хатун — фавориткой ханши Туракины анализируются элементы судебного процесса Монгольской империи первой половины XIII в. Обвинение в колдовстве и посягательстве на жизнь члена ханского семейства обусловило судебное разбирательство на самом высоком уровне, с участием самого хана Гуюка. Автор анализирует сообщения источников о суде над Фатимой, привлекая дополнительные материалы об организации суда и процесса в Монгольской империи, об отношении монголов к колдовству и о наказании обвиняемых в таком преступлении и приходит к выводу, что рассмотренный случай представляет собой ценное дополнение к имеющимся в науке представлениям об организации судебной власти в империи Чингис-хана и его ближайших преемников, отражая специфику судебного процесса по таким делам, как колдовство против членов ханского рода.

Ключевые слова: Монгольская империя, суд и процесс, обвинение в колдовстве, Гуюк, Туракина, Фатима.

Организация суда и процесса в Монгольской империи относится к числу, пожалуй, наименее освещенных аспектов истории этого государства. Отдельные вопросы формирования и функционирования судебной власти в империи Чингис-хана и его преемников нашли отражение в обзорных работах по истории Монгольской империи, ее государства и права (см. подробнее: [Дугарова, 2016. С. 100—102, 153]). Специальных же работ, посвященных этому вопросу, имеется очень ограниченное количество. Наиболее систематизированно организация суда в Монгольской империи представлена в статье Т. Д. Скрынниковой ([Скрынникова, 2002]; см. также: [Крадин, Скрынникова, 2006. С. 394—415]; ср.: [Hodous, 2012/2013]). Однако, имея возможность сформировать некоторое представление о судебных прерогативах различных носителей власти в Монгольской империи, исследователи практически лишены возможности сделать то же самое касательно процессуальных отношений, поскольку дошедшие до нас источники права Монгольской империи не содержат необходимой информации.

В связи с этим необходимо обращаться к сведениям летописных источников, в которых описывается судебная деятельность монгольских ханов и их уполномоченных представителей-судей в виде конкретных примеров-казусов. В настоящей статье предпринимается попытка извлечь сведения о процессуальных отношениях в Монгольской империи на примере суда над Фатимой-хатун в 1246 г.

Фатима, по происхождению таджичка или персиянка родом из Мешхеда, попала в плен к монголам после захвата этого города. Оказавшись в столице Монгольской империи Каракоруме, она стала зарабатывать на жизнь, по одним сведениям, сводничеством, по другим — даже проституцией ([Juvaini, 1997. P. 244—245]; см. также: [Баабар, 2010. С. 44; Мэн, 2008. С. 40]). Об обстоятельствах, при которых она попала ко двору Туракины, супруги хана Угэдэя и регентши Монгольской империи после его смерти (1241—1246), источники не сообщают, отмечая лишь, что она пользовалась большим влиянием на ханшу. Ата-Малик Джувейни намекает на то, что ей были известны «глубокие тайны и секреты», этим и объясняя ее влияние при дворе [Juvaini, 1997. P. 245]. Согласно сообщениям имперских хроник, именно благодаря Фатиме Туракина начала репрессии против видных сановников своего супруга — в частности, против ханского секретаря Чинкая и хорезмийского наместника Махмуда Ялавача, их место заняли близкие к Фатиме лица — купец Абд ар-Рахман и другие [Juvaini, 1997. P. 243; Рашид ад-Дин, 1960. С. 115]. Формальный статус Фатимы, впрочем, был достаточно неопределенным, и совершенно нет оснований считать ее «главным везиром» Туракины, как это делает, в частности, турецкая исследовательница Б. Учок [Учок, 1982. С. 11].

Провозглашение новым ханом Монгольской империи Гуюка, сына Угэдэя и Туракины, изменило расстановку политических сил, и влияние как самой

регентши, так и ее приближенных оказалось существенно подорванным. И одним из первых же деяний нового монарха стал арест Фатимы, который он произвел несмотря на протесты своей матери, до последнего пытавшейся спасти свою фаворитку. Последовавшая же вскоре смерть ханши Туракины окончательно сделала Фатиму-хатун беззащитной перед ее врагами.

Сюжет с судом над Фатимой был детально изучен в недавно вышедшей статье болгарского исследователя К. Голева [Golev, 2017], который, подробно проанализировав сведения источников, пришел к вполне обоснованному выводу о том, что этот суд являлся, в первую очередь, «политическим процессом», актом расправы нового монарха с кланом его противников при дворе. Собственно, это и обусловило изучение автором статьи суда именно как политического события. Нас же интересуют прежде всего сведения процессуального характера, изучение которых не входило в задачу болгарского исследователя. Соответственно, ниже мы проанализируем сведения источников, касающиеся различных стадий «дела» Фатимы-хатун, попытавшись выявить элементы судебного процесса в Монгольской империи — типичные для большинства дел и особенные, нашедшие отражение именно в рамках данного разбирательства.

Основанием для привлечения Фатимы к суду стало обвинение в колдовстве, выдвинутое неким Широй, которого Джувейни называет виночерпием Кадака — сановника (атабека) Гуюка, а Рашид ад-Дин — «пьяницей и негодяем» [Juvaini, 1997. P. 245; Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]¹.

Обвинение в колдовстве было достаточно серьезным уже само по себе. Так, Вильгельм де Рубрук, побывавший в Монгольской империи в 1253 г., отмечал, что монголы «умерщвляют колдуний... так как считают подобных женщин за отравительниц» [Рубрук, 1997. С. 101]. В уложении династии Юань «Юань дьянь-чжан» (1323) имеется ссылка на Ясу, в соответствии с которой «изведение людей с помощью колдовства» также карается смертной казнью ([Попов, 1906. С. 0152]; см. также: [Березин, 1863. С. 29]). К. Голев при этом отмечает, что речь идет о случаях, когда колдовскими и магическими практиками занимались частные лица, а не специальные служители культа — шаманы и пр. [Golev, 2017. P. 133]. В связи с этим можно предположить, что запрет колдовства мог иметь весьма давние истоки — еще в тех временах, когда древние шаманы и жрецы старались монополизировать эту сферу, мотивируя это тем, что прочие неспособны «правильно общаться» с высшими силами и своими действиями могут

навлечь беду на остальных [Гринин, 2007. С. 147, 150].

Однако в случае с Фатимой речь шла не просто о посягательстве «непосвященной» на сферу, к которой принадлежали исключительно служители культа: она была обвинена в посягательстве на Годана — брата самого хана Гуюка. Первоначально это обвинение выдвинул вышеупомянутый Шира, а вскоре пришло послание от самого Годана, в котором тот сообщал, что ему хуже и он винит в своем состоянии именно Фатиму. Вскоре же пришло сообщение о смерти Годана.

Известно, что брат Гуюка, имевший улус в Северном Китае на границе с Тибетом (современная провинция Гансу), страдал некоей кожной болезнью [История, 1999. С. 149], которая в свое время послужила основанием для избрания новым ханом не его, а Гуюка ([Juvaini, 1997. P. 251]; см. также: [Pochekayev, 2018. P. 9]). Эта болезнь не привела к его смерти, поскольку последние упоминания о Годане в источниках относятся к 1251—1253 гг. Однако письмо, в котором сообщалось о его смерти, стало весьма веским доказательством в дополнение к показаниям Ширы, и вновь вошедший в силу уйгур Чинкай настойчиво предъявлял его с целью привлечения Фатимы к ответственности. Неудивительно, что хан Гуюк поспешил арестовать фаворитку своей матери.

Однако основные следственные действия начались лишь после смерти Туракины, когда уже никто не мог вступить за Фатиму. Согласно сообщению Джувейни, следствие и суд осуществлял сам Гуюк, что вполне отвечало принципам организации суда в Монгольской империи [Скрынникова, 2002. С. 169—171], при этом отражая и особую важность данного дела — посягательство на жизнь видного члена «Золотого рода», ханского брата.

Имея свидетельские показания Ширы и как послание самого Годана, так и сообщение о его смерти, представители власти старались тем не менее добиться признания самой Фатимы. Согласно Рашид ад-Дину, она была подвергнута битью палками и пыткам [Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]. Джувейни сообщает о монгольских «методах следствия» более подробно: согласно его сообщению, она была обнаженной закована в цепи и в течение долгого времени оставалась без еды и питья, постоянно подвергаясь «насилию, жестокостям и запугиваниям» [Juvaini, 1997. P. 245—246]. Неудивительно, что после всего этого она готова была признаться в любых преступлениях, в каких бы ее ни обвинили, что и произошло.

Как бы то ни было, признание было получено, и это позволило официально приговорить Фатиму-хатун к смертной казни. Саму казнь Джувейни и Рашид ад-Дин описывают примерно одинаково: «зашили верхние и нижние отверстия ее [тела] и, завернув в кошму, бросили в воду» [Juvaini, 1997. P. 246; Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]. Обвинение в колдовстве и посягательстве на члена ханского семейства дало властям повод подвергнуть репрессиям родственников и сподвижников Фатимы: многие из них по-

¹ У Джувейни Шира также назван Алидом, т. е. потомком халифа Али, Рашид ад-Дин же называет его всего лишь «последователем Али», т. е. шиитом, что в глазах правоверных суннитов должно было стать дополнительным штрихом к негативной характеристике этого человека [Juvaini, 1997. P. 245; Рашид ад-Дин, 1960. С. 117].

гибли, другие же подверглись менее тяжким наказаниям, при этом достаточным основанием для привлечения к ответственности являлось то, что тот или иной приговоренный «пришел от Гробницы» (т. е. из города Мешхеда, где располагалась почитаемая мусульманами гробница святого Али Ризы) [Juvaini, 1997. P. 244, 246].

Любопытно отметить, что суд над Фатимой стал своего рода прецедентом для решения подобных дел и в дальнейшем. Джувейни и Рашид ад-Дин сообщают, что вскоре после смерти Гуук-хана (1248) сам Шира был обвинен в колдовстве против ханского сына Ходжи-огула, «и его точно так же бросили в воду, а его жен и детей предали мечу» ([Рашид ад-Дин, 1960. С. 117]; см. также: [Juvaini, 1997. P. 246]). В свою очередь, обвинитель Ширы, некий Али Ходжа, в начале правления хана Мунке (1251—1259) также был обвинен в колдовстве, правду, казнили его несколько иным способом: «Менгу-каан приказал бить его слева и справа, пока все тело не оказалось искрошено на мелкие куски», впрочем, «его жены и дети впали в унижение рабства» [Рашид ад-Дин, 1960. С. 117].

Итак, какие же выводы позволяет сделать нам анализ «дела» Фатимы-хатун?

Во-первых, на конкретном примере подтверждаются сообщения других источников о том, что колдовство в Монгольской империи преследовалось в уголовном порядке. Наказанием за такое преступление являлась смертная казнь. Если же колдовство было обращено против представителей ханского рода, то казнь приобретала квалифицированный характер, т. е. была особенно жестокой — в нашем случае утопление с предварительными мучениями («зашивание верхних и нижних отверстий»). Кроме того, помимо самого приговоренного, ответственность несли также члены его семьи и другие представители

его окружения — либо как сообщники, либо как не сумевшие «отговорить» преступника от его деяния и, соответственно, либо также приговаривавшиеся к смертной казни, либо несшие иные наказания. Подобный принцип, именуемый в юридической науке «объективным вменением», был характерен для права многих стран Востока, в первую очередь — для традиционного китайского права [Кычанов, 1986. С. 85—86], несомненно, оказавшего влияние на правовую идеологию Монгольской империи.

Во-вторых, значимость преступления была обусловлена тем, что судил покушавшегося на члена ханского рода сам хан.

В-третьих, при расследовании преступлений использовались различные виды доказательств — устные показания, письменные документы (в нашем случае — послания), а также признание самого преступника. Для получения последнего применялись весьма жестокие процессуальные действия — постоянное пребывание в цепях, запугивание, унижения, пытки, в т. ч. битье палками и пр. Любопытно отметить, что в традиционном монгольском праве и процессе (в т. ч. и в более поздний период, вплоть до начала XX в.) пытки в качестве средства получения доказательств не имели широкого распространения и, по всей видимости, также были заимствованы из китайской процессуальной практики (см., например: [Бурдуков, 1969. С. 58]).

Таким образом, можно констатировать, что сведения о суде над Фатимой-хатун представляют значительный интерес и ценность с точки зрения изучения суда и процесса в Монгольской империи и, в сочетании с результатами анализа аналогичных казусов, могут позволить выявить и реконструировать систему уголовного процесса в империи Чингис-хана и государствах его преемников, причем с учетом специфики отдельных категорий судебных дел.

Использованная литература

- Баабар, 2010: *Баабар*. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татарское книжное изд-во, 2010 (*Baabar. Istoriya Mongolii: ot mirovogo gospodstva do sovetского satellita. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo*, 2010).
- Березин, 1863: *Березин И. Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863 (*Berezin I. N. Ocherk vnutrennego ustrojstva ulusa Dzhuchieva. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk*, 1863).
- Бурдуков, 1969: *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969 (*Burdukov A. V. V staroj i novoj Mongolii. Vospominaniya. Pisma. M.: Nauka*, 1969).
- Гринин, 2007: *Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: URSS, 2007 (*Grinin L. E. Gosudarstvo i istoricheskij protsess. Epokha formirovaniya gosudarstva. Obshhij kontekst sotsial'noj evolyutsii pri obrazovanii gosudarstva. M.: URSS*, 2007).
- Дугарова, 2016: *Дугарова С. Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016 (*Dugarova S. Zh. Istoriografiya mongol'skogo gosudarstva i prava (XIII—nachalo XIX v.). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta*, 2016).
- История, 1999: История Эрдэни-дзу / Пер., введ., коммент. и прилож. А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 1999 (*Istoriya Erdeni-dzu / Per., vved., komment. i pril. A. D. Cendinoj. M.: Vost. lit.*, 1999).
- Крадин, Скрынникова, 2006: *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006 (*Kradin N. N., Skrynnikova T. D. Imperiya Chingis-khana. M.: Vost. lit.*, 2006).
- Кычанов, 1986: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. М.: Наука, 1986 (*Kychanov E. I. Osnovy srednevekovogo kitajskogo prava. M.: Nauka*, 1986).
- Мэн, 2008: *Мэн Д.* Хубилай: От Ксанату до сверхдержавы / пер. В. Федорова. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008 (*Man D. Khubilaj: Ot Ksanadu do sverkhderzhavy / Per.. V. Fedorova. M.: AST; Vladimir: VKT*, 2008).

- Попов, 1906: *Попов П. С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVII. 1906. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1907. С. 0150—0164 (*Popov P. S.* Yasa Chingis-khana i ulozhenie mongol'skoj dinastii Yuan' chao-dyan'-chzhan // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshhestva. T. XVII. 1906. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1907. S. 0150—0164).
- Рашид ад-Дин, 1960: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (*Rashid ad-Din.* Sbornik letopisej. T. II / Per. s pers. YU. P. Verkhovskogo, primech. YU. P. Verkhovskogo i B. I. Pankratova, red. I. P. Petrushevskij. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960).
- Рубрук, 1997: *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / пер. А. И. Маленина, вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86—189 (*Gil'om de Rubruk.* Puteshestvie v vostochnye strany / Per. A. I. Maleina, vstup. st., komment. M. B. Gornunga // Puteshestviya v vostochnye strany. M.: Mysl', 1997. S. 86—189).
- Скрынникова, 2002: *Скрынникова Т. Д.* Судопроизводство в Монгольской империи // Altaica. VII. М.: ИВ РАН, 2002. С. 163—174 (*Skrynnikova T. D.* Sudoproizvodstvo v Mongol'skoj imperii // Altaica. VII. М.: IV RAN, 2002. S. 163—174).
- Учок, 1982: *Учок Б.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах. М.: Наука, 1982 (*Uchok B.* Zhen-shhiny-pravitel'nitsy v musul'manskikh gosudarstvakh. М.: Nauka, 1982).
- Golev, 2017: *Golev K.* Witchcraft and Politics in the Court of the Great Khan: Interregnum Crises and Inter-factional Struggles among the Mongol Imperial Elite. The Case of Fāṭima Khatun // Annual of Medieval Studies at Central European University. 2017. Vol. 23. P. 132—144.
- Hodous, 2012/2013: *Hodous F.* The Quriltai as a Legal Institution in the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. 2012/2013. Vol. 56. P. 87—102
- Juvaini, 1997: *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997.
- Pochekaev, 2018: *Pochekaev R. Yu.* «King» Godan: Status of the Ruling Chinggisid in Mongolian and Tibetan Sources // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 6—17.

R. Yu. Pochekaev
Trial on Fatima Khatun (1246):
accusation, investigation, sentence and punishment
(on history of legal procedure in the Mongol Empire)

The article is an analysis of elements of legal procedure in the Mongol Empire of the first half of the 13th c. by the example of trial on Fatima Khatun — favorite of Turakina, regent of the empire. Accusation in witchcraft and encroachment on the member of the ruling family caused court examination of the high level, with participation of Guyuk Khan himself. Author analyses information of sources on trial on Fatima as well as additional materials on court and legal procedure in the Mongol Empire, attitude of Mongols towards the witchcraft and punishment of sorcerers. He finds that examined case is a valuable addition to our idea on organization of justice in the empire of Chinggis Khan and his nearest successors and at the same time reflects specific features of legal procedure on such cases as witchcraft against members of khan's family.

Key words: Mongol Empire, court and justice, accusation in witchcraft, Guyuk, Turakina, Fatima.

К. В. Алексеев

Палеографические особенности рукописи «Эрдэни тунумал» (предварительные наблюдения)*

DOI 10.25882/nkk2-8j53

Статья посвящена предварительному обзору палеографических особенностей уникального рукописного памятника монгольской историографии XVII в. «Эрдэни тунумал нэрэту судур». В ней дается описание графических элементов и букв письма «Эрдэни тунумал» по схеме, намеченной Д. Карой в монографии «Книги монгольских кочевников». Анализ манеры письма памятника позволяет предположить, что над производством рукописи работал один писец, не имевший профессионального статуса.

Ключевые слова: «Эрдэни тунумал», палеография, почерк, манера письма, автограф, список.

Памятник монгольской литературы XVII в. «Эрдэни тунумал нэрэту судур» (монг. *Erdeni tunumal neretü sudur*; «Трактат под названием „Драгоценная ясность“»), или, сокращенно, «Эрдэни тунумал», представляет собой сочинение сводного характера, повествующее об Алтан-хане (1507—1582) и его ближайших потомках. По мнению ученых, текст памятника был составлен анонимным автором около 1607 г.¹ Его единственный известный на сегодня рукописный экземпляр хранится в библиотеке Академии общественных наук Внутренней Монголии в г. Хух-Хото².

Рукопись «Эрдэни тунумал» состоит из 54 листов формата *потхи*. Текст написан каламом черной тушью на грубой конопляной³ бумаге, без рамки, 22—28 строк на каждой стороне листа. Пагинация полистная на монгольском слева от основного текста и тибетскими цифрами в левом верхнем углу листов. Дж. Элверског отмечает, что изначально размер листов рукописи незначительно варьировался, но в результате реставрации в Пекине он был унифицирован — 35,8×10,8 см. Исключение составляет послед-

ний лист рукописи, 54г, очевидно меньшего размера, нежели остальные (31,4—10,5 см). Он содержит генеалогию узумчинских князей от Чингис-хана до Сэцэн Цинван Судани. По мнению Дж. Элверскога, дата смерти последнего (1691)⁴ определяет *terminus post quem* для всей рукописи [Elverskog, 2003. P. 44]. Тем не менее почерк на листе 54г отличается от дукта основного текста. Это позволяет предположить, что он был добавлен к рукописи позднее.

Будучи уникальным памятником монгольской историографии, текст «Эрдэни тунумал» стал объектом повышенного внимания со стороны монголоведов и претерпел шесть изданий.

В двух последних по времени публикациях латинская транскрипция и перевод памятника снабжены обширными комментариями и индексами⁵.

Тем не менее эти исследования ограничиваются лишь самыми общими наблюдениями о палеографии памятника. Так, Дж. Элверског отмечает, что основной текст рукописи был написан одним писцом, по всей вероятности, двумя разными каламами, в манере, характерной для монгольских рукописей конца XVI—начала XVII в. Последний лист написан другим, «более поздним» почерком [Elverskog, 2003. P. 44]. К. Коллмар-Пауленц предполагает, что глоссы, содержащиеся в тексте памятника⁶, были добавлены после написания основного текста, и первая из них (л. 3в/9) выполнена той же «рукой», что и лист 54г [Kollmar-Paulenz, 2001. S. 9].

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-09-00539, «История Алтан-хана» — уникальный источник по истории и культуре монголов второй половины XVI—начала XVII в.: комплексное текстологическое и историко-лингвистическое исследование.

¹ О датировке и авторстве «Эрдэни тунумал» см., например: [Kollmar-Paulenz, 2001. S. 18—23; Elverskog, 2003. P. 4 fn. 9, 45—48, 53—58].

² Согласно Дж. Элверскогу, рукопись хранится в библиотеке под шифром 22.912 48:1. См.: [Elverskog, 2003. P. 43, 216 fn. 1]. См. также: [YG, 1999. No. 09328].

³ См.: [Elverskog, 2003. P. 44].

⁴ К. Коллмар-Пауленц указывает в качестве даты смерти Сэцэн Цинвана 1690-й год [Kollmar-Paulenz, 2001. S. 9].

⁵ [Kollmar-Paulenz, 2001; Elverskog, 2003]. Об истории изучения текста см.: [Elverskog, 2003. P. 1—2].

⁶ Список глосс см.: [Kollmar-Paulenz, 2001. S. 9 fn. 6].

Разумеется, подобное невнимание к особенностям письма «Эрдэни тунумал» объясняется в первую очередь задачами опубликованных исследований, в которых основное внимание было уделено истории и содержанию памятника. Свою роль сыграла здесь и крайняя малоизученность монгольской палеографии в целом. Отсутствие в монголоведении разработанных подходов и точной унифицированной терминологии для описания почерков монгольских рукописей крайне затрудняет работу ученых в этой области. Между тем исследования такого рода крайне важны при комплексном изучении монгольских памятников. Так, уже в 1972 г. Д. Кара в своей монографии, посвященной монгольской рукописно-ксилографической традиции, отмечает насущную необходимость составления полного инвентаря графических единиц каждого важного монгольязычного памятника [Кара, 1972. С. 63], к числу каковых, безусловно, относится «Эрдэни тунумал».

Анализ системы письма «Эрдэни тунумал» мог бы дать ответы на ключевые вопросы истории создания как рукописи, так и самого текста памятника. Сколько писцов работало над производством рукописи? Каковы были их профессиональный статус и выработанность почерка? Является ли рукопись «Эрдэни тунумал» автографом или списком с другого текста? Кем были сделаны исправления в тексте рукописи? И так далее.

Этот очерк является попыткой приступить к системному анализу письма памятника. Для всесторонней историко-почерковедческой экспертизы необходимы цифровые изображения рукописного памятника и возможность их компьютерной обработки⁷. На данный момент мы такими материалами не располагаем и вынуждены использовать для анализа письма памятника его факсимильное издание⁸. В этих условиях можно дать лишь самое общее описание графических элементов и букв «Эрдэни тунумал» по схеме, намеченной Д. Карой в его монографии «Книги монгольских кочевников» [Кара, 1972. С. 40—77].

В целом письмо рукописи «Эрдэни тунумал» тяжелое, малоконтрастное — вертикальные линии жирные, горизонтальные лишь немногим тоньше вертикальных. Разгон письма, определяемый соотношением движений по вертикали и по горизонтали, можно охарактеризовать как средний. Местами, например на листе 17v, письмо становится более легким, что может давать визуальное ощущение межпочерковой границы. Тем не менее манера письма⁹ в этих фрагментах текста остается неизменной, и можно предположить, что они написаны другим, более тонким каламом.

⁷ О примерах такого рода исследований см., например: [Цыпкин, 2013; Dalton et. al., 2007].

⁸ См.: [Jürungya, 2012. С. 181—234].

⁹ Манера письма — «стабильный вариант почерка, выраженный в устойчивом комплексе графических, метрических и топографических особенностей выполнения текста» [Цыпкин, 2013. С. 36].

Соразмерность букв и графических элементов можно продемонстрировать следующим образом: в поле слова слева «зубцы» помещаются в пределах узкой полосы (1); вертикальные границы других графических элементов, таких как «петли», «палочки», «рога», медиальные D, R и т. д. (кроме «багра»), заполняют в два—три раза более широкую полосу (2); «багор» выходит за пределы широкой полосы (3); справа такие графические элементы, как «косы» и «дуги», занимают широкую полосу (2); длинные хвосты, как правило, выходят за пределы этой полосы (3).

3|2|1|0|2

bayasqulang

2|1|0|2

čečegei

2|1|0|2|3

delgeregüligsen

2|1|0|2|3

terigüten

3|2|1|0|2

üjėsküleng

Вязь оси образует относительно прямую линию с периодическими разломами в местах написания косой «палочки», образующей, например, медиальные I или R.

čiyulyan

mordajū

Зубцы в рукописи «Эрдэни тунумал» относительно крупные, острые, с прямыми сторонами, периодически пишутся с минимальным наклоном вниз. Для «палочек» существует два основных варианта написания: слегка расширяющаяся и загнутая книзу линия и прямая линия с углом наклона приблизительно 45 градусов. В некоторых случаях, например при написании Ö/Ü в первом слове, она лишь немногим длиннее зубцов.

inu

-yin

egesig

sür

«Коронки» либо вовсе отсутствуют в письме «Эрдэни тунумал» (первому «зубцу» в слове предшествует короткий сегмент вязи оси), либо обозначены небольшим разломом оси с минимальным отклонением вправо или влево:

«Петли» круглые или выпуклые, как бы сжатые по вертикали, «сидят» на оси вязи, образуя полуовал, и отходят от оси дальше, чем «зубцы»:

«Дуги» большие, как правило, слегка сжатые по вертикали. Финальные O/U, Y, R имеют дугу.

«Хвосты» длинные горизонтальные, с наклоном приблизительно 45 градусов. При начертании их калам сначала отклоняется вправо от вязи оси, образуя угол. Большинство «хвостов» заканчиваются небольшим крючком вниз и влево:

«Багор» очень длинный, наклоняется кривой линией. В конце линия загнута вверх с небольшим утолщением или крючком:

«Коса» в рукописи «Эрдэни тунумал» может присоединяться к вязи оси или писаться отдельно от нее. «Коса» для L пишется в виде кривой линии, сначала идущей практически горизонтально, а затем резко заворачивающей вверх и расширяющейся на изгибе и/или окончании: . «Коса» для M пишется в виде короткого и тонкого горизонтального штриха (при написании отдельно от оси он может отсутствовать) и практически вертикальной жирной линии вниз с небольшим крючком или штри-

хом на конце: . Для начертания лигатуры ML «коса» вверх пишется примерно из середины «косы» вниз:

Буква В зачастую имеет сглаженную в верхнем переднем сегменте петлю и выпуклую «дугу». Финальный В в сочетании с А/Е имеет длинный «багор». Финальный В без гласного состоит из «петли» и «багра», дуга в этой лигатуре практически отсутствует:

Ѓ и Ј не различаются на письме и имеют два аллографа. Первый, более частый, имеет угловатый выгнутый внутрь «рог»; второй пишется в виде гладкого «рога»: . В сочетании ЃІ медиальный І пишется из основания Ѓ.

Д пишется в виде простой широкой петли с наклоном. В ряде случаев нижняя сторона петли имеет

изгиб или небольшую «выемку» внутрь: . Для начертания буквы D' галика в иноязычных словах используются два аллографа — остроконечный открытый большой крюк и остроконечная замкнутая петля:

В ряде случаев писец может использовать один из этих аллографов для написания привычных слов в качестве элемента декора, напри-

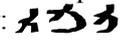
мер *d'alai* в словосочетании *d'alai lam-a*:

«Палочка» К/Г без «жала змеи», дуга выпуклая. Финальный G в сочетании с E имеет длинный «багор». Финальный G без гласного состоит из косой жирной «палочки» и длинного «багра» с едва наме-

тившейся дугой:

Финальный L с тонкой горизонтальной линией и жирным изгибом вверх: . За редким исключением финальный M имеет один «зубец»:

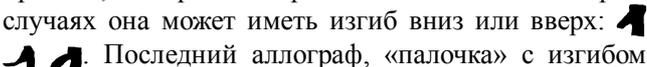
Инициальный Q/Г с тупой «головкой» вправо, как правило, переходящей на правую сторону оси. Встречаются и более «неуклюжие» варианты написания, где этот переход едва различим: . Финальный Г — зубец и короткий хвост с такими же углом у основания оси и штрихом влево вниз на конце, что и у длинного хвоста:

R образован перекрестием двух остроконечных косых штрихов. В месте их соединения часто присутствует разлом оси. При написании финального R второй штрих переходит в выпуклую или покатую дугу:

S с клином, переходящим на правую сторону оси: . За исключением последнего листа, написанного другим почерком, финальный S последовательно пишется в своем классическом варианте, а не с помощью короткого хвоста:

Инициальный T в форме треугольника со сглаженными углами или, реже, в виде капли имеет прямой «зубец» влево и «петлю», уклоняющуюся вправо:

Финальные I и U имеют дугу с тонким нижним штрихом влево, который может быть почти горизонтальным и продолжаться влево за вязь оси:

Y имеет несколько вариантов начертания. Как правило, это прямая жирная «палочка». В некоторых случаях она может иметь изгиб вниз или вверх: . Последний аллограф, «палочка» с изгибом вниз, используется также для обозначения V.

Почерк последнего листа, 54г, отличается от почерковой манеры основного текста. Этот почерк характеризуют волнистая вязь оси, более мелкие зубцы, написанные под наклоном, почти горизонтальные, изгибающиеся вверх «хвосты», которые чертятся практически из предыдущей буквы, и круглые петли. Финальный S пишется в виде короткого хвоста. Исходя из наличия имеющегося визуального

материала, невозможно установить, написаны ли глоссы в тексте «Эрдэни тунумал» и последний лист, приложенный к рукописи, одной рукой.

Основной текст

Лист 54г

tegün-ü

Глосса на л. 3г/9

В заключение можно отметить, что в целом основной текст рукописи написан однотипным почерком. В тексте не наблюдается очевидных почерковых

границ. Вполне возможно, что над производством рукописи работал один писец. Наличие нескольких вариантов написания одних и тех же аллографов свидетельствует о малой выработанности его почерка и возможном непрофессиональном статусе. Об этом свидетельствует и определенная небрежность в написании отдельных фрагментов рукописи, выражающаяся в смещении угла наклона строк и использовании каламов разной толщины. Это позволяет предположить, что «Эрдэни тунумал» является автографом, а не списком с другого текста, выполненным профессиональным переписчиком с устоявшимся почерком.

Использованная литература

- Кара, 1972: *Кара Д.* Книги монгольских кочевников: семь веков монгольской письменности. Москва: Наука; ГРВЛ, 1972 (*Kara D.* Knigi mongol' skikh kochevnikov: sem vekov mongol' skoi pis' mennosti. Moskva: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1972).
- Цыпкин, 2013: *Цыпкин Д. О.* Формирование кодекса // Das corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert). Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris: fontes et dissertationes. Freiburg: Weiher — Freiburg I. Br., 2013. С. 28—61 (*Tsyppkin D. O.* Formirovaniie kodeksa).
- Dalton et al., 2007: *Dalton J., Davis T., van Schaik S.* Beyond Anonymity: Paleographic Analyses of the Dunhuang Manuscripts // Journal of the International Association of Tibetan Studies. 2007. Issue 3. P. 1—23.
- Elverskog, 2003: *Elverskog J.* (ed.) The Jewel Translucent Sūtra: Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Жүрүнгя, 2012: *Жүрүнгя (ed.)* Erdeni tunumal neretü sudur orosiba. Kökeqota: Öbör mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2012.
- Kollmar-Paulenz, 2001: *Kollmar-Paulenz K.* Erdeni tunumal neretü sudur: die Biographie des Altan qaghan der Tümed-Mongolen: ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001.
- YG, 1999: Dumdadu ulus—erten—ü mongyol nom biçig—ün yerüngkei yarçay. Vol. 2. Begejing: Begejing nom-un sang jöblel-ün qoriy-a, 1999.

K. V. Alekseev

On the paleographical peculiarities of the Manuscript Copy of the *Erdeni Tunumal* (preliminary observations)

The article is devoted to a preliminary survey of the paleographical peculiarities of a singular seventeenth century manuscript, the *Erdeni Tunumal Neretü Sudur*. It presents the description of letters and graphic elements of the manuscript according to the scheme offered by D. Kara in his monograph *Books of the Mongolian Nomads*. The analysis of the handwriting of the manuscript suggests that it can be attributed to a single scribe, who, probably, did not have a professional status.

Key words: *Erdeni Tunumal*, paleography, handwriting, writing style, autograph, copy.

Т. Г. Басангова

Калмыцкая кумулятивная сказка (публикация текстов)

DOI 10.25882/xp2g-ma98

В публикации представлены авторские переводы калмыцких народных кумулятивных сказок, а также приведен краткий анализ особенностей этого жанра в фольклоре калмыков.

Ключевые слова: фольклор, типология, калмыки, переводы.

На современном этапе особенно актуальны проблемы воссоздания всего комплекса духовного наследия народа. Представители кочевых культур все активнее обращаются к своим древним национальным традициям, в которых не без основания надеются выявить культурные ценности, особо чтимые народом. Фольклорная традиция калмыков до сих пор сохраняется в устной и письменной традиции. К духовному наследию калмыков прежде всего относятся многожанровый калмыцкий фольклор. Среди его образцов особо выделяются калмыцкие народные сказки — одно из ярких и высокохудожественных проявлений духовной культуры народа. Сказки создавались на протяжении многих веков талантливыми представителями народа. К калмыцким сказкам вполне применима мировая классификация: волшебные, бытовые, богатырские, сказки о животных.

Обозначение сказки согласно народной терминологии основывается на объеме повествования. Чаще всего сказители, как и их слушатели, пользуются термином *ут тууль* (букв.: ‘длинная сказка’) по отношению к волшебным и богатырским сказкам. Бытовые и сказки о животных называются *ахр тууль* (букв.: ‘короткая сказка’). Отметим также, что в народной среде слово *тууль* используется для обозначения жанра загадки как сказка с разгадкой.

В фольклорной традиции калмыков есть небольшие по объему сказки, героями которых являются люди, животные и птицы, а также различные предметы из их скотоводческого быта. Как известно, кумуляция — это циклическое повторение сюжетных узлов, один из популярных основных приемов создания сказочного сюжета в мировой фольклористике. Кумулятивные сказки, выделяемые в международной научной практике в качестве особого вида (нем. *Zahlmarchen* ‘кружащиеся вокруг одного места’ и т. д.), построены на многочисленных повторах эпизодов, с включением новых персонажей, или повторах с увеличением числа персонажей. В. Я. Пропп

подчеркивал, что кумулятивным сюжетам присуще такое же структурное единство, какое свойственно волшебным сказкам [Пропп, 1976. С. 47—48].

Кумулятивные сказки калмыков впервые были собраны воедино и опубликованы Т. Г. Басанговой, но они отнесены к сказкам о животных, поскольку главными героями этих сказок являются животные и птицы, с которыми случаются невероятные приключения. Но по мере накопления текстов кумулятивных сказок они могут быть определены как самостоятельный поджанр калмыцкой народной сказки. В калмыцкой фольклорной традиции присутствуют кумуляции прозаического и стихотворного планов [Сандаловый ларец, 2002].

Д. А. Носов исследовал классификацию, сюжетную систему, структуру кумулятивной сказки калмыков, отдельные мотивы и вариантность из сборника «Сандаловый ларец», в котором опубликованы тексты кумулятивных сказок из разных источников [Носов, 2010. С. 84—89].

Обычно исследователи публикуют кумулятивные тексты в сборниках фольклора, предназначенных для детей, так как для них характерна напряженность сюжета, эмоциональность, занимательная форма исполнения и легкость запоминания благодаря повторению звеньев сказки [Борджанова, 2002. С. 11].

В калмыцком фольклоре сохранились кумуляции прозаического характера — это прежде всего сказка «Богшада» («Воробей»), которая впервые записана Г. Балинтом [Balint, 2011. С. 225—227], сохранилась она также в рукописях Номто Очирова [Очиров, 2006. С. 83—84], в репертуаре известного сказителя Санджи Манджикова [Хальмг туульс, 1968. 227—228] и современного сказителя Ш. В. Боктаева [Боктаев, 2010. С. 112—114]. В фольклоре калмыков сохранилось произведение стихотворного характера — «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью»), в котором отражена в целом кочевая культура [Борджанова, 2002. С. 11]. Д. В. Убу-

шиева отметила, что большинство сюжетов кумулятивных калмыцких народных сказок записаны собирателем калмыцкого фольклора И. И. Поповым [Убушиева, 2017. С. 131—151].

Судьба сказок из коллекции И. И. Попова, хранящейся в Государственном архиве Ростовской области, довольно сложна. Часть этих сказок известна только в переводе на русский язык, при этом публикации на русском языке отсутствуют. Фольклорная традиция донских калмыков была зафиксирована И. И. Поповым. Сборник сказок в его записи хранится в Ростовском областном архиве. В фонде И. И. Попова выявлено шесть образцов кумулятивных сказок. Три образца кумуляции — сказки № 6 «Аратын тууль» («Сказка о лисе»), № 7 «Делунэ тууль» («Сказка о селезенке»), № 39 «Богшадан тууль» («Сказка о воробье») (ГА РО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 1031—1038).

Наследие донского собирателя И. И. Попова — это девять рукописных книг, содержание которых еще не опубликовано в полном виде. Есть некоторые сведения о самом собирателе: он закончил Лейпцигский университет, много лет жил среди калмыков, его семья владела несколькими конными заводами, на которых работали в основном калмыки, превосходно разбиравшиеся в коневодстве. Об обстоятельствах появления у него интереса к калмыкам, к их народному творчеству он пишет в послесловии к своей коллекции сказок:

Хотя у калмыков имеется весьма много сказок, они не были опубликованы лишь потому, что им не придавали никакого значения. Русскому человеку крайне затруднительно собирать и записывать калмыцкие сказки... И только потому, что я искренне и от всего сердца люблю калмыцкий народ, я, не жалея своих сил, взялся за изучение калмыцкого языка и собрал калмыцкие народные сказки с тем, чтобы все люди, населяющие земной шар, знали об этих сказках [Номинханов, 1967. С. 151—154].

Также в фольклорной традиции калмыков сохранилась кумуляция стихотворного характера — «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью»). Иногда этот текст относят к иносказательному игровому стихотворению или к иносказательной детской песне. Сохранилось два варианта этого текста [Басангова, 2009].

Но неожиданным образом тематика данного кумулятивного стихотворного текста совпала с образцами балкарского детского фольклора. Авторы провели синоптический анализ текстов из разных фольклорных традиций и пришли к выводу, что „синоптический разбор кумулятивного текста детской песни „Сарин сарла йовад“ («Шел светлой лунной ночью») и балкарского фольклорного текста „Шел я, шел, шерсть нашел“ выявляет, что сюжетно-повествовательная основа, представляющая взаимосвязанную цепочку действий, осуществляемых одним лицом (персонажем) посредством передачи объекта

(предмета) следующему субъекту (персонажу), несмотря на характер отличительных стихов, сохранила основную линию повествования, как в калмыцкой устной традиции, так и в балкарском фольклоре“» [Басангова, Манджиева, 2018].

В сюжетах кумулятивной сказки калмыков основными персонажами являются животные и птицы. Наиболее типична сказка «Богшадан» («Воробей»), имеющая варианты.

Возможно дальнейшее изучение кумулятивных сказок калмыков в сопоставлении с фольклором других тюрко-монгольских народов.

Как приложение к данной статье публикуются кумулятивные сказки в переводе автора статьи.

1. Желтый воробышек Богшадан (из репертуара сказителя Ш. В. Боктаева)

Желтый воробышек по имени Богшадан сел на куст и нечаянно укололся о кончик веточки. И тогда воробышек произнес:

— Я пожалуюсь на тебя овце.

Прилетел воробышек к овце и говорит:

— Я укололся о веточку кустика, съешь его.

— Не то чтобы поесть этот кустарник, я хвост поднять не могу, — говорит овца.

— А тогда я пожалуюсь на тебя волку, — говорит воробышек.

Придя к волку, воробышек говорит:

— Там живет овца, она не хочет съесть ветку кустика, которая меня больно уколола, и она еле-еле поднимает хвост, пойдешь съешь ее.

— Не то чтобы съесть овцу, я боюсь табунщиков, — говорит волк.

Прилетел воробей к табунщику и говорит:

— Там есть волк, выгоните его.

— Не то чтобы гнать волка, мы хана боимся! — говорят табунщики.

— Я пожалуюсь на вас хану! — сказал воробышек и закричал: — Хан, хан, табунщики растеряли табун. Идите их поругайте!

— Я не могу встать из-за своего большого живота! — молвил хан.

— Я пожалуюсь на тебя мышам, — говорит воробей.

Прилетел воробей к мышам и говорит:

— Там есть хан, который не может поднять живот, иди прогрызи его! — говорит.

— Не то чтобы грызть живот хану, нас пугают маленькие дети, — говорят мыши.

— Я пойду и скажу детям, чтобы они не обижали вас, — говорит воробышек.

А детям, мальчикам и девочкам, говорит воробышек:

— Там есть кошка, идите помучьте ее, — говорит.

— Не то чтобы кошку мучить, нас ругает матушка из-за того, что телята с коровами соединились, телята высосали молоко, — говорят они.

— А тогда я пожалуюсь матери, — говорит воробышек.

Пришел он к матушке и говорит:

— Поругайте детей, они не уследили за телятами, и те высосали молоко у коров, поругайте их!

— Не то чтобы их ругать, мне некогда. Я треплю шерсть, — говорит матушка.

— Я тогда скажу об этом ветру, — сказал воробышек.

Пришел он к ветру и говорит:

— Там женщина, она треплет шерсть, подуйте на нее, — говорит воробей ветру.

Полетел ветер, поднял бурю и шерсть улетела, матушка обиделась и поругала детишек, детишки стали мучить кошку, кошка поймала мышку, мышка стала грызть живот хана. Хан поднялся и стал ругать табунщиков, табунщик стал гнать волков, волк стал грызть бараний хвост, баран стал грызть кустарник и съел его. Тогда желтый воробышек Богшада стал громко смеяться, издавая звуки «гош-гош». От смеха у него лопнула кишка, и он умер.

2. Человек-силач

(фонд И. И. Попова, ГА РО. Ф. 55. Инв. № 1031)

Давным-давно, в одно прекрасное время жили старик со старухой. Однажды они зарезали овцу, сделали из селезенки подношение — *деедже*¹. Есть *деедже* было некому — не было детей, и поэтому все осталось на ночь. Встали они утром и видят, что селезенка прилипла ко льду.

— Селезенка, ты почему прилипла ко льду? — спросил старик.

— Лед — силач.

— Лед, лед, ты сильнее всех? — спросили старики.

— Сильнее, — сказал лед.

— Тогда почему ты на солнце таешь? — спросили его.

— Солнце сильнее, — ответил лед.

— Солнце, ты богатырь? — спросили солнце.

— Богатырь, — сказало оно.

— Тогда почему ты застреваешь меж гор? — спросили солнце.

— Горы — силачи, — ответило солнце.

— Горы, горы, вы сильнее всех? — спросили старик со старухой.

— Сильнее, — ответили они.

— Тогда почему вас вскапывают люди? — спросили у гор.

— Человек — силач, — сказали горы.

— Сильнее всех человек, — заключили старики.

3. Шел я лунной ночью

(инф. Д. Х. Муниева, запись Т. Г. Борджановой, 1985)

Идя лунной ночью, нашел я гребешок

Гребешок отдал я тетушке

¹ Начаток пищи.

Тетушка приготовила мне *бозо*,

Его я отдал собаке,

Собака отдала мне щенка,

Щенка я отдал земле

Земля мне дала траву.

Траву я отдал овце.

Овца отдала мне ягненка,

Разделав ягненка, отдал его путнику.

Путник отдал мне кнут.

Отдал мне кнут,

Я же сел на коня,

Стал пасти я скот

Хасара, Басара²,

Балтака, Шильтыка

Рядом ведя,

Стал пасти скот,

Отдыхая, ели мясо,

Стали жить счастливо.

4. Шла я лунной ночью

(инф. К. В. Харкибенова, запись Т. Г. Борджановой, 2008 год)

Шла я лунной ночью,

Нашла я гребешок,

Гребешок отдала я бабушке,

Бабушка мне купила *бозо*³,

Бабушкин бозо я отдала собаке,

Собака мне отдала щенка.

Щенка я пожертвовала земле,

Земля дала мне траву,

Траву я отдала овце,

Овца отдала мне ягненка,

Ягненка я швырнула овчару.

Овчар отдал мне плетку.

Плеть овчара я бросила в дрофу,

Дрофа мне отдала яйца,

Яйца дрофы я повесила на ветки,

Дерево отдало мне листья.

Листья деревьев я отдала верблюду,

Верблюд отдал мне верблюжонка.

Оседлав верблюжонка,

Я переправилась через родник,

Старуха, прибывшая к вам, — это я.

5. Шел я лунной ночью

(инф. Т. С. Тягинова, самозапись)

Шел я лунной ночью,

Шел я шел,

Гребешок нашел.

Гребешок отдал я тетушке.

Тетушка дала мне *хойрмог*.

*Хойрмог*⁴ я отдал собаке.

² Клички собак у калмыков.

³ Молочная водка.

⁴ Молочная водка, разбавленная молоком.

Собака отдала мне хвост.
Хвостом я ударил о землю.
Земля отдала мне траву.
Траву я отдал овце.
Овца отдала мне ягненка.
Ягненка я отдал тетушке.
Конец.

Воробей (запись Г. Балинта)

Давно один воробей сел на кустарник. Этот кустарник уколол его в зад. Оттуда воробей пришел к овце и сказал ей:

— Здесь есть одна хорошая трава, съешь ее, — так сказал.

Тогда овца говорит:

— Эту траву не надо есть, я не знаю, как тащить свой жир.

Услышав эти слова, воробей говорит:

— Как ты не можешь нести свой жир, негодяйка, я пойду и расскажу о тебе волку!

Так сказав, вышел и направился к нему. Пришел воробей к волку и говорит:

— Тут есть одна жирная овца, иди и съешь ее! — так сказал.

Тогда волк сказал:

— Не нужно мне есть овцу, я уже съел табун лошадей у хана, поэтому я боюсь табунщиков — так сказал.

Тогда воробей сказал:

— Я пойду к табунщикам и расскажу им о тебе! — сказал.

Воробей прилетел к табунщиками и говорит:

— Здесь есть один волк, убейте этого волка! — так сказал.

Услышав это, табунщики сказали:

— Не нужно убивать этого волка, потерялся черный вороной жеребец хана, теперь мы очень боимся хана! — так сказали.

Воробей сказал в ответ:

— Расскажу о вас хану! — так сказав, отправился в путь.

Воробей пришел к хану и говорит:

— Хан, ваши табунщики потеряли вашего любимого вороного жеребца, они боятся Вас, идите к ним и избежите их! — сказал.

Тогда хан сказал:

— Не то чтобы их избивать, не знаю, как нести свой живот!

Услышав эти слова, воробей произнес:

— Негодяй, не могущий поднять свой живот, пойду и расскажу об этом мышши! — произнеся эти слова, он отправился в путь.

Пришел к мышши и рассказал:

— Здесь живет один хан, идите и съешьте его жир, — так говорит.

Тогда мышшь говорит:

— Не нужно есть его жир, я сам боюсь мальчиков! — так сказал.

— Расскажу о тебе мальчику! — так сказав, отправился в путь.

Придя к мальчику, он произнес:

— Здесь живет одна мышшь, идите и убейте эту мышшь!

Тогда мальчики сказали:

— Не нужно убивать мышшь! Мы сами боимся матерей, поскольку соединили коров.

Тогда воробышек сказал:

— Негодники, соединившие коров, расскажу об этом вашим матерям! — так сказав, отправился в путь.

Воробей сказал обо всем матерям:

— Ваши сыновья соединили коров, теперь боятся вас, идите и побейте их! — так сказал.

Тогда женщины сказали:

— Не нужно нам их избивать, сами не знаем, как растрепать шерсть! — так сказали.

Тогда воробей говорит:

— Негодники, не могущие растрепать шерсть, скажу об этом вихрю! — так сказав, отправился в путь.

Вихрю воробей сказал:

— Здесь одни женщины треплют шерсть, не знают как, иди эту шерсть разбросай! — так сказал.

После этого вихрь разбросал шерсть, женщины погнались за сыновьями, мальчики прогнали мышшей, мышшь поела ханский жир, хан побил табунщиков, табунщики прогнали волков, волк съел овцу, овца поела всю траву. Наш воробей, посмотрев на них, стал смеяться так сильно, что у него порвалась аорта.

Литература

Басангова, 2009: *Басангова Т. Г.* Детский фольклор калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 72 с. (*Basangova T. G. Detskiy fol'klor kalmykov. Elista: KIGI RAN, 2009. 72 s.*).

Басангова, Манджиева, 2018: *Басангова (Борджанова) Т. Г., Манджиева Б. Б.* О типологических связях калмыцкого и балкарского фольклора (на примере детской песни) https://www.tuva.asia/journal/issue_27/8176-basangova-mandzhieva.html (дата обращения: 14 мая 2018 го-

да). (*Basangova (Bordzhanova) T. G., Mandzhiyeva B. B.* O tipologicheskikh svyazyakh kalmytskogo i balkarskogo fol'klora (na primere detskoy pesni) https://www.tuva.asia/journal/issue_27/8176-basangova-mandzhieva.html (data obrashcheniya: 14 maya 2018 goda)).

Боктаев, 2010: *Алtn чеeжтэ келмрч Боктан Шаня* (Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев)/ сост., вступ. ст., прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. (*Altn cheyежтэ келмрч Bоктан Shanya*

- (Khranitel' mudrosti narodnoy Shanya Boktayev) / sost., vstup. st., prilozh. В. В. Mandzhiyevoy. Elista: KIGI RAN, 2010. 172 s.).
- Борджанова, 2002: *Саглар ээжин туульс* (Сказки бабушки Саглар) (на калм. яз.) / сост. и предисл. Т. Г. Борджановой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 44 с. ил. (Saglar eejin tuul's (Skazki babushki Saglar) (na kalm. yaz.) / sost. i predisl. T. G. Bordzhanovoy. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2002. 44 s. il.).
- Номинханов, 1967: *Номинханов Ц.-Д.* Наследие калмыковед И. И. Попова // Ученые записки. Вып. 5. Серия «Филология». Элиста, 1967. С. 151—154 (*Nominkhanov TS.-D.* Naslediye kalmykoveda I. I. Popova // Uchenyye zapiski. Vyp. 5. Seriya «Filologiya». Elista, 1967. S. 151—154).
- Носов, 2010: *Носов Д. А.* Монгольская народная кумулятивная сказка // Монголика IX. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 84—89 (*Nosov D. A.* Mongol'skaya narodnaya kumulyativnaya skazka // Mongolika IX. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2010. S. 84—89).
- Сандаловый ларец, 2002: *Сандаловый ларец*: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., vstup. st. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с. (Sandalovyy larets: Kalmytskiye narodnyye skazki / sost., per., vstup. st. T. G. Basangovoy. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2002. 239 s.).
- Очилов, 2006: *Очилов Номто.* Живая старина / сост., vstup. st., komment. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с. (*Ochirov Nomto.* Zhivaya starina / sost., vstup. st., komment. B. A. Bicheyeva. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2006. 398 s.).
- Пропп, 1976: *Пропп В. Я.* Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 322 с. (*Propp V. YA.* Kumulyativnaya skazka // Folklor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i. M.: Nauka, 1976. 322 s.).
- Убушиева, 2017: *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 3. С. 131—151 (*Ubushiyeva D. V.* Kumulyativnyye obraztsy v kollektzii skazok I. I. Popova // Vestnik KIGI RAN. 2017. № 3. S. 131—151).
- Хальмг туульс, 1968: *Хальмг туульс.* Калмыцкие народные сказки (на калм. яз.). II том. Элиста, 1968. 266 с. (*Khal'mg tuul's.* Kalmytskiye narodnyye skazki (na kalm. yaz.). II tom. Elista, 1968. 266 s.).
- Balint, 2011: *Kalmyk Folk Culture in the mid-19th Century.* Philological Studies on the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Budapest: Library of the Hungarian Academy of Sciences, 2011. 380 p.

T. G. Basangova
Kalmyk cumulative tale
(publication of texts)

The publication presents the author's translations of the Kalmyk folk cumulative tales, and provides a brief analysis of the features of this genre in the folklore of Kalmyks.

Key words: Folklore, typology, Kalmyks, translations.

Б. Х. Борлыкова

Калмыцкие музыкальные инструменты национального музея республики Калмыкии имени Н. Н. Пальмова¹

DOI 10.25882/50mw-ea51

В настоящей статье описаны калмыцкие музыкальные инструменты, хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкии им. Н. Н. Пальмова. На основе известной системы Э. Хорнбостеля и К. Закса калмыцкие музыкальные инструменты классифицированы на *духовые* (аэрофоны), *струнные* (хордофоны), *мембранные* (мембрафоны) и *самозвучащие* (идиофоны).

Ключевые слова: духовые музыкальные инструменты, струнные музыкальные инструменты, ударные музыкальные инструменты, калмыки, Национальный музей Республики Калмыкии им. Н. Н. Пальмова.

В настоящее время в общественном сознании активизировались обусловленные общественными закономерностями развития интересы к этническому музыкально-эстетическому наследию, к решению проблем исторической преемственности в культуре и возрождению традиционных ценностей. В результате для калмыцкой культуры *актуализировалась* проблема научного изучения, реставрации и практического освоения видов и типов народных инструментов, которые относились к различным историческим эпохам и уже полностью исчезли из музыкального быта.

Калмыцкие музыкальные инструменты представляют важнейшую часть национальной культуры. История их возникновения и развития неразрывно связана с развитием художественной культуры в целом и социально-культурного развития Калмыкии в частности. Состав традиционных калмыцких музыкальных инструментов весьма велик и разнообразен.

Труды о традиционных музыкальных инструментах калмыцкого народа, имеющиеся в научной литературе, немногочисленны. С этнографической точки зрения описаны П. С. Палласом [1809], Н. А. Нефедьевым [1834], П. И. Небольсиным [1852], И. А. Житецким [1893], А. М. Позднеевым [1880] и др.; в искусствоведческом плане калмыцкие музыкальные инструменты исследованы музыковедами М. Л. Тригузом [1965], Н. Л. Луганским [1987], Г. Ю. Бадмаевой [1999]; названия калмыцких музыкальных инструментов и их частей исследованы Б. Х. Борлыко-

вой в монографии «Калмыцкая музыкальная терминология» [2012].

Целью настоящей статьи является выявление, описание, исследование и введение в научный оборот калмыцких музыкальных инструментов, хранящихся в фондах Национального музея им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкии.

На основе известной системы Э. Хорнбостеля и К. Закса (по источнику звука и способу его извлечения) [Хорнбостель, Закс, 1987. С. 229—261] калмыцкие музыкальные инструменты классифицируются на *духовые* (аэрофоны), *струнные* (хордофоны), *мембранные* (мембрафоны) и *самозвучащие* (идиофоны). Рассмотрим музыкальные инструменты калмыков, хранящиеся в Национальном музее им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкии.

В группу *аэрофоны* включены калмыцкие духовые музыкальные инструменты, источником звука которых является столб звука, заключенный в канале ствола инструмента. В зависимости от способа звукоизвлечения инструменты можно разделить на следующие подгруппы: язычковые и мундштучные.

1. Язычковые духовые инструменты (глоттофоны). Звукоизвлечение у инструментов этой подгруппы аэрофонов производится с помощью вибрирующего прерывателя — трости, то есть язычка.

Лимба (калм. *лимб*) — вид поперечной бамбуковой флейты. Имеется 8 игровых отверстий, одно тембровое (заклеенное тонкой бумагой) и 2 подстроечных (в нижней части инструмента). Конструктивное описание инструмента: длина — 43 см, диаметр — 1,8 см (см. рис. 1).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-24-03005 а(м).

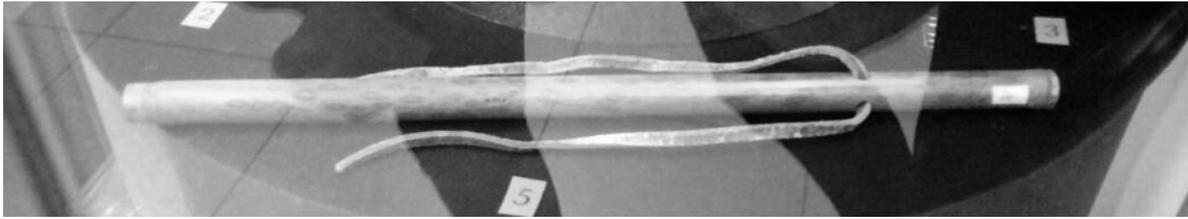

Рис. 1. Лимба

По мнению известного музыковеда К. Верткова, «признание народом инструмента-пришельца своим является совершенно закономерным, поскольку он занимает в музыкальной культуре этого народа равное положение с исконно национальными, а иногда играет в ней роль более значительную, чем другие инструменты» [Вертков, 1975. С. 10]. Таким инструментом для музыкальной культуры калмыцкого народа является *саратовская гармонь* (калм. *саратовск харма / гарма*), ее звучание обязательно используется в исполнении калмыцких народных танцевальных мелодий и наигрышей.

В экспозиции Национального музея им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкии представлена саратовская диатоническая гармонь с 10 мелодическими клавишами и 3 клавишами для аккомпанемента. На левой стороне корпуса прикреплены колокольчики, звук из которых извлекается молоточками, соединенными с басовыми и аккордовыми клавишами (см. рис. 4).

2. Мундштучные духовые инструменты. Звукоизвлечение столба воздуха вызывается напряженными вибрирующими губами исполнителя, прижатыми к мундштуку или непосредственно к верхнему узкому концу ствола инструмента, имеющего, как правило, углубление, губы исполняют функцию прерывателя.

Дунг (калм. *дуң*) — труба, изготовленная из морской раковины. Звукоизвлечение происходит следующим образом: раковина держится в левой руке, ладонью правой руки прикрывается широкая часть раковины, в узкую часть вдвывается воздух сильной струей. Тембр *дуң* близок к тембру валторны, охотничьего рога, но интонационно не определен. Большая белая раковина-труба — «первый инструмент» буддистов. В хурульном оркестре используется фаянсовая белая раковина (монг. *яйчил дун* 'белоснежная раковина с правильным завитком'), звучание которой символизировало священный голос «учителя», призывающего к богослужению.

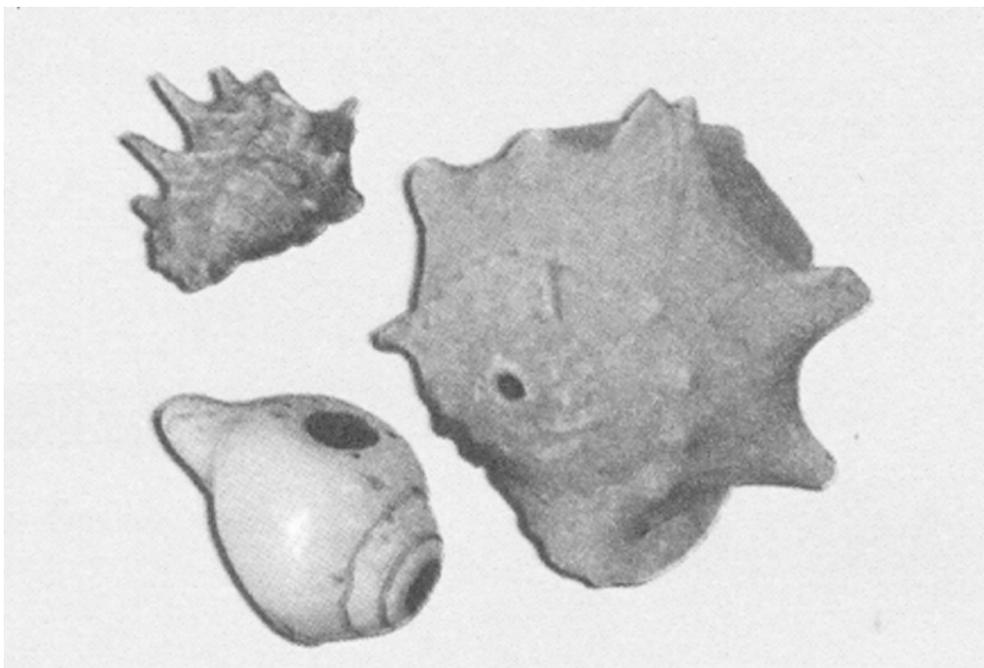

Рис. 2. Дунг

В коллекции Национального музея им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкии имеются 3 вида дунга. Приведем их конструктивные данные: 1) маленькая

белая раковина, на одной стороне выцарапан знак: круглое отверстие диаметром 0,5 см, длина — 15,5 см, сохранность — потертости, царапины; 2) се-

рая раковина с белыми и коричневыми пятнами и шипами; 3) белая раковина с большими отростками, общая длина — 20,6 см, в обхвате высота 16 см, со-

хранность — потертости, незначительные шербики (см. рис. 2).

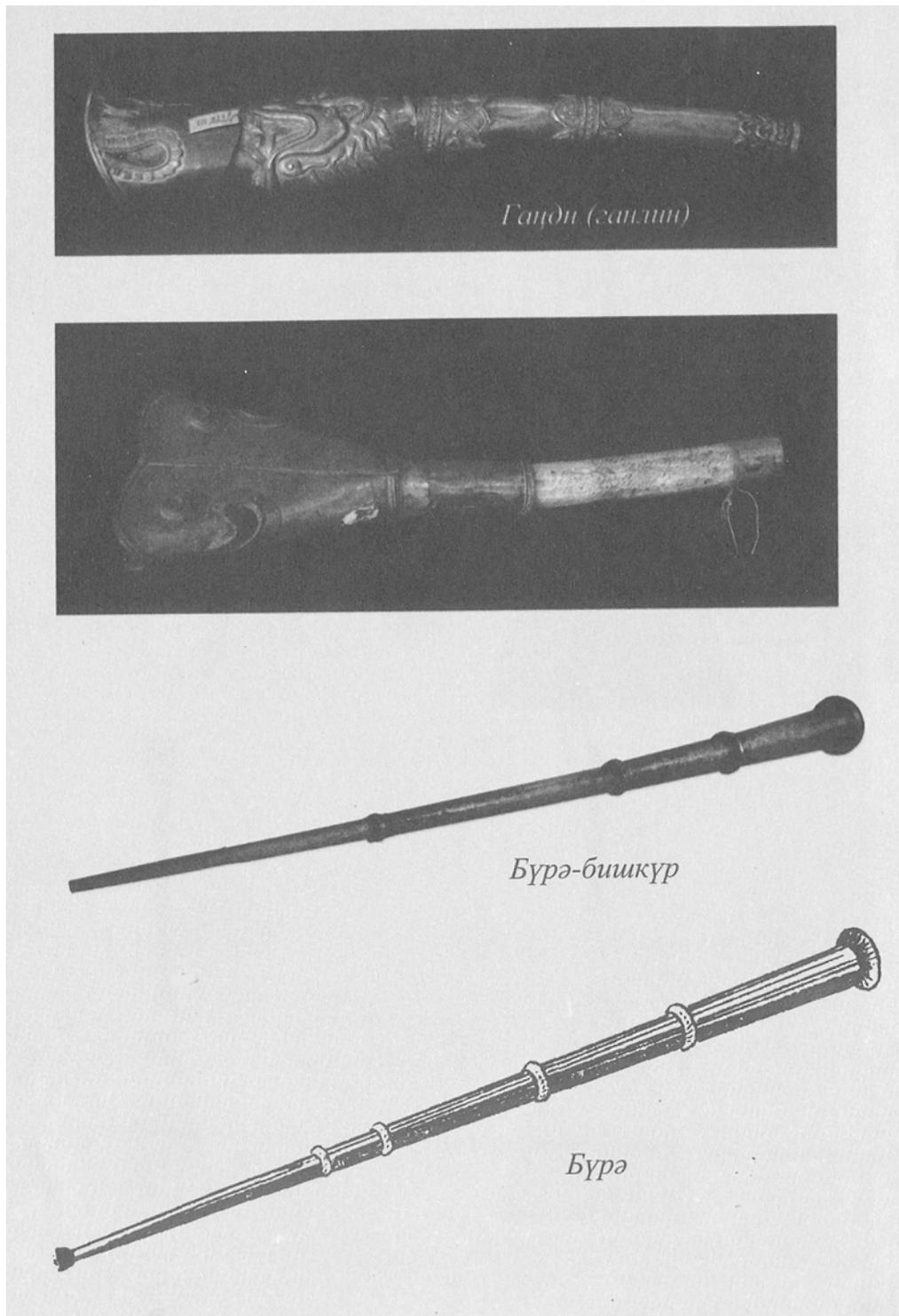

Рис. 3. Гангдн (ганлин), бүрә-бишкүр, бүрә

Гангдан, ганлин (калм. *гангдн, ганлин*) — металлический дульцевый инструмент, состоящий из трех частей. Почти половину инструмента занимает рас-

труб. Отверстия для изменения высоты звука отсут-

ствуют. В древности изготовлялся из человеческой бедренной кости (*чимгн бүрә* 'труба из кости'). Звук гангдн интонационно не определен, густой, пронзительный, напоминает звук тромбона, на котором иг-

рают со слегка расстроенным амбушюром. Динамика звучания достаточно сильная. В Национальном музее им. Пальмова Республики Калмыкии имеются 2 вида инструмента дунга: *гангдн прямой* (материал — желтый металл, кость оправлена в металл, длина — 37 см, диаметр раструба — 2,4 см, сохранность — потемнения, деформация, пятна) и *гангдн изогнутый* (материал — желтый металл, орнаментирован; длина — 45,5 см, диаметр раструба — 9,5 см, сохранность — потемнения) (см. рис. 3).

Бюря (калм. *бүрә*) — это вентильная труба, изготовленная из латуни, с мундштуком, из трех частей. «Инструмент представляет собой трубу с прямым конусовидным стволом. *Бюря* состоит из трех частей, вставляемых одна в другую. Мундштук чашеобраз-

ной формы. Ствол расширяется постепенно, переходя в раструб, который заканчивается узким конусообразным кольцом. Звукоряд натуральный. Тембр — густой, регистр звучания ниже, чем у гангдн, напоминает басовый тромбон. Сила звучания значительная. Контрабасовая разновидность *бюря* называется *укр бүрә*, букв.: ‘корова-труба’ [Луганский, 1987. С. 13]. В фонде Национального музея им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкии представлены две единицы *бюря* (длина первого инструмента — 2075 см, диаметр раструба — 13 см; длина второго инструмента — 2005 см, диаметр раструба неоднороден и колеблется от 12 до 13 см) и значительно меньший по размерам *бюря-бишкюр* (калм. *бүрә-бишкүр*) — длина 193,0 см, диаметр раструба — 16,5 см (см. рис. 3).

Рис. 4. Морин хур, товшур, скрипка (хур), домбра, лимба, саратовская гармонь

Группа *хордофоны* включает инструменты, источником звука которых является натянутая струна. К этой группе относятся *товшуур*, *ятх*, *домбр*, *икл*, монг. *хур*, *хучир*, *шанз*, *ёочин-жиңнур*. Внутри группы эти инструменты в зависимости от способа звукоизвлечения разделяются на две подгруппы: струнно-щипковые и струнно-смычковые.

1. Струнно-щипковые инструменты. Звукоизвлечение на струнно-щипковых инструментах производится защипыванием струны пальцем или ударом.

Товшуур (калм. *товшуур*) — разновидность двухструнной шейковой лютни. Корпус товшура долбленный, овальной формы, изготовлен из цельного куска дерева. На верхней деке инструмента имеются девять резонаторных отверстий. Длина — 73,5 см. Гриф — 29 см. Лады отсутствуют. Верхняя дека — деревянная, на ней имеется пять резонаторных отверстий (см. рис. 4).

Домбра (калм. *домбр*) — двухструнный щипковый инструмент, имеет треугольный корпус, 4 лада из лески. Наиболее распространенный на сегодня музыкальный инструмент калмыков. Длина инструмента — 95 см. В качестве струн применяются рыболовные лески. На корпусе 9 резонаторных отверстий. Домбра имеет две разновидности строя: квартный и квинтовый (см. рис. 4).

Одно из первых кратких описаний калмыцкой домбры содержится в фундаментальном труде П. С. Палласа «Sammling historichten über die Mongolischen Volkerschaften». Паллас отметил, что «у калмыков лучшие музыканты — девушки, почти все умеющие играть на двухструнной лютне (Laute), называемой домр (Dommer). Струны проволоочные или кишечные, настроенные в унисон» [Pallas, 1776—1801. I.

С. 150]. По предположению П. С. Палласа, домбра была заимствована калмыками у казахов, так как она совершенно не встречается у монголов [Pallas, 1776—1801. I. С. 151].

2. Струнно-смычковые инструменты. Звукоизвлечение на струнно-смычковых инструментах производится путем трения о струны волоса смычка, который натирается смолой (канифолью).

Морин хур — смычковый трапециевидной формы хордофон с двумя струнами из конских волос и деревянной декой. Головка грифа морин хуура изготовлена в виде головы лошади. Длина инструмента — 108,0 см, длина грифа — 52,0 см, ширина — 3,5 см, два деревянных колка длиной 10,0 см. Длина смычка 73,9 см. Инструмент поступил 20.11.1987 от Калмыцкого обкома партии — дар от делегации Убур-Хангайского аймака Монголии в честь 70-летия аймака (см. рис. 4).

Скрипка (калм. *искрипк*, *хур*) — струнный смычковый музыкальный инструмент высокого регистра. Органографическая характеристика скрипки, представленной в экспозиции Национального музея им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкии. Длина 47 см, гриф — 22 см, фигурная головка — 9 см (см. рис. 4).

Группа *ударные музыкальные инструменты* делится на мембранофоны и идиофоны.

1. В группу *мембранофоны* входят ударные инструменты, источником звука которых является натянутая мембрана — *кеңкрэ*; *дамр/арамбру*, *дулвс/дулви*. В инструментах, входящих в группу *идиофоны*, источником звука является материал, из которого сделан инструмент или его звучащая деталь, — это такие инструменты, как *хоңх*, *цаң*, *харң*.

Рис. 5. Торцог

Торцог (калм. *тоорцг*) — одиночный котлобарабан, деревянный корпус обтянут телячьей кожей. Диаметр верхний — 21,5 см, нижний — 5,5 см, высота — 20,5 см. К обечайке приделана из кожи ручка, а также ремешок, с помощью которого, вероятно, инструмент прикрепляли к седлу. Инструмент поступил из Татарского государственного музея в 1960 г. (см. рис. 5).

2. В инструментах, входящих в группу *идиофоны*, источником звука также является материал, из которого сделан инструмент или его звучащая деталь.

Хонхо (калм. *хоңх*) — обычный металлический колокольчик. Материал изготовления — латунь. Высота — 7,5 см, диаметр тулова — 7,5 см. Крепился верхним концом к металлической палочке с ваджрой. Звучание интонационно неопределенное (см. рис. 6).

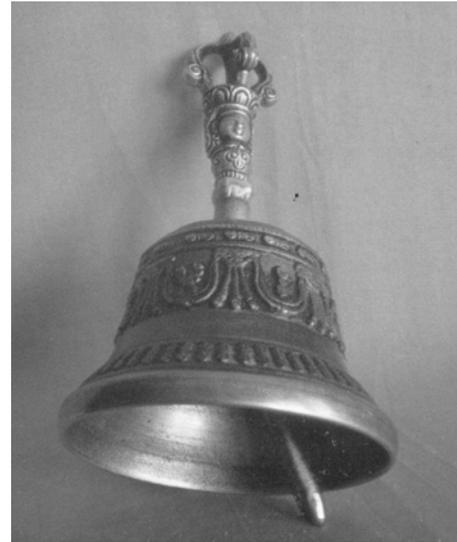

Рис. 6. Хонхо

Рис. 7. Цанги, денкшя

Цанги (калм. *цаң*) — соударяемые металлические тарелки диаметром 34 см. Материал изготовления — сплав меди и серебра. В отличие от оркестровых, так называемых турецких тарелок, а также китайских, *цаң* имеет в центре большую чашечкообразную выпуклость, которая начинается на расстоянии 150 мм от края. В отверстие, находящееся в центре диска, продернут ремешок из ткани, служащий ручкой (см. рис. 7).

Дэнгшя (калм. *деңгшә*) — самые маленькие соударяемые металлические тарелочки диаметром 7,5 см. Материал изготовления — сплав меди и се-

ребра. В отверстие, которое находится в центре диска, продернут ремешок из ткани, служащий ручкой (см. рис. 7).

Таким образом, на основе классификации Э. Хорнбостеля и К. Закса (по источнику звука и способу его извлечения) [Хорнбостель, Закс, 1987. С. 229—261] было изучено 14 калмыцких музыкальных инструментов из фондов Национального музея им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкии. Духовые музыкальные инструменты были поделены на подгруппы: язычковые (*лимба*, *саратовская гармонь*) и мундштучные (*дунг*, *гандан/ганлин*, *бюря*, *бюря-биш-*

күр); струнные музыкальные инструменты: струнно-щипковые (*товшур, домбра*) и струнно-смычковые (*морин хур, скрипка*); ударные музыкальные инструменты: мембранофоны (*торцог*) и идиофоны (*хонхо, цанги, дэнгия*).

В дальнейшем настоящее исследование поможет восполнить многочисленные пробелы в региональном музыковедении и обобщить накопленные к настоящему времени данные, а также в полной мере развернуть широкие сравнительно-исторические исследования.

Использованная литература

- Бадмаева, 1999: *Бадмаева Г. Ю.* Калмыцкая музыка в контексте культур Азии. М.: МГК им. Чайковского, 1999. 48 с. (*Badmaeva G. Y.* Kalmyckaya muzyka v kontekste kultur Azii. M.: MGK im. Chaikovskogo, 1999. 48 s.).
- Борлыкова, 2012: *Борлыкова Б. Х.* Калмыцкая музыкальная терминология. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2012. 176 с. (*Borlykova B. H.* Kalmuckaya muzykal'naya termenologiya. Elista: ZAOr «NPP Djangar», 2012. 176 s.).
- Вертков, 1975: *Вертков К. А.* Музыкальные инструменты народов СССР // Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М.: Музыка, 1975. С. 10—14 (*Vertkov K. A.* Muzykal'nye instrumenty narodov SSSR // Atlas muzykal'nyh instrumentov narodov SSSR. M., 1975. S. 10—14).
- Житецкий, 1991: *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1881—1886 гг. Репринтное издание с 1893 г. Элиста: Калмыцкая картинная галерея, 1991. 73 с. (*Jiteckiy I. A.* Ocherki byta astrakhanskih kalmykov. Etnograficheskie nabludeniya 1881—1886 gg. Reprintnoe izdanie s 1893 g. Elista: Kalmyckaya kartinnaya galereya. 1991. 73 s.).
- Луганский, 1987: *Луганский Н. Л.* Калмыцкие народные музыкальные инструменты. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1987. 63 с. (*Luganskyi N. L.* Kalmyckie narodnye muzykal'nye instrumenty. Elista: Kalmyckoe knizhnoe izd-vo, 1987. 63 s.).
- Небольсин, 1852: *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса (в пер.). СПб.: Типография Карла Крайта, 1852. 180 с. (*Nebol'sin P. I.* Ocherki byta kalmykov Hosheutovskogo ulusa (v per.). SPb.: Tipografiya Karla Kraita, 1852. 180 s.).
- Нефедьев, 1834: *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках (в пер.). СПб.: Типография Карла Крайта, 1834. 286 с. (*Nefed'ev N. A.* Podrobnyye svedeniya o voljskikh kalmykah (v per.). SPb.: Tipografiya Karla Kraita, 1834. 286 s.).
- Позднеев, 1880: *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1880. 376 с. (*Pozdneev A. M.* Obrazcy narodnoi literatury mongol'skih plemen. Vyp. 1. Narodnye pesni mongolov. SPb.: Tipografiya Imperatoskoj akademii nauk, 1880. 376 s.).
- Тритуз, 1965: *Тритуз М. Л.* Музыкальная культура Калмыцкой АССР. М.: Музыка, 1965. 110 с. (*Trituz M. L.* Muzykal'naya kul'tura Kalmyckoi ASSR. M.: Muzyka, 1965. 110 s.).
- Хорнбостель, Закс, 1987: *Хорнбостель Э. М., Закс К.* Систематика музыкальных инструментов / пер. И. З. Алендера // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Москва: Советский композитор, 1987. С. 229—261 (*Hornbostel' E. M., Zaks K.* Sistematika muzykal'nyh instrumentov / Perevod I. Z. Alendera // Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka. M.: Sovetskiy kompozitor, 1987. S. 229—261).
- Pallas, 1776—1801: *Pallas P. S.* Sammling historichten uber die Mongolischen Volkerschaften. 1776—1801. I. S. 150.

В. Н. Borlykova **Kalmyk musical instruments** **national museum of the Republic of Kalmykia** **named after N. N. Pal'mov**

This article describes Kalmyk musical instruments that are stored at the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Pal'mov. Based on the well-known system of E. Hornbostel and K. Zaks, Kalmyk musical instruments are classified into brass (aerophones), strings (chordophones), membrane (membrane) and self-sounding (idiophones).

Key words: wind musical instruments, string musical instruments, percussion musical instruments, kalmyks, National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Pal'mova.

А. В. Зорин

Тибетский свиток из молитвенного барабана, поступивший в Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. *

DOI 10.25882/esy3-7388

Статья посвящена вновь выявленному свитку на тибетском языке, относящемуся к поступлениям XVIII в. Свиток предназначался для вложения в молитвенный барабан или иной культовый объект. Он состоит из 27 отдельных листов, содержащих буддийские сакральные формулы (представлены отгиски четырех типов), и еще двух листов, случайно отобранных из книг на тибетском языке, причем по крайней мере один лист относится к текстам буддийской школы кагью. Четыре аналогичных листа с сакральными формулами имеются в другой единице хранения — связке разрозненных листов, так же как этот свиток, поступившей в академическую коллекцию не позднее 1798 г. С большой долей вероятности эти листы были извлечены из рассматриваемого свитка. Наличие на них черной печати, использовавшейся в Библиотеке АН до сер. XVIII в., позволяет полагать, что свиток, к которому они, скорее всего, принадлежали, относится к наиболее ранним поступлениям тибетских текстов в Санкт-Петербург.

Ключевые слова: тибетские свитки, дхарани, коллекция ИВР РАН, ранние поступления, И. Буссе, Я. И. Шмидт.

Среди материалов на тибетском языке, поступивших в коллекцию Библиотеки Санкт-Петербургской академии наук к концу XVIII в., заметное место занимали свитки из молитвенных барабанов. Об этом свидетельствуют две описи единиц хранения: 1. Опись, составленная И. Буссе в 1798 г. в дополнение к опубликованному им же в 1796 г. каталогу И. Иерига; 2. Опись, составленная Я. И. Шмидтом в 1828 г.¹ Отметим, что Шмидт специально зафиксировал в своей описи наличие текстов только из каталога Иерига, он не ставил целью сличить остальные имеющиеся материалы со списком Буссе. Поэтому в ряде случаев трудно найти точные соответствия между представленными в списках описаниями, хотя очевидно, что за тридцать лет (между 1798 и 1828 гг.) состав коллекции не претерпел больших изменений, количество новых поступлений было незначительным².

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Консервация и текстологическое исследование калмыцких свитков XVIII в. из собрания ИВР РАН», проект № 18-012-00457.

¹ Они изданы и проанализированы в статье: [Walraven, Zorin, 2016].

² До недавнего времени я полагал, что их вообще могло не быть, однако в 2018 г. в ходе продолжающейся инвентаризации Тибетского фонда ИВР РАН мной был выявлен рукописный астрологический альманах, поступивший, согласно имеющейся на его обложке аннотации, от ботаника Ивана Ивановича Редовского (Jan Redowsky; 1774—1807). Он принимал участие в научной экспедиции

Свиткам на тибетском языке, извлеченным из молитвенных барабанов, в списке Буссе посвящены по меньшей мере две записи:

«20. 4 größere und kleinere gerollte Gebinde anscheinend tübätischer Schrift» («4 более и менее крупных свитка из связок, очевидно, тибетских письмен»).

«25. Ein großes Gebinde von Manuscriptrollen tübätischer Schrift im Gebiete des Donischen Korps in der Erde in ausdrücklich dazu gemachten Hölen von vier Luflöchern gefunden. Sie lagen in einer Tonne, die in der Erde zwischen 4 Säulen befestigt war und auf Eisenegitter stand, eingeschickt vom Hofrath Steriz und aus der Conferenz erhalten am 20 April 1797» («Большая связка рукописных свитков тибетских письмен, обнаруженных в Области Войска Донского в земле, в специально сделанной пещере с четырьмя вентиляционными отверстиями. Они лежали в барабане, помещенном между 4 столбами на земле и покоив-

1805—1806 гг. во главе с акад. Ф. И. Шубертом. Ученые планировали в составе русского посольства добраться до Китая, однако членам экспедиции не было суждено пересечь границу с Цинской империей, за исключением Редовского, доехавшего до Урги. После возвращения в Иркутск он предпринял отдельную экспедицию по Северо-Восточной Сибири, оборванную его скорострительной смертью в Гижигинске. Коллекции и рукописи Редовского были доставлены в Санкт-Петербург в 1809 г. [Гнучева, 1940. С. 155—159]. Можно предположить, что среди этих поступлений был и упомянутый альманах, приобретенный ученым в Забайкалье или в Монголии.

шемся на железной решетке; переданы надворным советником Штеричем и получены от Конференции 20 апреля 1797 г.»).

Некоторые другие записи указывают на связки листов, которые, хотя и не выглядели как свитки, могли быть извлечены из барабанов:

«21. Ein großes Gebinde zusammengeschlagerener, zum Teil zerrissener anscheinend tibätischer Schriften» («Большая связка сложенных вместе, частично портертых, очевидно тибетских, письмен»).

«24. Ein Gebinde zusammengeschlagerener anscheinend tangutischer Schriften» («Связка сложенных вместе, очевидно тибетских, письмен»).

Соответствующая запись в списке Шмидта объединяет все такие материалы в одну группу:

«22. Mehrere starke Rollen und Gebinde tibetischer, grossentheils vermoderter, Schriften aus Gebetscyllindern mit allerlei Formeln; ohne allen Werth» («Несколько крупных свитков и связок тибетских, частично истлевших, письмен из молитвенных цилиндров со всевозможными формулами; без всякой ценности»).

В ходе инвентаризации разрозненных материалов фонда тибетских ксилографов и рукописей удалось выявить довольно большое количество связок и свит-

ков XVIII в., и часть из них с большой долей вероятности можно отождествить с конкретными единицами хранения, зафиксированными Буссе. В данной статье я хотел бы представить один такой свиток, который выделяется среди прочих тем, что он составлен из ксилографических листов на тибетской бумаге, поступил в Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. и не из Калмыкии, тогда как остальные обследованные свитки представляют собой рукописи, выполненные на российской или европейской бумаге, имеют калмыцкое происхождение и, вероятно, были обнаружены и привезены в столицу Российской империи в последней четверти XVIII в., после откочевки калмыков в 1771 г.

Свиток, о котором пойдет речь, был инвентаризован в 2018 г., и возможность его надежной атрибуции обеспечена имеющейся небольшой оболочкой из российской или европейской бумаги XVIII в. с дважды написанным на ней номером 20. Почерк идентичен другим ранее выявленным подобным номерам, совпадающим с записями в списке Буссе. Таким образом, не приходится сомневаться, что данная единица хранения (получившая шифр Tib. 1026-3) входила в группу из четырех свитков, зафиксированных Буссе под номером 20³.

Рис. 1. Свиток Tib. 1026-3. Фотография А. А. Сизовой

Не считая обертки, свиток состоит из 29 ксилографических листов, из которых 27 представляют собой отски четырех единообразно оформленных листов с сакральными формулами (А — 19 экз., В — 5 экз., С — 2 экз., D — 1 экз.), а еще 2 — случайно взятые листы из двух разных книг на тибетском языке (X^a и X^b). Поскольку свиток не представляет собой последовательного текста, то нумерация листов может следовать как от центра к внешней стороне,

так и наоборот. В первом случае последовательность будет такая: А-А-А-А-В-А-В-А-А-А-А-А-А-D-А-С-В-А-А-А-А-В-А-А-В-X^a-X^b-А-С-А-обертка.

Листы, по-видимому, не были склеены друг с другом, хотя от долгого сжатия частично слиплись, при разматывании они с легкостью разошлись, исключая л. X¹ и прилегающий к нему лист типа В, которые производили впечатление склеенных с одного края. Впрочем, и они отошли друг от друга вполне

³ Ранее в процессе инвентаризации был выявлен ярлык с тем же номером, который, очевидно, принадлежал какому-то другому из четырех свитков.

непроизвольно в процессе исследования свитка. Стоит отметить, что свиток был смотан весьма туго — чем ближе к центру, тем туже, так что несколько центральных листов выступали в роли валика, вокруг которого накручивались остальные листы. Скорее всего, после попадания в руки европейцев свиток не разматывали целиком. Края одного из листов из середины свитка были вытянуты наверх и смяты, что указывает на попытку просмотра внутреннего содержания свитка без его разматывания (см. рис. 1), — с этим невольно хочется соотнести использование не вполне уверенного «*anscheinend*» в описании Буссе, который, по-видимому, не знал точно содержимое некоторых предметов. Свиток также был перетянут нитью, прикреплявшей к нему обертку с номером 20.

Охарактеризуем содержание листов.

А. На листе напечатаны 4 строки (зеркало 5,5×54,5 см, в стандартной рамке), каждая содержит один и тот же текст — дхарани Амитаюса (будды долголетия): om na mo bha ga wa te a pa ri mi ta ā yu+rdznyā na su bi ni shtsi ta te dzo rā dzā ya| ta thā ga tā ya| a+rha te sa mya+ksa bu+ddhā ya| ta+dya thā| om pu nye pu nye ma hā pu nye a pa ri mi ta pu nye| a pa ri mi ta pu nya dznā na sam bha ro pa tsi te| om sa+rba sam+skā ra pa ri shu+ddha dha+rma te ga ga na sa mud ga te swa bhā ba bi shu+ddhe ma hā na ya pa ri bā re swā+hā|.

В. На 6 полных строках (зеркало 6,5×47,5 см, в стандартной рамке), без разбивки на составные части: @#| |om shrī kā la tsa+kra huṃ hūṃ phaṭ| om phreṃ bi shwa ma ta huṃ hūṃ phaṭ| om shrī ba+dzra he he ru ru kaṃ huṃ hūṃ phaṭ| ḍā ki nī dzwa la sam wa ra swā+hā| <...> ha ha ha ha byoḥ bha ga ba na sa+rba ta thā ga ta ba+dzra mā me mu nytsa| ba+dzri bha ba| ma+hā sra ma ya sa twa āḥ|.

С. На 7 строках (зеркало 7,0×57,0 см, отмечено двойными вертикальными чертами по бокам), делится на 3 части: 1) дхарани без заголовка (часть стк 1): @#| | sa+rba pā pa pra sha ma na|sa+rba pā paṃ bi sho dha ne hu lu hu lu| bo dhī mā+rga sam pra+sthi te| sa+rba ta thā ga ta pra ti+ṣṭhi te shud dhe swā hā|; 2) хридая пратигьясамутпады — rten 'brel snying po (часть стк 1); 3) дхарани Ушнишавиджайи — gnam rgyal (остальной текст).

Д. На 8 строках (зеркало 7,5×58,0 см, отмечено двойными вертикальными чертами по бокам), делится на 3 части: gtsug tor dri med kyī gzungs (стк 1—5); gsang ba ring bsrel (стк 5—7); byang chub rgyan 'bum (стк 7—8).

Бумага листов с формулами — восточная, похожа на тибетскую, но без химического анализа трудно установить место ее происхождения. Два листа выделяются среди других: лист 8 (если считать от центра) отличается более плотной бумагой, лист 5 — довольно тонкой, очень гладкой и белой (возможно, это не восточная бумага).

Два листа из тибетских ксилографов склеены из двух слоев гладкой бумаги восточного типа. Сложно сказать, являются ли эти два листа фрагментами томов одного собрания сочинений, на что могут ука-

зывать номера томов (ka, kha), близость формата и «почерка» текста. Однако без точной идентификации текстов, которой мне пока не удалось добиться, утверждать это нельзя. Ниже представлено их предварительное описание.

X^a: имеется маргиналия: ka bdun (то есть первый том, л. 7), текст с обеих сторон (зеркало 6,5×48,0 см), 7 строк, лиц. ст. (начало): @#|_×_|'thab chu klung ya mun yi ngor| |srid las rnam grol brnyes pa bzang po ni| ... — об. ст. (конец): ... rlabs chen phrin las rgyas pas spro ba brtas||nem.

X^b: имеется маргиналия: kha bco lnga (то есть второй том, л. 15), текст с обеих сторон (зеркало 6,5×48,0 см), 7 строк, лиц. ст. (начало, где содержится колофон к тексту): @#|_“_|grol thob par shog¹³_|skyes pa'i rabs la bstod cing phyag bgyi ba'i tshigs su bcad pa dngos grub kyī rol mtsho zhes bya ba 'di yang|_ ^chos kyī rje dbon rin po che'i zhabs 'bren ba ngag dbang chos mchog gis bskul pa'i ngor|_dge slong ngag dbang rnam (2) rgyal gyis shar phyogs rdo rje me long gi zhing mchog dam pa'i snang brnyan se rtsa'i skyed tshal du sbyar ba ma+nnga lam||; на той же строке начало нового текста: @#|_|ngag gi dbang phyug rdo rje nyi ma che ... окончание его находится на об. ст., строка 1: ces shā+kya'i dge slong ngag dbang bkra shis (2) dpal grub kyis gus pa rtse gcig pas gsol ba btab pa'o; далее и до конца листа — еще один текст: @#|_|na mo gu ru wel| rnam par mkhyen pa'i rgya khyon rab yangs shing ... tshe 'di blo yis thengs par byin gyis rlobs| |byang chub sem-s.

Таким образом, во втором случае мы имеем дело со сборником коротких текстов гимнового и молитвенного содержания, в колофонах упоминаются шакьяские монахи Нгаванг Намгьел и Нгаванг Траши Пэлдруп. По всей вероятности, оба принадлежали к таклунг-кагью (stag lung bka' rgyud), одному из направлений тибетской буддийской школы кагью. Нгаванг Намгьел (1571—1626), или Таклунг Шапдрунг Нгаванг Намгьел, был настоятелем монастыря Таклунг (осн. в конце XII в.) с 1585 по 1615 г. Нгаванг Траши Пэлдруп более известен как Таклунгпа Нгаванг Траши Чойкьи-гьелпо (1660—1689). Если эта идентификация верна, то Нгаги-вангчук Дордже Ньима, которому посвящена молитва в данном ксилографе, может быть не кто иной, как Мипам Нгаги-вангчук, шестое перерождение линии Гьелва Друкпа (1641—1717), с которой связано другое направление школы кагью — друкпа-кагью ('brug pa bka' rgyud)¹.

С точки зрения тибетско-монгольской книжной культуры данные два листа интересны прежде всего тем, что служат зримым примером использования ставших ненужными текстов для создания сакральных вложений в культовые объекты. Ранее предметом моего анализа становилась большая связка разрозненных листов, в основном из Калмыкии (Tib. 970).

¹ Сведения об этих ламах см. на сайте BDRС (<https://www.tbrc.org>), идентификаторы для поиска: P940 (Мипам Нгаги-вангчук), P947 (Нгаванг Траши Чойкьи-гьелпо), P4902 (Нгаванг Намгьел).

Я полагаю, калмыцкие листы из этой связки могли быть извлечены из какого-нибудь культового объекта, оставленного калмыками после их откочевки в

Джунгарию [Зорин, 2017. С. 69]. Наряду с ними, однако, в связку попали некоторые материалы иного рода.

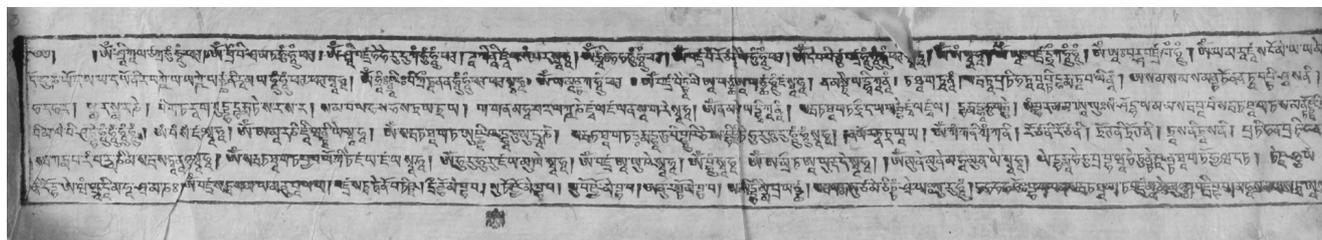

Рис. 2. Один из листов Tib. 970, no. 16, черная печать с двуглавым орлом Библиотеки АН поставлена под текстом, вниз головой (фотография выполнена С. С. Сабруковой до реставрации листа, видны его складки)

Речь идет о листах, отмеченных маленькой черной печатью с двуглавым орлом, которая использовалась в Библиотеке АН до середины XVIII в. По крайней мере часть этих листов была привезена Д. Г. Мессершмидтом из Сибири в 1727 г. Однако нельзя быть уверенными в том, что все такие листы принадлежали его коллекции, поскольку такая же печать имеется на монгольских листах из Аблай-хита. Кроме того, нельзя исключить, что какие-то тексты мог привезти Г. Ф. Миллер. Последнее, правда, является в данный момент чистой спекуляцией, поскольку никаких данных о передаче им тибетских текстов в АН у нас нет, исключая отправки аблай-хитских материалов в Санкт-Петербург в 1734 г.

К теме данной статьи этот вопрос имеет прямое отношение. Дело в том, что среди листов с библиотечной печатью в упомянутой связке имеются два листа, идентичные листам типа В из нашего свитка (рис. 2), а также примыкающие к ним, но не имеющие библиотечной печати два листа, идентичные листам типа С¹. Полагаю в высшей степени сомнительным, чтобы эти четыре листа и разбираемый свиток имели разное происхождение. До реставрации все четыре листа были довольно сильно смяты (особенно по краям). Скорее всего, эти листы были отсоединены от свитка кем-то из европейских ученых в Санкт-Петербурге, а библиотечная печать изначально относилась ко всему свитку.

В данный момент у нас нет данных, которые позволили бы установить доподлинно источник поступления свитка. Хотя гипотеза о том, что свиток поступил в составе коллекции Мессершмидта, на первый взгляд кажется более правдоподобной, нельзя исключать и аблай-хитской версии его происхождения, тем более что Миллер и Гмелин, приславшие в 1734 г. тексты из Аблай-хита в Санкт-Петербург, упоминают среди них печатные листы, а описание Миллера даже как будто подразумевает именно свиток рассматриваемого типа: «Есть еще тангутские листы из более тонкой бумаги, которые с лицевой

стороны покрыты четырехугольными письменами, а с оборотной стороны приклеены к другим листам» [Радлов, 1894. С. 64]. В описи Шмидта после пункта 20: «21 Rollen Fragmente tibetischer Werke, wahrscheinlich aus dem Kloster Ablain Kîd (blaues Papier)» («21 свиток из фрагментов тибетских трудов, по-видимому, из монастыря Аблай-хит (голубая бумага)» — следует пункт 21, который гласит: «1 [Roll] auf weissem Papier» («1 свиток из белой бумаги»). Сложно сказать, какой именно свиток Шмидт предпочел отделить от всех прочих свитков, которые собраны им в пункте 22 (см. выше). Если он выделил именно *наш* свиток, то он мог руководствоваться наличием в нем различных ксилографических листов и даже двух листов из тибетских книг. Из списка Шмидта не вполне ясно также, связывал ли он данный свиток с аблай-хитскими материалами. Как бы то ни было, у аблай-хитской версии есть следующее слабое место: лист X^b упоминает Нгаванг Траши Пэлдрупа, зрелые годы недолгой жизни которого пришлось на 1680-е гг., когда Аблай-хит лишился своего хозяина Аблая. Впрочем, мы не знаем доподлинно, когда именно основанная им крепость оказалась совсем оставлена джунгарами. В. Б. Бородаев и А. В. Контев считают, что она могла быть населена даже еще в начале XVIII в. [Бородаев, Контев, 1999. С. 19 и 22, сн. 36].

Итак, вновь выявленный в ходе инвентаризации Тибетского фонда ИВР РАН свиток Tib. 1026-3, имеющий обертку с № 20, позволяет закрыть еще одну лауну в идентификации поступлений тибетских текстов в собрание АН в течение XVIII в. Содержащиеся в нем, помимо однотипных оттисков листов с сакральными формулами, два листа из тибетских книг подтверждают, что к свиткам, которые вкладывались в молитвенные барабаны и т. п., могли добавляться ставшие ненужными фрагменты буддийских текстов. К обнаруженному свитку, очевидно, относятся четыре листа с сакральными формулами, ранее выявленные в составе связки листов Tib. 970, поступление которой также датируется XVIII в. Эти листы, скорее всего, были отслоены от свитка. Имеющаяся на них характерная черная пе-

¹ Внутри связки Tib. 970 два листа с печатью (тип В) инвентаризированы под внутренним номером 16, два листа без печати (тип С) — под номером 15.

чать с двуглавым орлом указывает на то, что свиток поступил в Санкт-Петербург до середины XVIII в. В данный момент трудно сказать наверняка, привез ли его Д. Г. Мессершмидт в 1727 г., или же он происходит из Аблай-хита и был прислан академиками Миллером и Гмелиным в 1734 г., или же он поступил ка-

ким-то иным, пока неизвестным путем. Если верно первое или второе предположение, значит, по крайней мере в одной из точек Южной Сибири в конце XVII—начале XVIII в. имели хождение тексты буддийской школы кагью.

Использованная литература

- Бородаев, Контев, 1999: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Монастырь Аблай-хит как памятник социально-политической истории ойратов XVII в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Материалы II региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 12—22 (*Borodayev V. B., Kontev A. V.* Monastyr' Ablay-khit kak pamyatnik sotsial'no-politicheskoy istorii oyratov XVII v. // Rossiya, Sibir' i Tsentral'naya Aziya (vzaimodeystviye narodov i kul'tur). Materialy II regional'noy konferentsii 26 oktyabrya 1999 g. Barnaul: Izd-vo BGPU, 1999. S. 12—22).
- Гнучева, 1940: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева; под общ. ред. В. Л. Комарова; под ред. Л. С. Берга, Б. Д. Грекова, Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. (Труды Архива. Вып. 4) (*Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh. Khronologicheskiye obzory i opisaniye arkhivnykh materialov / sost. V. F. Gnucheva; pod obshchey red. V. L. Komarova; pod red. L. S. Berga, B. D. Grekova, G. A. Knyazeva i L. B. Mod-*
- zalevskogo. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. (Trudy Arkhiva. Vypusk 4)).
- Зорин, 2017: *Зорин А. В.* Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН // *Mongolica-XVIII*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 67—74 (*Zorin A. V.* Svyazka tibetskikh rukopisey na russkoy bumage XVIII v. iz Kalmykii v sobranii IVR RAN // *Mongolica-XVIII*. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2017. S. 67—74).
- Радлов, 1894: *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. 1, вып. 3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. (Материалы по археологии России, № 15) (*Radlov V. V.* Sibirskiye drevnosti. T. 1, vyp. 3. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1894. (Materialy po arkhologii Rossii, № 15)).
- BDRC (Buddhist Digital Research Center): <https://www.tbrc.org>, идентификаторы для поиска: P940, P947, P4902 (дата обращения: 21.10.2018).
- Walravens, Zorin, 2016: *Walravens H., Zorin A.* Two Archival Documents on the Tibetan and Mongolian Texts Preserved at the St. Petersburg Academy of Sciences by the End of the 18th Century and Not Included in J. Jählig's Catalogue // *Zentralasiatische Studien*. 2016. Vol. 45. P. 659—676.

Alexander V. Zorin

A Tibetan Scroll from a Prayer Wheel Brought to St. Petersburg in the First Half of the 18th Century

This paper deals with a newly re-found scroll in Tibetan that belonged to the 18th century acquisitions. The scroll was supposed to be inserted into a prayer wheel or another cult object. It consists of 27 separate leaves that contain Buddhist sacral formulae, the four variants of block prints being represented, and two randomly taken folios of some Tibetan books, at least one of them relating to the Kagyu Order of Tibetan Buddhism. Four analogous leaves with sacral formulae are found in another item — a bundle of separate leaves that was also acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences no later than 1798. These leaves were most probably taken out of the scroll considered. Since two of them are marked with a special black stamp that was used at the Library of the Academy of Sciences until the middle of the 18th century, we can be quite sure that this scroll was one of the very earliest acquisitions of the Tibetan texts in St. Petersburg.

Key words: Tibetan scrolls, dhāraṇī, the IOM RAS collection, earliest acquisitions, J. Busse, I. J. Schmidt.

Б. В. Меняев

Ойратский письменный источник, посвященный культу огня (на материале рукописи из частной коллекции калмыцкого священнослужителя Осронга Батаева) *

DOI 10.25882/b1zb-v356

Письменных источников на ойратском «ясном письме», посвященных культу огня, в рукописных фондах и библиотеках в России, Монголии и Китае насчитывается около сотни списков. В Калмыкии же сочинение, посвященное культу огня, зафиксировано впервые.

Ключевые слова: культ огня, Отхон-Галхан, ойратская рукопись, частная коллекция, транслитерация.

С глубокой древности у монголов, а также у ойратов был развит культ огня. Огонь считали живым, его «кормили», приносили ему жертву, всячески оберегали от попадания в него мусора и воды. В огонь можно было лить молочную водку, масло, молоко и сыпать благовония, а также мясо жертвенного животного. Все это, согласно поверьям кочевников, должно было принести счастье и изобилие человеку, приносящему жертву огню. У огня просили милости, обильного кочевья, тепла, семейного благополучия, к нему обращались с мольбой об исцелении, даровании детей, о хорошем перерождении души покойного.

В традиционной календарной системе калмыков установлены определенные дни почитания огня. Согласно полевым материалам автора, 11 числа по калмыцкому лунному календарю месяца Мыши в огонь лили сливочное и топленое масло (калм. *Хулһн сарин 11-д һалд тос хайдг өдр*), а 23 числа того же месяца совершали жертвоприношение огню (калм. *Хулһн сарин 23-д һал тээдг өдр*). Часто месяц Мыши по лунному календарю совпадал с октябрём и считался священным. В этот месяц призывали благополучие, что опять же связано с почитанием огня, у которого выпрашивали счастье (калм. *кишиг дайлах*) [ПМА] ¹. Огонь у ойратов (калмыков) связан со свадебной обрядностью: невеста должна была поклониться огню в доме родителей жениха и налить в очаг сливочное масло и бараний жир.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ «№ 16-04-00281-ОГН18 «Частные коллекции калмыцких (ойратских) рукописей в России и Китае (по материалам археографических экспедиций 2012—2014 гг.)».

¹ Полевые материалы автора. Информант Сарангова Бося Гаряевна (1926—2004). Пос. Сарпа, Кетченеровский район, Республика Калмыкия.

Монголоязычные народы покровительницей огня считали богиню Отхон-Галхан-эк (мать Отхон-Галхан), которую именуют также Окон-тенгри (Небесная Дева). Первая часть имени Отхон-Галхан происходит от тюркского *ot* ('огонь'), вторая часть собственно монгольское *yal* ('огонь') с добавлением аффикса *xan*, что означает 'Хан Огонь'.

С появлением у ойратов письменности сочинения, посвященные культу огня, были зафиксированы на ней, а также переключивались со старомонгольской графики. В Институте восточных рукописей РАН имеется тридцать восемь текстов, посвященных культу огня. Автором каталога монголоведом А. Г. Сазыкиным тексты «поклонения огню» выделены в отдельный параграф, которому дано название «Культ огня» [Сазыкин, 1988. С. 221]. В Институте языка и литературы АН Монголии хранятся десятки «сутр» жертвоприношений огню, написанных на ойратском языке [Лувсанбалдан, 1975. С. 96]. В архиве комитета рукописей малочисленных народов Синьцзяна также имеются ойратские рукописи, относящиеся к культу огня [Galdan, 2013]. Во время работы научной экспедиции в Синьцзянь-Уйгурский автономный район в 2012 г. автором этих строк в частной коллекции были зафиксированы три рукописи, посвященные огню, а именно «*yaliyin sang orošiboi*» («Воскурение огню»); «*yaliyin iğöliyin sudur orošiboi*» («Сутра о благопожелании огню»); «*yal takixu kišiq dallaxu sudur orošiboi*» («Сутра о жертвоприношении огню и призывании счастья») [Меняев, 2012. С. 176].

Как видно из вышесказанного, тексты, посвященные культу огня, носят название «сутры», хотя в буддизме «сутрами» именуются сочинения, авторство которых приписывается Будде Шакьямуни или его ученикам. Итак, сутры — это канонические произведения буддизма, и сочинения другого жанра не могут именоваться таковыми. Мы предполагаем, что

тексты, где главный объект огонь, названы «сутрами» для того, чтобы возвысить их значение в буддийской среде. «Сутру Белого Старца» и «Сутру отрезания черного языка», которые были очень популярны среди ойратов, можно отнести к литературе «народного буддизма».

В августе 2018 г. нами была предпринята научная командировка в село Улан-Хол Лаганского района Калмыкии. Целью нашей поездки являлось ознакомление с ойратскими рукописями, хранящимися в частных коллекциях, а также фиксация их на электронных носителях. Нужно отметить, что ранее (2013—2014) мы уже выезжали в научную экспедицию в этом селе. Тогда нами было зафиксированы ойратские письменные источники из собрания Цагана Атахаева [Меняев, 2016. С. 39—42].

В третью свою командировку нам посчастливилось ознакомиться с рукописями и ксилографами из собрания Осронга Батаева (1899—1991).

Здесь будет уместным дать краткую биографию владельца коллекции. Батаев Осронг Зунгруевич (монашеское имя *Гаванг Шераб*) родился в 1899 г. в урочище Бора Эркетеневского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии. Принадлежал к роду шарас багуд. В детстве был отдан в местный хурул (монастырь) для учебы. Далее продолжил учебу в Петроградском буддийском храме в 1920-е гг. К сожалению, никаких документов, подтверждающих его обучение в Санкт-Петербурге, не сохранилось. Информация о годах учебы записана нами со слов дочери, Ольги Осронговны (1948 г. р.). По ее же словам, в Петрограде преподавателем у Осронга Зунгруевича был человек по фамилии Бадмаев (его национальная принадлежность неизвестна — либо бурят, либо калмык). Далее, после возвращения в Калмыкию, Осронг Зунгруевич был репрессирован как служитель культа. К концу 1930-х гг. он был освобожден из заключения. Во время Великой Отечественной войны он ушел добровольцем на фронт. После войны был демобилизован и отправился в Сибирь в места ссылки калмыков. В годы депортации калмыцкого народа проживал в Алтайском крае, работал на маслозаводе. По словам дочери, Осронг Зунгруевич в годы ссылки тайно практиковал буддизм, молился, читал религиозные книги. По возвращении из ссылки в родные места он стал активно молиться, переписывать священные тексты, общаться с бывшими священнослужителями, верующими. В частности, он поддерживал дружеские отношения с известной Дари-ээджи, которая в 1920-е гг. совершила паломничество в Тибет. Осронг Зунгруевич общался с известным буддийским священнослужителем, имевшим ученую степень гавджи — Дорджиевым Очир Манджиевичем, известным в народе как «дедушка из Цаган-Амана» (калм. *Цаган Амна аав*). Свидетельством их дружбы являются рукописи, лунные календари, которыми обменивались эти два священнослужителя. Кстати, нужно отметить, что в народе Осронга Батаева называли «гавджи Осронг»

(калм. *навж Осрң*), это говорит о том, что он имел эту высокую ученую степень в буддизме.

Рукописная коллекция Осронга Батаева состоит из различных буддийских сочинений (сутры, литература из класса лам-рим, пророчества-послания, молитвы, астрологические сочинения, поучения, произведения, относящиеся к культам огня, земли и воды). Среди рукописных книг О. Батаева мало автографов, большинство текстов переписаны другими лицами. Среди рукописей можно встретить автографы уже известных нам Цагана Атахаева, Очира Дорджиева и Джимби Манджиева. Некоторые источники не имеют колофонов, что затрудняет идентификацию их переписчиков.

Наше внимание привлекла небольшая по объему рукопись под названием «Сутра о жертвоприношении огню» (ойр. *«yal takixuyin sudur orošiboï»*). Рукопись вызвала интерес тем, что ранее в Калмыкии не было зафиксировано сочинений подобного жанра. Текст был посвящен культу огня и читался во время проведения ритуала жертвоприношения (калм. *hal тахх*).

В тексте сочинения говорится о том, что огонь возник в древности и был сотворен Хурду Орчулагчи-ханом (Чакравартином) и Окон-тенгри. О том, что огонь возник во времена мироздания, говорится так: *«Xangyai xāni dobun bayixudu / xaliqsan moduyigi nayitaq bayixudu üüdüqsen Odxon yalaxan eke mini»* («Мать моя, Отхон Галахан, сотворенная во времена, когда хан Хангай был бугорком, а вяз был побегом»). Далее говорится, что огонь был предопределен девяноста девятью вечными синими небесами. Огонь сравнивается также с центром Вселенной — горой Сумеру. Например, говорится, что он возник при помощи горы Сумеру и Молочного океана (ойр. *sümür uula kigēd sün dalai-ēce üüdüqsün*). Текст жертвоприношения можно разделить на две части. Первая часть, где восхваляется объект поклонения (огонь), вторая часть состоит из мольбы или просьбы даровать непоколебимую добродетель, счастье детей, скот, долгую жизнь, благоденствие и т. д. В рукописи преобладают географические реалии Западной Монголии (Алтай-Хангай, гора Хан Хухей, гора Харгана и т. д.), где, собственно, и зарождался ойратский этнос. Перекочевав в пределы России, в низовья Волги, калмыки не утрачивали духовной связи с далекой прародиной, что и свидетельствуют такие сочинения, как «Сутра жертвоприношения огню».

Таким образом, можно сказать, что ойратские рукописи, хранящиеся в частных собраниях потомков бывших священнослужителей, проливают свет на традиционную культуру калмыков, ее обрядовую составляющую и круг литературы, которой пользовались буддийские ламы в XX в. во времена атеизма.

В данной статье мы приводим транслитерацию ойратского текста рукописи. В рукописи, начиная со второй строфы, опущены повторы мольбы: *kelberši/ügei kešiḡgen bulturši ügei/buyan-yen ögün soyirxu* («Ниспошли непоколебимое счастье и неуклонную добродетель»). Они заменены крестиками, что ха-

рактенно для многих ойратских рукописей. Также в тексте рукописи много поздних написаний слов, таких как *soyirxu* ('соизволь') вместо классического ойратского *soyirxo*, вместо *xulsun* ('камьш') в руко-

писи *xolosun*, *kusuli* вместо *küseli* ('желания'). Рукопись написана на ойратском языке, состоит из 5 л. Чернила черные, пагинация полистная. Колофон переписчика отсутствует. Размеры 20,5×7,5 см.

Gal takixuyin sudur orošobai

- (1b) *dēdu yazariyin ezen kurdü or=//
cuuluqçı xān kiged: yazariyin šütēn//
Okin tenggeri xoyor-ēce üüdge=//
gelen: dēre yesün kökü möngkü//
tenggeri-ēce zayatai üüdüqsün//
odxon ɣalaxan ekü mini kelberši//
ügei kešiqgen bulturši ügei//
buyan-yen ögün soyirxu.: doro//
dalan altan delekē-ēce üü=//
qsün odxon ɣalaxan eke mini ...x//
tüüni dundu sra sra xoyor-ēce//
üüdüqsün odxon ɣalaxan eke//
mini: ...x bskü tuber coqtu sümür//
uula kigēd sün dalai-ēce üüdüqsün//
odxon ɣalaxan eke mini...x bskü//
tuber yučin tümen odod-ēce//
zayatai üüdüqsün odxon ɣalaxan//
eke mini...x tede bügüder ibel//
ölzö xutuq-yen ögün soraxu.://
altai xani dobun bayixuudu altan//
xāni küüken bayixuudu üüdüqsün//*
- (2a) *odxon ɣalaxan eke mini...x
Xangyai//
xāni dobun bayixuudu xaliqsan//
Modougi nayitaq bayixuudu üü=//
düqsün odxon ɣalaxan eke//
mini...x kökō xani dobun bayixudu//
kölkü modogi nayitaq bayixudu//
üüdüqsün odxon ɣalaxan ekē//
mini...x burɣudu xāni dobun bayixudu//
burɣusun modoyigi nayitaq bayixudu//
üüdüqsün odxon ɣalaxan//
eke mini...x boqdo Čingges xāni//
kuuken bayixodu üüdüqsen odxon//
ɣalaxan eke mini...x Xarɣana xāni//
dobun bayixodu xarɣai modoyigi//
nayitaq bayixodu üüdüqsün odxon//
ɣalaxan eke mini...x xarcaɣai šobuu=//
gi öndügün bayixodu xan ezeni//
nilxa bayixodu üüdüqsün odxon//
ɣalaxan bayixodu üüdüqsün odxon//
ɣalaxan eke mini...x tobxon xāni//
dobun baxo[yixo]du töröi moduyigi//*
- (2b) *nayitaq baxo[yixo]du üüdüqsün odxon//
Galxan eke mani...x toyoroun//
Šobuugi öndügün baxo[yixo]du://
Tötu boqdoysi köbüün baxo[yixo]du://
Üüdüqsün odxon ɣalaxan eke//
mini...x xan ezegeyin zakiqsan//
xatun oloqsen: ezen boqdoyin//
zakiqsan eke xatuni üleqsen//
xan tömür ezegetu xayir//*

- čiloun eketü xayilasun modon//
amitu öbüsün olon köbüütü://
üüdüqsün odxon ɣalaxan//
eke mini...x kökō utan čini//
dēre kökō oqtorɣuudu://
tulun bölge ödkün yeke coq//
čini dorono delkeyigi//
geskeyin bölügē: ulan yeke gerel//
čini xab xamɣān-ēce üzeq=//*
- (3a) *erküi yesün kustüli xangyan//
Soyiraxu.: kemēn zalbarin mörgümüi://
Sarayin čini sayidu sakiji bayiji//
Ödöriyin čini sayidu öröšöji//
Bayiji örgün yeke caculuučini//
Cacuji bayinam: ösör yeke//
Darsuučini bariji bayinam xa=//
lim yeke öküyičini aliya-bēr//
tosuluji suunam bi: xamuq//
xamoq bügüdeyin eriküi kusüni ögön//
soyiraxo.: kemen zalbarin mörgümüi://
xarā yeketü tukeyin kišiq urā//
yeketü bürēyigün kešiq könjilö//
düüreng küükedeyin kešiq: ködō//
düüreng maliyin kešiq nada ögün//
soyirixo.: zalbaran mörgümüi://
šil sayitu köbüüni kešiq šiselge//
sayitu okini kešiq šibergeq [šiberleq] sayitu//
berēdiyın kešiq šuluun sayixan ta=//
bunaq kürged tede bögedeyin ölzö//
xutuqi nada ögün soyirixo.://*
- (3b) *bayidan ügei yabudaltu arbin ɣartu//
aren büleyin kešiq barim kükütü//
guün baqtor sarıtu aqtan: xur=//
dun xolo guyidultu morin xo=//
toči sayın noxoi tede bügüdeyin//
ölzöi xutuq nada toqto=//
tuɣai: xurui xurui: oi//
düüreng maliyin kešiq oro//
düüreng küükediin kešiq nada//
toqtotuɣai xurui: ...x xar=//
ɣunan metü maliyin kešiq xab=//
caɣai düüreng küükediin kešiq//
xada metü gereyin kešiq nada//
toqtotuɣai xurui...x buluni//
düüreng maliyin kešiq barān//
düüreng küükediin kešiq nada//
toqtotuɣai xurui + ači//
tustu ecege ekeyin kešiq//
abuqsan tasun emeyin kešiq//
arbin ɣartu aru büleyin kešiq//*
- (4a) *nada toqtotuɣai xurui + //
xun ɣaluun buluqsan köbüün küüküni//*

kešiq xulan taki boluqsan aqta //
 aǰirɣayin kešiq xulusun dersen//
 boluqsan dörbön züsün maliyin//
 kešiq nada toqtotoyay ++ :://
 noxoi-yer nayidoxu aqtan//
 noyon-yer nayidoxu köböüni//
 kešiq nada toqtotoyay ++ :://
 ereqsen kusuli mini ali//
 zokis-yer xangǰaǰi ebečin//
 taxāli mini üün-ēce xoγuu=//
 loqçi: eldeb ǰirɣali üün-//
 ēce xōru ögüqçi: erketü://
 ɣal ɣolom tayin [ɣolomtayin] ölzö xutuq//
 ene ödör nada toqtotoyay:: //
 nomiyn xān Šaǰ Mōni burxani//
 buyan kešiq nada toqtotoyay +:: //
 Cakir Bdun xāni buyan kešiq//
 činu xoroï ++ erdeniyin xān//
 Bisman tenggeriyin buyan kešiq činu +++//
 (4b) eke altan delkeyin buyan činu ++//
 naran sara metü gereltü köböün//
 küüküni buyan kešiq činu Ǧangɣa //
 mörin dala metü ebderši//
 ügei buyan kešiq činu + Sömer//
 uula metü ködölši ügei//
 buyan kešiq činu + :: Sün dalān//
 metü baraquduši ügei buyan//
 kešiq činu + :: aya dēdū ündü=//
 sün balabanaroyin ölzöi xutuq//

orišixu boltoyay xoroï + :://
 adi [s] tid šidisiin ölzöi//
 xutuq orašixu boltuyay +++//
 amuyuuLang idam burxani//
 ölzüi xutuq oršxu bol=//
 tuyay + :: ayui yeke dēdū//
 šdi soyirixoxoyin ölzöi//
 xutuq orašxu boltuyay + :://
 ürgülǰide nomiyn sakuusuni //
 ölzöi xutuq orišxu bol=//
 tuyay + :: onco sād zedker-//
 (5a) ēce arilaxu boltuyay + xamuq//
 tenggeri s[a]kuusan sakixu-yin öl=//
 zöi xutuq orištuyay + ölzöi š[i]ltān
 zokilduxuyin//
 ölzöi orištuyay + sangsar//
 nirvani coq tögülder ɣar=//
 xoyin ölzöi oroštuyay + //
 Šaǰ Müni burxani šaǰin öü=//
 ride orošod šaǰini bariqçi//
 dēdū boqdo töröl-kitōni//
 coq zali delgered: öüride://
 köl tübšin axu ǰirɣali//
 olod: ötölǰi munutala//
 nasu turxu [turši] ǰirɣaxu//
 boltoyay:: ::
 sarva mam ga lam
 ölzöyün coq badorǰi//
 zambutibiyin čimeq// boltuyay::

Использованная литература

- Меняев, 2012: *Меняев Б. В.* К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2012. No 4. С. 175—179 (*Menyaev B. V.* K harakteristike oiratskih rukopisei i ksilografov, hranyashihsya v chastnyh kollektciyah Sin'-tzyana // *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnyh issledovaniy RAN.* 2012. No 4. S. 175—179).
- Меняев, 2016: *Меняев Б. В.* Рукописное наследие калмыцкого священнослужителя Цагана Атхаева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. Ч. 4.* Тамбов: Изд-во «Грамота», 2016. № 12 (66) С. 39—42 (*Menyaev B. V.* Rukopisnoye naslediyе kalmytskogo sv'a-shennosluzhitel'a Tsagana Athayeva // *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 4 ch. Ch. 4.* Tambov: Izd-vo «Gramota», 2016. № 12 (66) S. 39—42).
- Сазыкин, 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Том I. М.: Наука. ГРБЛ, 1988. 506 с. (*Sazykin A. G.* Katalog mongol'skih rukopisey i xilografov Instituta vostokovedeniya Akademiyi nauk SSSR. T. I. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1988. 506 s.).
- Galdan, 2013: *Galdan.* Suryal silüg kiged sang takil. Todu üseg-ün erten-ü durasyal bičig-ün songyuburi/Singjijyang-un arad-un keblel-ün yerüngkei qoriy-a. 262 h.
- Лувсанбалдан, 1975: *Лувсанбалдан Х.* Тод усэг, тууний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975. 344 х. (*Luvsanbaldan H.* Tod useg, tuuniy dursgaluud. Ulaanbaatar, 1975. 344 h).

B. V. Menyaev Oirat written source dedicated to the cult of fire (on the material of the manuscript from a private collection the Kalmyk priest of Osrang Bataev)

There are about hundreds of written sources on the Oirat «clear letter» devoted to the cult of fire in the manuscript collections and libraries in Russia, Mongolia and China. In Kalmykia, the work dedicated to the cult of fire is found for the first time.

Key words: the cult of fire, Othon-Galhan, Oirat manuscript, private collection, transliteration.

В. 3. Церенов

Хуннские сюжеты в эпосе «Джангар»

DOI 10.25882/fzkd-nt45

Дунху, узнав, что Маодунь возглавил хунну, как известно, предъявили ему ряд требований. Эти сведения, оформившиеся в устное предание, как полагает автор статьи, нашли отражение в эпосе «Джангар», что подтверждает историческую ценность фольклора.

Ключевые слова: хунну, дунху, Маодунь, тоба, керейты, Джангар.

Правитель дунху, восточных соседей хунну, узнав о захвате власти Маодунем, отправил к нему посланца с требованием отдать знаменитого скакуна Тоуманя, «который мог пробежать в день тысячу ли».

Дальнейшие события Сыма Цянь описывал следующим образом:

Маодунь стал советоваться со своими подданными. Все они сказали: «Конь, пробегающий тысячу ли в день, является сокровищем сюнну, не отдавайте его!» Маодунь [на это] сказал: «Разве можно, живя по соседству с другим государством, пожалеть для него одного коня?» И отдал дунху коня, пробежавшего в день тысячу ли. Посчитав, что Маодунь боится их, дунху через какое-то время снова послали гонца заявить Маодуню, что они хотели бы заполучить жену шаньюя. Маодунь опять спросил у приближенных, и все они с негодованием заявили: «Дунху не знают правил поведения и поэтому требуют у вас янъчи. Предлагаем напасть на них». Маодунь [на это] ответил: «Разве можно, живя по соседству с другим государством, пожалеть для него одну женщину?» И он отдал свою любимую жену дунху. Правитель дунху, еще более возгордясь, вторгся на западе [в земли сюнну]. Между сюнну и дунху лежали заброшенные земли, которые на протяжении более тысячи ли не были заселены, люди жили лишь по краям [этого района], создавая оуто¹. Дунху отправили гонца заявить Маодуню: «Заброшенные земли, лежащие за пределами оуто, служащие границей между нами, сюнну не в состоянии достичь, мы хотели бы владеть ими». Маодунь [вновь] спросил своих подданных. Некоторые из них сказали: «Эти заброшенные земли можно отдать, а можно не отдавать». Тогда Маодунь в страшном гневе сказал: «Земля — это основа государства, разве можно отдавать ее!» И он отрубил головы всем, кто советовал отдать эти земли. [Потом] Маодунь сел на коня, приказав рубить головы всем, кто запоздает явиться к назначенному сроку на сбор, и затем, [двинувшись] на восток, неожиданно ударил по дунху. Дунху, до этого пренебрежительно относившиеся к Маодуню, не были готовы [к нападению].

Маодунь во главе своих отрядов атаковал дунху, разгромил их и убил их предводителя, взяв в плен множество людей, скота и имущества [Сыма Цянь, 2002. С. 328—329].

Подобные требования противник предъявляет Джангару, герою одноименного эпоса. В публикации В. Г. Бергмана, содержащей пересказ одной песни цикла, завязка сюжета начинается с того, что Бурза Беке Цаган, посланец Шара Гюргю, передает Джангару требования своего правителя:

Твое имя, властительный Джангар, известно во всех десяти странах поднебесья. Я дарую тебе твое тело и жизнь, дай же мне Аранзала, скакуна Карего, на привязи буду держать его у своего дворца. Дай мне внука Ширки, Красного Хонгора, буду гонцом посылать его на Сивом коне к чужеземным правителям. Дай мне сына Асар Зулы, князя Алтана Цеджи, на совете он будет восседать у меня. Не исполнишь всего того, что я требую, разрушу твой высокий Шара Алтай, насыплю твой широкий Шарту далай, уничтожу имя твое — богдо Джангар.

Так бесстрашно говорил чужой посланец и требовал скорого ответа [Bergmann, 1805. S. 194—195; Джангар, 2004. С. 16—17].

В песни о подвигах Савара в ставку Джангара прибывает гонец Догшон Килган-хана и от имени своего владельца требует отдать коня Аранзала, ханшу Ага Шавдал и певца Мингияна [Джангар, 1990. С. 133].

В другой песни список требований варьируется, аргументация носит оскорбительный характер: «Слышал, что ханша Ага Шавдал — ханская дочь, будет поливать воду на руки моей супруге, слышал, что у Санала проворный конь, хочу, чтобы работники на нем охраняли табун» [Джангар, 1990. С. 68].

Неожиданные требования заставляют Джангара задуматься. «Как быть?» — спрашивает он у мудрого Алтана Цеджи. «Не знаю, удастся ли справиться с

¹ О у т о — караульный пост.

врагом, — отвечает тот. — Ваш отец однажды уже сражался с этим ханом и вышел из битвы, имея триста ранений, а он вдвое лучше вас владел грозной пикой». Джангар решает уступить требованиям врага, попросив сделать исключение для Ага Шавдал [Джангар, 1990. С. 69—70].

Иначе решают богатыри. Хонгор в лицо заявляет посланцу Шара Гюргю: «Скорее кровь героев прольется в сражении, чем посланный в чужую страну Аранзал, скакун Карий, внук Ширки, князь Красный Хонгор, и Алтан Цеджи преуменьшат славу богдо Джангара. Поспешите обратно и передайте эти слова своему повелителю!» Богатыри Джангара находят силы подавить противника и отстоять благополучие родной страны.

История возвышения Маодуня, по мнению Н. Н. Крадина, напоминает сказку или эпическое произведение со счастливым концом [Крадин, 2002. С. 51]. Хотя известно, что дунху, теснимые Китаем, решили занять пограничную полосу земель [Викторова, 1980. С. 121]. В основе этого эпизода, видимо, лежат все-таки реальные исторические события, сохранившиеся в устном предании, характерном для кочевых обществ. Совокупность подобных сведений Ш. Бира назвал кочевой историографией [Бира, 1978. С. 9], нашедшей, в частности, яркое отражение в тюркских рунических памятниках и «Сокровенном сказании монголов».

Что касается фабульных сопоставлений с эпосом «Джангар», то есть основания полагать, что в данном случае мы наблюдаем прямую преемственность фольклорной традиции, а не просто сюжетные совпадения или сходство ситуаций. Нельзя не заметить, что элементы и мотивы предания, связанного с этнической общностью одной эпохи, не только в целом сохранились, но и получили поэтическое развитие в этнической среде другого времени. Налицо явная историческая преемственность определенной фольклорной традиции. Возможно, что указанное предание первоначально составляло сюжетное ядро эпоса «Джангар».

Изучение эпоса «Джангар» позволяет положительно говорить только об одной сказительской школе, имеющей давние исторические традиции — торгутской [Церенов, 1992. С. 188—193]. Этническую историю торгутов устные и письменные источники прочно связывают с кереитами. Б. Я. Владимирцов, поддерживая мнение П. Пеллио, писал, что торгуты (*torγūt / torγūd < torγāγūd < torγāγ / turγāγ + суф. -ūd*) происходят от племени кереит (*kegeyid*) и имя свое получили от названия гвардии (*torγāγ / turγāγ*) Ван-хана кереитского [Владимирцов, 2005. С. 885]. Термин *turγaq* ('охрана, стража') зафиксирован в Терхинской надписи, руническом памятнике Уйгурского каганата, датированном 50-ми гг. VIII в. [Кляшторный, 2010. С. 39].

Б. Я. Владимирцов также высказал предположение о возможной связи торгутского наречия с созданием монгольского письменного языка, что вполне вероятно, учитывая взаимоотношения кереитов в

X—XII вв. с киданями, которые могли быть причастны к составлению монгольской письменности на основе уйгурской графики [Викторова, 1961. С. 152—155].

По сообщению Л. Л. Викторовой, кереиты имели смешанный этнический состав, включавший наряду с тюрко-уйгурскими компонентами и киданьско-монгольские [Викторова, 1980. С. 168].

Известна легенда о хуннском шаньюе, который, решив двух своих прекрасных дочерей представить Небу, поселил их в высоком тереме в необитаемой местности. Меньшая дочь соединила судьбу с волком, от потомков их, согласно генеалогическому преданию, ведут свое происхождение уйгуры [Бичурин, 1950. С. 214—215].

Легенда умалчивает о судьбе другой дочери шаньюя. В эпосе «Джангар» имеется следующий эпизод. Джангар, не известив соратников о своих целях, неожиданно покидает страну. После долгих скитаний он видит в пустынном крае одинокий дворец, в окне которого замечает девушку необыкновенной красоты. Герой женится на ней, и у них рождается сын Шовшур, будущий защитник и собиратель родной страны [Козин, 1940. С. 191].

В связи с легендой данный эпизод можно рассматривать как свидетельство древних этногенетических связей кереитов с хунну и уйгурами, тем более что есть основания так полагать.

П. Б. Коновалов показал наличие двух ветвей монгольского этногенеза: дунхуской, в которой этническое развитие получили ухуани, сяньби, муюны, тоба, хи, шивеи, кидани, татары, дагуры и хуннской, связанной с гаогюй, теле, хойху, тую (ашина), аша (тогон), огузами, уйгурами (ойхор), кереитами, монголами и джунгарами [Коновалов, 2002. С. 64].

Монгольские исследователи А. Очир, Г. Мэнэс, ссылаясь на публикацию Ринчингава, полагают, что кереиты в китайских источниках впервые упоминаются как «хэлянь» [Очир, Мэнэс, 1993. С. 275]. Об этом писал и Г. Сухбаатар [Сухбаатар, 1975. С. 14]. А. Г. Малявкин, опираясь на работы китайских историков, также пришел к выводу, что «хэлянь — родоплеменное наименование сюнну» [Малявкин, 1981. С. 146].

В конце XII—начале XIII в. в Кереитский союз, кроме самих кереитов, входили следующие племена: джиркин (жирхин), конкаит (тунгкаит, дунхаит), сакаит (сахайт), тумант (тубаут), албат (алмат) и хирхун [Рашид ад-дин, 1952. С. 128—129, 132].

В 1203 г. Чингис-хан разгромил основные силы Ван-хана, а пленных распределил между своими соратниками. Но разорению подверглись не все кереитские улусы. Так, этой участи избежали турхауты (название которых вскоре приобрело этническое значение) и кочевья Джаха-хамбу, старшую дочь которого взял за себя Чингис-хан, на младшей женился его сын Толуй.

Осколки племени тумант (тубаут), обозначенного в «Сокровенном сказании монголов» как тумэн тубэ-гэн (тубэхэн), в XX в. были зафиксированы в улусах

калмыцких торгутов — тобенкин (тевюхин) и тубакин [Душан, 1973. С. 53; Эрдниев, 1974. С. 111—112]. Совершенно очевидно, что этноним состоит из основы туб / түб / тоб / төв, оформленной в одном случае суф. мн. ч. -ут, в другом — суф. собирательного значения -хн (в монг. яз. -хан), подчеркивающим родственные отношения. Фонетические и письменные модификации названия вызваны диалектными отличиями носителей. Төвэхн / түвэхн — так произносится этноним в современном калмыцком языке.

Ранняя история данного племени, вероятно, восходит к сяньбийскому племени III в. тоба, сложившемуся в результате брачных связей хунну и сяньби [Сүхбаатар, 1971. X. 55]. Л. Лигети отмечал, что тобаские правители находились в тесном контакте с хунну до того момента, как присвоили себе титул императора [Лигети, 1969. С. 108]. В конце IV в. тоба создали мощное государство с полиэтническим населением, просуществовавшим полтора столетия [Думан, 1968. С. 49; Дробышев, 2006. С. 108]. Позже были ассимилированы китайцами. Любопытно отметить, родоначальник династии, по легенде, родился от брака с небесной девой [Кычанов, 2010. С. 75]. Возможно, что с этим племенем связаны названия телеского племени дубо (туба) и современный этноним тува / тоба.

Древним тюркам тоба были известны под именем табгач, которое Г. Сухбаатар объяснял как фонетический эквивалент названия династии Да Вэй [Сүхбаатар, 1971. X. 68]. Л. Лигети считал, что архаическая китайская форма данного этнонима t'āk-b'ūat отражает местную форму таубат, которая соответствует названию табгач, сохранившемуся и после исчезновения табгачей [Лигети, 1969. С. 107].

Исследователи обнаружили в языке тоба, диалекте сяньбийского, как полагал Л. Лигети, ряд терми-

нов монгольского происхождения, сохранившихся в китайской транскрипции, в частности, келмерчи — переводчик [Лигети, 1969. С. 111]. Для нас важным является то, что в «Джангаре» одним из основных персонажей эпоса выступает Келмерчи Ке Джилган, владевший несколькими языками. Он первым встречал иноземных послов и беседовал с ними.

Л. Базен и Г. Сухбаатар выявили термин *уйзен* (служебный титул), получивший позже широкое распространение в эпоху династии Юань [Сүхбаатар, 1971. X. 88]. Возможно, что с этим титулом связано имя отца Джангара — Узюнг-хана. В монгольской версии эпоса это имя значится именно как Уйзен [Жангарын туульс, 1968. X. 29].

Наш интерес к этнониму тоба (разумеется, учитывая этническую трансформацию носителей) вызван тем, что в эпосе «Джангар» имеется указание о принадлежности предков Хонгора, ближайшего сподвижника Джангара, к племени төвэ. В монгольской версии эпоса сын Хонгора заявляет, что он потомок Ширки из этого рода: «би төв анги Ширэгийн ач» [Жангарын туульс, 1968. X. 107]. Родословные линии предков Джангара и Хонгора синьцзянские сказители возводят к единой генеалогии. В этих публикациях предыдущие поколения Джангара собирательно названы «тавкнахн», что близко к указанному этнониму [Jangyar, 2000. X. 1971—1981]. Возможно, что здесь төвэхн трансформировалось в тавкнахн под поздним тибетским влиянием — тиб. thabs mkhas 'мудрый'. Вряд ли в стабильном эпическом тексте, зафиксированном в разных странах, могут быть случайными подобные совпадения.

Таким образом, можно констатировать, что кереиты, совместившие в себе этнические истоки хунну и сяньби, имели глубокие исторические и культурные предпосылки для сохранения и развития живой фольклорной традиции своих предшественников.

Библиография

- Бира, 1978: *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII вв.). М.: Наука. ГРВЛ, 1978 (*Bira Sh. Mongol'skaya istoriografiya* (XIII—XVII vv.). М., 1978).
- Бичурин, 1950: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1 (*Bichurin N. Ya. Sobra-nie svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena*. М.; Л., 1950. Т. 1).
- Викторова, 1961: *Викторова Л. Л.* К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII—XIII вв.) // Учен. зап. ЛГУ. 1961. № 305. С. 137—155 (*Viktorova L. L. K voprosu o naimanskoj teorii proishozhdenia mongol'skogo literaturnogo yazyka i pis'mennosti* (XII—XIII vv.) // *Uchenye zapiski Leningradskogo unversiteta*. 1961. № 305. S. 137—155).
- Викторова, 1980: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука. ГРВЛ, 1980 (*Viktorova L. L. Mongoly. Proishozhdenie naroda i istoki kultury*. М., 1980).
- Владимирцов, 2005: *Владимирцов Б. Я.* Работы по монгольскому языкознанию / редкол.: В. М. Алпатов и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2005 (*Vladimirtsov B. Ya. Raboty po mongol'skomu yazykoznaniju*. М., 2005).
- Джангар, 1990: *Джангар.* Калмыцкий героический эпос: На калм. и рус. яз. М.: Наука. ГРВЛ, 1990 (*Djanganar. Kalmytskiy geroicheskiy epos*. М., 1990).
- Джангар, 2004: *Джангар.* Материалы и исследования / вступ. ст., сост. и примеч. В. З. Церенова. М.: Общество монголоведов РАН, 2004 (*Djanganar. Materialy i issledovaniya*. М., 2004).
- Дробышев, 2006: *Дробышев Ю. И.* Эволюция материальной и духовной культуры сяньбийцев // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 106—120 (*Drobyshev Yu. I. Evolutsiya materialnoy i duhovnoy kultury syan'biytsev* // *Voprosy istorii*. 2006. № 1. S. 106—120).
- Думан, 1968: *Думан Л. И.* Общественный строй сяньби и тоба в III—IV вв. н. э. // Вопросы истории и историографии Китая: сб. ст. М.: Наука. ГРВЛ, 1968. С. 45—87 (*Duman L. I. Obschestvennyi stroi syan'bi i toba v III—*

- IV vv. n. e. // *Voprosy istorii i istoriografii Kitaya*. М., 1968. С. 45—87).
- Душан, 1973: *Душан У. Д.* Историко-этнографические сведения об Эркетенеvском улусе Калмыцкой АССР // *Этнографические вестн.* Элиста, 1973. № 3. С. 31—107 (*Dushan U. D.* Istoriko-etnograficheskie svedeniya ob Erketenevskom uluse Kalmytskoi ASSR // *Etnograficheskie vesti*. Elista, 1973. No 3. S. 31—107).
- Кляшторный, 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010 (*Klyash-tornyi S. G.* Runicheskie pamyatniki Uigurskogo kaganata i istoriya evraziyskih stepey. SPb., 2010).
- Козин, 1940: *Козин С. А.* Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940 (*Kozin S. A.* Djangariada. Geroicheskaia poema kalmykov. Vvedenie v izuchenie pamyatnika i perevod torgutskoy ego versii. M.; L., 1940).
- Коновалов, 2002: *Коновалов П. Б.* Две ветви монгольского этногенеза // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5—12 августа 2002 г.). Доклады российской делегации. М.: ИВ РАН; Общество монголоведов РАН, 2002. С. 60—66 (*Konovalev P. B.* Dve vetvi mongol'skogo etnogeneza // VIII Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 5—12 avgusta 2002 g.). Doklady rossiyskoy delegatsii. M., 2002. S. 60—66).
- Крадин, 2002: *Крадин Н. Н.* Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2002 (*Kradin N. N.* Imperiya Hunnu. M., 2002).
- Кычанов, 2010: *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010 (*Ky-chanov E. I.* Istoriya prigranichnyh s Kitayem drevnih i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov). SPb., 2010).
- Лигети, 1969: *Лигети Л.* Табгачский язык — диалект сяньбийского // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 1. С. 107—117 (*Ligeti L.* Tabgachskiy yazyk — dialekt syan'biyskogo // *Narody Azii i Afriki*. 1969. No 1. S. 107—117).
- Малывкин, 1981: *Малывкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981 (*Mal'yavkin A. G.* Istoricheskaya geografiya Tsentral'noy Azii (materialy i issledovaniya). Novosibirsk, 1981).
- Очир, Мэнэс, 1993: *Очир А., Мэнэс Г.* О происхождении и родовом составе захчинов МНР // *Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. С. 269—291 (*Ochir A., Menes G.* O proishozhdenii i rodovom sostave zahchinov MNR // *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk, 1993).
- Рашид ад-дин, 1952: *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1 / пер. с перс., ред. и примеч. А. А. Семенова и А. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (*Rashid ad-din*. Sbornik letopisey. T. 1, kn. 1. M.; L. 1952).
- Сухбаатар, 1975: *Сухбаатар Г.* К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1975. С. 12—16 (*Suhbaatar G.* K voprosu ob etnicheskoy svyazi mezhdun hunnu i syan'bi // *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka*. Novosibirsk, 1975. S. 12—16).
- Сыма Цянь, 2002: *Сыма Цянь*. Исторические записки: Ши цзи [в 9 т.]. Т. 8 / пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца; коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца; вступ. ст. Р. В. Вяткина. М.: Вост. лит., 2002 (*Syuma Tsyuan'*. Istoricheskie zapiski: Shi tszi: v 9 t. T. 8. M., 2002).
- Церенов, 1992: *Церенов В. З.* Джангариада: торгутская эпическая традиция // *Олон улсын монголч эрдэмтний V их хурал. II боть / ред. Ш. Бира. Улаанбаатар, 1992. С. 188—193* (*Tserenov V. Z.* Djangariada: torgutskaya epicheskaya traditsiya // *Olon ulsyn mongolch erdemtniy V ih hural. II bot'*. Ulaanbaatar, 1992. S. 188—193).
- Эрдниев, 1974: *Эрдниев У. Э.* Материалы по калмыцкой этнонимии // *Вестник ин-та. № 10. Сер. этнографии*. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1973. С. 99—115 (*Erdniev U. E.* Materialy po kalmytskoy etnonimii // *Vestnik instituta*. No 10. Elista, 1973. S. 99—115).
- Жангарын туульс, 1968: *Жангарын туульс*. БНМАУ-аас сурвалжлан бичсэн Жангарын туульс. Удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж, хэвлэлд бэлтгэсэн У. Загдсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1968 (*Djangaryn tuul's*. BNMAU-aas survaljlan bichsen Djangaryn tuul's. Ulaanbaatar, 1968).
- Сүхбаатар, 1971: *Сүхбаатар Г.* Сяньби нарын угсаа гарал, соёл, аж ахуй, нийгмийн байгуулал (нэн эртнээс м. э. IV зун). Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1971 (*Suhbaatar G.* Syan'bi narын ugsaa garal, soyel, azh ahuy, niygmiyn bayguulal (nen ertnees m. e. IV zun). Ulaanbaatar, 1971).
- Jangyar, 2000: *Jangyar*. 3 boti. Šinjijang-in arad-in keblel, 2000.
- Bergmann, 1805: *Bergmann B. G.* Nomadische Streifereien unter den Kalmuken in den Jahren 1802 und 1803. Bd. IV. Riga, 1805.

V. Z. Tserenov Hsiung-nu fabulas in «Djanger» epic songs

When Tung-hu found out that Mao-tun had taken the rule of Hsiung-nu, they demanded several requisitions. These stories were developed into legends and later were reflected in «Djanger» epic songs. Thus, folklore has a historic value.

Key words: Hsiung-nu, Tung-hu, Mao-tun, Topa, Kereyid, Djanger.

Б. Б. Барадийн

Вопросы методологии перевода Предисловие, публикация, примечания Е. П. Островской

DOI 10.25882/qhjd-1t77

Публикуемая статья написана выдающимся бурятским ученым Бадзаром Барадиевичем Барадийном (1878—1937) в начале 1930-х гг., когда в БМА ССР планировалось издать избранные сочинения В. И. Ленина в переводе на новый бурят-монгольский литературный язык. В перспективе реализации этого проекта Б. Б. Барадийн как ведущий специалист в области национального языка и литературы подготовил тезисы о методологии перевода. Он разъяснил теорию перевода в форме практического руководства для начинающих переводчиков. Согласно Б. Б. Барадийну идеальный перевод должен производить впечатлительное оригинального текста. Статья также содержит характеристику литературного стиля В. И. Ленина. Автограф статьи хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН, в персональном фонде Б. Б. Барадийна (АВ. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 5). Статья публикуется впервые.

Ключевые слова: Бурятия, БМА ССР, Б. Б. Барадийн, Архив востоковедов ИВР РАН, автограф статьи Б. Б. Барадийна о методологии перевода.

Вниманию читателя предлагается не публиковавшаяся прежде статья выдающегося бурятского ученого Бадзара Барадиевича Барадийна (1878—1937), посвященная теории и методам перевода. Эта сравнительно небольшая по объему работа представляет несомненный интерес, так как в ней весьма сложные вопросы теории и методов перевода изложены с предельной ясностью. Написанная в форме тезисов, она предназначена для начинающих переводчиков и как методическое руководство не утратила своей ценности. Она добавляет еще один штрих к историческому портрету Б. Б. Барадийна, яркого представителя российской буддологической школы, общественного и государственного деятеля, высокоодаренного писателя и драматурга, внесшего крупный вклад в развитие национального языка и литературы Бурятии.

Цель написания тезисов становится понятной из второго раздела работы (тезисы 23—27). Она состоит в содействии правильной организации перевода сочинений В. И. Ленина на новый бурят-монгольский литературный язык. В 1932 г. в СССР вышло в свет шеститомное издание его избранных трудов, и в БМА ССР планировалось перевести этот шеститомник на национальный язык. В ту пору Б. Б. Барадийн заведовал кафедрой бурят-монгольского языка и литературы в Бурят-Монгольском педагогическом институте. Будучи ведущим специалистом в этой области знаний, ученый взял на себя труд сформулировать круг методологических проблем, непосредственно связанных с реализацией республиканского замысла. Допустимо предположить, что тезисы были написаны в декабре 1932 г.

Очень точно Б. Б. Барадийн характеризует ленинский литературный стиль, называя его «оптимистически-бодрым», «по тону полемически-задорным», «по силе своей динамически-диалектическим» <л. 34>. Ученый считал желательным наряду с переводом шеститомника на новый бурят-монгольский литературный язык издать однотомный сборник сочинений В. И. Ленина в переводе на старый литературный язык.

Знакомясь с этой работой Б. Б. Барадийна, нельзя не заметить утопического представления ученого о всемирном социалистическом будущем, когда появится единый — «социалистический (по форме и содержанию)» — язык, «непохожий ни на один из ныне существующих» <л. 2>. Эта мысль высказана человеком, глубоко верящим в грядущее братство людей, в неизбежное преодоление расистских убеждений о неравноценности культур¹, извечной отсталости одних народов и первенстве других.

Публикация:

<л. 1>. [Пометка]: 4 экзempl. к 12/1

<л. 2>. **Б. Барадийн. Вопросы методологии перевода**

Тезисы

А. Общие вопросы

1. Взаимное влияние между языками (литературными) вследствие хозяйственно-экономических и культурных факторов.

---

¹ В тексте статьи сохранены стиль, орфография и пунктуация автора.

турных взаимоотношений между народами, говорящими на том или ином языке. Эти взаимные языковые влияния народов выявляются в виде разного рода заимствований в натурализованных формах:

1) слов, терминов, понятий;
2) изложений отдельных мыслей или цельных произведений и

3) переводов произведений.

2. Эти виды заимствований с одного языка в другой являются одним из путей культурно-идеологического сближения <л. 3> трудящихся масс разных народов и одной из предпосылок того, что все существующие языки в конечном итоге победы социализма во всем мире сольются в единый социалистический (и по форме, и по содержанию) язык всего мира, который не будет похож ни на один из существующих языков.

3. Процесс заимствования одним языком с другого имеет свои положительные и отрицательные стороны, смотря тому [так в тексте], в какой стадии своего развития находится данный заимствующий язык:

а) положительная сторона заимствования заключается в том, что ни один язык не может существовать одиноко, изолированно, без заимствований с других языков, и этот закон <л. 4> является положительным в смысле обогащения и развития языковой культуры и идущим против всякой замкнутости и ограниченности.

б) Отрицательная же сторона заключается в том, что, когда культурно-отсталый язык, только что начинающий принимать литературную форму и не получивший еще в достаточной степени устойчивого литературного стиля и вообще литературной традиции путем оригинального творчества, неизбежно претерпевает, так сказать, некоторое ненормальное болезненное состояние. <л. 5> Это состояние носит временный характер и будет продолжаться до тех пор, пока данный формирующийся литературный язык не сумеет натурализовать все заимствованные элементы. Это временное ненормальное состояние языка выражается тем, что на первых порах все заимствования будут чужды и непонятны массе, и чем хуже будет поставлено дело переводов и прочих видов заимствования, тем дольше будет продолжаться это состояние.

4. Из всех видов заимствования наибольшее значение имеют <л. 6> заимствования:

а) термины в научно составленной единой системе,

б) изложения² наиболее необходимых тем из произведений научного, технического и пр. характера или известных произведений и

в) переводы.

5. До сего времени не было уделено достаточного внимания на значение [так в тексте] изложения наряду с переводами и следует усвоить то положение, что по сравнению с переводами изложение является

наиболее доступной и наиболее целесообразной <л. 7> формой заимствования, так как изложение не нарушает натуральной стилистики языка и не вызывает тех ненормальных состояний, какие могут быть от переводов. Поэтому изложение должно быть рекомендовано предпочтительнее перед переводом, особенно в начальной стадии оформления и развития заимствующего литературного языка.

6. Что касается переводов, то эта форма заимствования по-настоящему не должна бы быть рекомендована в начальной стадии оформления и развития заимствующего языка и должна <л. 8> быть заменена изложением. Но на деле этого не бывает: переводы доминируют над изложениями. Это обстоятельство отчасти объясняется тем, что в области художественной и научной литературы классического характера могут быть только переводы, и изложения оказываются почти непригодными, в особенности в области художественной литературы.

7. Как изложение, так и перевод с одного языка на другой вовсе не являются <л. 9> делом техническим, а являются особым видом высшего искусства, овладение которым не всякому доступно, так как изложение или перевод с одного языка на другой требует со стороны излагателя или переводчика не только безупречного знания обоих языков, но и особого дара передавать мысли на этих языках.

8. Следует сказать, что переводы или изложения бывают гораздо легче, когда эти языки являются продуктами родственных культур, как, например, языки европейских народов. Но трудность переводов и изложений возрастает по мере того, в какой степени <л. 10> данные языки являются продуктами неродственных культур или разных ступеней хозяйственного и культурного развития.

9. Искусство изложения заключается в умении изложить натурально стилистически, наиболее понятным и точным образом наиболее ценное и важное в произведении, а искусство же перевода заключается в умении точно передать весь смысл и стиль данного произведения на другой язык в целом.

<л. 11>

10. Переводы бывают между прочим:

а) устные и

б) письменные: технические и литературные.

11. Устные переводы практикуются главным образом на собраниях, имеют свою технику и свои правила, и правильная постановка этого дела <л. 12> имеет весьма важное значение в нашей общественно-политической жизни.

Но письменные переводы, технические и особенно литературные, имеют еще большее значение как особая отрасль литературы.

12. Технические переводы это те переводы, которые практикуются, главным образом, в области документальной, канцелярско-деловой, юридической и т. п. литературы.

13. Для технических переводов требуется особый канцелярско-деловой стиль языка, который отлича-

² Здесь и далее подчеркивания Б. Б. Барадийна.

ется от литературного стиля формальной точностью, буквальностью и трафаретной сухостью.

<л. 13>

14. Литературные переводы могут быть:

а) по количественной форме:

1) переводы по национально-языковой форме: переводы с того или иного языка на другой;

2) переводы по стилистической форме: прозаические и поэтические (стихотворные);

б) по качественной форме:

1) переводы по грамматическо-графетической, т. е. по произносительно-зрительной форме: классово чуждые для пролетарской и социалистической языковой культуры;

2) переводы по грамматическо-графетической, т. е. по произносительно-зрительной форме: классово-выдержанные, натурально доступные для языка трудящихся масс и идущие навстречу видам пролетарской и социалистической языковой культуры.

<л. 14>

в) по количественному содержанию:

1) переводы эмоционального (художественного) содержания-стиля; и

2) переводы интеллектуального (научного, технического и прочего) содержания-стиля;

г) по качественному содержанию:

1) переводы по стилистическо-речевому содержанию-стилю: смысловые, буквальные и натуральные; и

2) переводы по лексическо-идеологическому содержанию-стилю: классово-чуждые или классово-приемлемые для пролетарской или социалистической культуры.

<л. 15>

15. Виды качественного содержания переводов отличаются между собою следующими моментами:

а) смысловой перевод — буквально неточный, но по смыслу правильный;

б) буквальный перевод — текстуально точный, но в стилистическо-языковом отношении ненатуральный; и

в) натуральный перевод, в текстуально-смысловом отношении точный и в стилистическо-языковом отношении натуральный, т. е. природный стиль языка, на который <л. 16> переводится, несколько не нарушается и в то же время особенности смыслового стиля переводимого текста вполне передаются в переводе. В результате натурального перевода должно получиться то, что перевод производит впечатление оригинала, а не перевода.

16. Легче перевести с отсталого языка на язык более высокой культуры, чем наоборот: с языка более высокой культуры на язык более отсталой культуры. Но это правило может нарушаться квалификацией переводчика: <л. 16> труднее перевести на тот язык, коим владеешь хуже, но легче перевести на тот язык, коим владеешь лучше. Так что качество перевода находится прежде всего в зависимости от того, в какой степени владеешь языками перевода и с какого языка на какой переводишь: с русского на бурятский или с бурятского на русский и т. д.

17. Смысловой перевод является наиболее употребительным и доступным по технике видом перевода, и он особенно пригоден для устных переводов речей ораторов на съездах, собраниях и судебных заседаниях и т. п. Этот вид перевода <л. 18> пригоден также в области литературных переводов. Но он непригоден для переводов деловых бумаг, юридических документов, статей законов и т. п. текстов, требующих безусловной точности.

18. Буквальный перевод применяется исключительно к техническим переводам деловых бумаг, документов, уставов, положений, статей законов и т. д.

19. Натуральный перевод, почти невозможный для устных переводов, применяется во всех видах литературы, и он может быть назван еще «литературным» переводом. Натуральный <л. 19> перевод требует от переводчика солидного общего развития и большой литературно-речевой культуры в области тех языков, с коими имеет дело переводчик. Этот вид перевода имеет большое значение особенно для нас — бурят-монголов, которым придется повысить свою языковую культуру и путем литературных переводов с других языков, главным образом с русского.

<л. 20>

20. Для того чтобы овладеть техникой перевода, надо знать составные элементы этой техники, какими являются:

а) преодоление точности перевода³ стилистическо-языкового и идеологическо-языкового и идеологическо-смыслового стиля текста и

б) организация перевода.

21. Преодоление точности перевода стиля текста на стиль другого языка заключается в следующем:

1) сначала необходимо основательно изучить весь переводимый текст, чтобы уловить общий смысл и общий тон стилистической особенности текста;

2) приступая к переводу текста, надо выделять для перевода логически законченные фразы и сообщать, <л. 21> каким образом, скажем, данную русскую фразу со всеми ее стилистическо-смысловыми особенностями мог бы передать на своем языке, скажем, бурят-монгол, совершенно не владеющий русским языком, в логико-смысловом отношении вполне точно и в стилистическо-языковом отношении вполне натурально⁴. Подобный перевод, как указывалось выше (см. п. 15), должен произвести впечатление оригинала, а не перевода. <л. 22> Если это высшее искусство перевода не всем доступно, то минимальным требованием правильного перевода

³ Под «точностью перевода» Б. Б. Барадийн подразумевает дословный перевод — механическую подстановку слов данного языка как эквивалентов слов языка переводимого текста при сохранении иноязычной конструкции.

⁴ В таком подходе к пониманию задачи переводчика Б. Б. Барадийн следовал за своим учителем Ф. И. Щербатским, который полагал необходимым «проникнуть в мысль автора в полном ее объеме и передать ее на русском языке так, как передал бы ее сам автор, если предположить, что ему пришлось бы писать на этом языке» [Щербатской, 1903. С. LV].

должно стоять: переводчик в процессе перевода постоянно неотступно должен руководствоваться одной мыслью об интересе читателя, о том, каким образом наиболее проще и общепонятно передать точный смысл переводимого текста;

3) научные, технические и пр. понятия и термины делятся на две категории: непередаваемые и переводимые. К непередаваемым относятся принятые без переводов в современной интернациональной языковой культуре: географические и исторические названия и имена, философские, научные, технические и прочие термины. К переводимым понятиям и названиям относятся все понятия и наименования, которые не относятся к интернациональным беспередаваемым терминам и названиям;

4) стараться перевести по возможности чистым натуральным языком, не засоряя и не затеняя <л. 24> смысла иностранными словами, и при наличии в переводном языке соответствующего словесного эквивалента последний без особой нужды не должен быть заменен иностранным эквивалентом;

5) ответственные переводимые термины должны быть переведены строго единообразно от начала до конца данного текста одними и теми же словами-терминами, для чего необходимо вести запись этих терминов с их переводами ⁵;

6) необходимо всегда иметь в виду различие синтаксического (фразического) [так в тексте] строя данных обоих языков; главным <л. 25> образом, различие порядка расположения слов и придаточных предложений во фразах, благодаря чему при переводах порядки расположения слов и придаточных предложений в параллельных фразах, особенно в сюжетных предложениях обоих языков, бывают обратны друг к другу. Так, например, при переводе с русского на бурятский приходится начать перевод с конца русской фразы, а с бурятского на русский — начать с конца бурятской фразы;

<л. 26>

7) как временное явление в начальном периоде оформления НБМЛЯ ⁶ при переводе с русского на бурятский перевод сначала на СЛЯ ⁷, а с последнего на НБМЛЯ. Подобная двойная работа совершенно недопустима не только с точки зрения экономии времени и труда, но и с точки зрения качества перевода, так как подобный вид перевода в стилистическом отношении далеко уступает непосредственному переводу на НЛЯ ⁸. Этот двойной вид перевода объ-

⁵ В этом Б. Б. Барадийн следует методологическому принципу Ф. И. Щербатского, согласно которому чисто лингвистический анализ иноязычного специального (научного, философского) текста не способен вскрыть его действительное содержание. Чтобы достичь данной цели, необходимо эксплицировать терминологическую систему, присутствующую в оригинале, и соответствующим образом передать ее в переводе.

⁶ Н Б М Л Я — новый бурят-монгольский литературный язык.

⁷ С Л Я — старый литературный язык.

⁸ Н Л Я — новый литературный язык.

ясняется тем начальным состоянием и культуры НЛЯ, когда люди еще не успели овладеть ее техникой, необходимыми рефлекторно-языковыми, зрительно-двигательными навыками.

<л. 27>

Организация перевода решает и качество перевода. В организационном отношении переводы могут быть: индивидуальный, коллективный и индивидуально-коллективный. Наиболее организационно правильным переводом будет индивидуально-коллективный, т. е. такой, который выполняется сначала индивидуально, а потом консультируется в окончательном виде коллективно. Чисто индивидуальный перевод всегда страдает субъективизмом и ошибками. Что касается чисто коллективного перевода, то этот вид перевода на практике почти невыполним и не бывает. Организация перевода может иметь следующие отрасли:

<л. 28>

1) Перевод, который выполняется вчерне, в первоначальной редакции, индивидуально, т. е. каждая цельная вещь переводится вчерне индивидуально, но ни в коем случае по частям разными лицами. Точно так же практически невозможно, чтобы каждая цельная вещь переводилась коллективно, одновременно многими лицами. Перевод каждой темы должен быть выполнен лицом, соответствующим по своей специальности для данной темы ⁹.

2) Редактирование, которое проводится индивидуально-коллективным методом, т. е. проводится отдельными лицами, а затем проверяется, рассматривается и утверждается коллективно. <л. 29> Чисто коллективное редактирование на практике почти невозможно и не бывает. Техника редактирования имеет следующие элементы работы: редактирование стиля (слогового и идеологического) и редактирование орфографии. Техника редактирования проводится путем организации редакционной коллегии, силы которой должны быть строго распределены по двум основным разделам работы, т. е. могут быть:

<л. 30>

1) Редакторы-стилисты (политредакторы), отвечающие за точность, за правильность перевода со стороны слогового и идеологического стиля, и

2) редакторы-орфографисты (технические редакторы) ¹⁰, отвечающие на правильность перевода со стороны единообразной орфографии (с пунктуацией).

Подобное распределение работы редколлекции необходимо потому, что только таким путем возможно избежать обезличку в редакционной работе и что со-

⁹ Это требование согласуется с позицией Ф. И. Щербатского — для работы с иноязычным философским текстом переводчик-филолог должен обладать философской подготовкой, а переводчику-историку философии следует обрести адекватную лингвистическую базу. Учитель Б. Б. Барадийна еще в начале XX в. высказывал идею сотрудничества таких специалистов. См.: [Щербатской, 1909. С. II—VI].

¹⁰ Под «техническими редакторами» Б. Б. Барадийн подразумевает литературных редакторов, выполняющих функции корректоров.

вершено невозможно одновременно уделять внимание на [так в тексте] стиль и на орфографию.
<л. 31>

Б. Специальные вопросы

23. Предыдущие тезисы по общим вопросам методологии перевода написаны с целью содействовать правильной постановке дела перевода Ленина на бурят-монгольский язык. Остается сказать несколько слов о самом переводе Ленина, о значении этого дела для НБМЛЯ и о том, что надо максимально знать переводчику для перевода Ленина на бурят-монгольский язык.

24. Перевод Ленина на бурятский язык имеет прежде всего огромное политическое значение, так как этот перевод будет сделан впервые в истории <л. 32> языковой культуры не только бурят-монголов, но и вообще монгольских народностей. Точно так же перевод Ленина на бурят-монгольский язык будет иметь и огромное культурно-революционное значение в деле развития языковой культуры бурят-монголов, так как пастушеская языковая культура бурят-монголов через переводы Ленина сделает огромный культурно-революционный скачок, минуя своего рода капиталистическую эволюцию языковой культуры, до дверей здания социалистической культуры языка. Но этот скачок <л. 33> всецело зависит от качества работы переводчиков. Отсюда — огромная ответственность переводчиков за качество перевода.

25. По общему характеру содержания произведений В. И. Ленина относятся к типу произведений по

преимуществу научного содержания, относящегося к обширной области социально-экономических, политических и философских наук.

Что касается литературно-языкового стиля В. И. Ленина, то тут надо сказать, что у В. И. Ленина имеется <л. 34> определенный, свойственный ему одному стиль, который должен быть назван ленинским. Этот ленинский стиль должен быть characterized как наиболее яркий оптимистическо-бодрый стиль воинствующего материалиста, по тону своему полемическо-задорный, а по силе своей динамическо-диалектический. Везде и всюду чувствуется, что Ленин писал не ради писания, а ради дела революции, из чувства безграничной преданности делу пролетарской революции, из чувства кровной необходимости отстаивать, защищать нужное, правдивое или опровергнуть, уничтожить ненужное, ложное. Этот ленинский динамический стиль должен быть изучен и твердо усвоен каждым переводчиком, чтобы точно отразить его в переводе на тот или иной язык, в данном случае на бурятский.

<л. 35>

26. Весьма желательно, чтобы к концу каждого тома перевода Ленина был приложен указатель личных имен, географических названий и наиболее важных терминов.

27. Наряду с переводом шеститомника Ленина на НЛЯ весьма желательно, чтобы был издан перевод на СЛЯ если не весь шеститомник, то хотя бы в одном томе в виде сборника избранных произведений Ленина.

<Конец текста>

Использованная литература

Щербатской, 1903: *Щербатской Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Т. 1. СПб., 1903 (*Shcherbatskoi F. I.* Teoriia poznaniia i logika po ucheniiu pozdneishikh buddistov. T. 1. SPb., 1903).

Щербатской, 1909: *Щербатской Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Т. 2. СПб., 1909 (*Shcherbatskoi F. I.* Teoriia poznaniia i logika po ucheniiu pozdneishikh buddistov. T. 2. SPb., 1909).

В. В. Baradiyn

The problems of the methodology of translation Foreword, publication and notes by E. P. Ostrovskaja

The article is written by the eminent Buryat scholar Badzar Baradi Baradiyn (1878—1937) in the beginning of 1930-s when the translations of selected works of V. I. Lenin into modern Buryat language were planned to be published in Buryat-Mongolian Autonomous SSR. In the scope of this project Baradiyn, being the leading specialist in Buryat language and literature composed a paper on the methodology of translation. He exposed the theory of translation in the form of practical guide for translators. According to his conception ideal translation must make impression of an original text. The paper contains also the assessment of Lenin's literary style. The original text of the paper is kept in the Baradiyn's collection of the Orientalists' Archive of IOM RAS. The paper is published for the first time.

Key words: Buryatia, Buryat-Mongolian Autonomous SSR, Orientalists' Archive of IOM RAS, Baradiyn's original paper on the methodology of translation.

Т. В. Ермакова. рец. на: **Четырова Л. Б. Калмыцкий Базар — первая столица калмыков: монография. Самара: ООО «Книжное издательство», 2017. 140 с. Ил. ISBN 978-5-9909706-6-3**

DOI 10.25882/gg4v-p523

Рецензируемая монография органично вписывается в исследовательскую проблематику автора — доктора философских наук, профессора Самарского НИУ: калмыцкий этнос в составе Российской империи, показатели этнической идентичности калмыков, историческая память этноса в частном нарративе.

Сохранению «исторической памяти места» как аспекту комплексного краеведческого знания большое значение придавал еще акад. С. Ф. Ольденбург. Однако источниковая база книги Л. Б. Четыровой и авторский подход (концепция аккультурации этносов) расширяют дисциплинарные рамки работы, ставя ее в ряд современных исследований полиэтнических государственных образований.

Архитектоника монографии Л. Б. Четыровой (две главы) отражает два исторических периода в истории Калмыцкого Базара — до революции 1917 г. и советский период до вхождения в состав г. Астрахани. В первой главе автор показывает, как в дореволюционный период традиционный для калмыков номадический хозяйственный уклад, несмотря на законодательно отведенные пастбищные земли в Астраханской губернии, в Калмыцком Базаре сменяется на торговлю и отхожие промыслы — наемный труд в рыболовецких артелях и на соледобыче. Здесь поднимается важнейшая проблема принципиальной возможности сохранения традиционных форм хозяйственной жизни этноса при вхождении его в инокультурное государственное образование. Пример Калмыцкого Базара показывает, что в условиях Российской империи XIX в. кочевое скотоводство как самодостаточный хозяйственно-культурный тип не могло воспроизводиться в полном объеме социокультурных практик, как, например, в Монголии, где номадический тип культуры сохранился вплоть до наших дней.

Л. Б. Четырова главным фактором аккультурации калмыков на Калмыцком Базаре считает их участие в торговле скотом (собственно, для этого Калмыцкий Базар и основывался). Полагаем, что этот фактор был существенным, но не единственным. Участие в рыболовном промысле, также описанное в монографии, представляется важным фактором, повлиявшим

на повседневную жизнь калмыков¹. В артели нанимались обедневшие калмыки, потерявшие надежду на восстановление своего благополучия за счет личного скота. Наемный труд калмыков в рамках традиционных занятий русского населения низовий Волги был закономерным следствием размывания привычного уклада. Буддийские монастыри на территории Российской империи не были субъектами экономической деятельности, как в Монголии, и не могли оказывать помощь в кризисных ситуациях.

Это новое занятие изменяло и такой важный аспект этничности, как этнокулинария. Так, исследователь истории культуры калмыков В. В. Батыров отмечает, что Калмыцкий Базар был центром найма калмыков на рыбный промысел и они численно преобладали среди неводных рабочих. Участие в рыболовецких артелях меняло пищевой рацион калмыков. Среди повседневной провизии преобладали хлеб, мелкая рыба, пшено. Из традиционного — кирпичный чай². Таким образом, кризис кочевого скотоводства в Астраханской губернии подтолкнул калмыков к тем видам хозяйственных занятий, которые не были представлены до вхождения в Российскую империю.

Глава вторая — «Кануково — центр советского Приволжского улуса»³ посвящена истории Калмыцкого Базара с 1917 г. до начала Великой Отечественной войны. Л. Б. Четырова на документальном материале рассмотрела период Гражданской войны, становления и упрочения советской власти в регионе и выявила направления его модернизации — переход к современной экономике и оседлому образу жизни,

---

¹ Отметим, что профессия рыбака и рыболовство как занятие относятся к числу неодолимых в системе буддийского мировоззрения, поскольку связаны с отнятием жизни. Допускается только как способ пропитания в отсутствие альтернативы. Поэтому, на наш взгляд, сам факт найма калмыков в рыболовецкие артели свидетельствует об аккультурации.

² См.: Батыров В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 54—60.

³ Калмыцкий Базар в 1935 г. был переименован в Кануково (Кануковск) в честь общественного деятеля Хартии Бадиевича Канукова (1883—1933), внесшего значительный вклад в становление советской власти в Калмыкии, развитие калмыцкой культуры и литературы. Этот факт можно считать символическим показателем нового периода в истории поселения.

партийно-государственное строительство, культурная революция (с. 73).

Традиционный хозяйственный уклад уже не мог воспроизводиться ввиду практически полной утраты скота в ходе революции и гражданской войны, поэтому модернизация осуществлялась в форме интеграции в единый народно-хозяйственный комплекс и социалистическую культуру. Л. Б. Четырова подробно проанализировала конкретные действия, направленные на повышение грамотности, формы и направления работы с женщинами-калмычками (разъяснение европейской гигиены, распространение европейского костюма).

Таким образом, Л. Б. Четырова аргументировала новые факторы аккультурации калмыков — систему политического просвещения, образования, здравоохранения.

В исследовании удачно применен биографический метод, использованы рассказы информантов о событиях их жизни в связи с историей Калмыцкого Базара (разделы «Люди и судьбы» и «Память о выселении калмыков в Сибирь и возвращение» (с. 88—126). Перед читателем разворачиваются типичные семейные истории калмыков разных возрастов и поколений, позволяющие проследить существенные события жизненного пути конкретного человека (обучение, получение профессии, вступление в брак, рождение детей) как элементы этнической истории.

В записи Л. Б. Четыровой, что ценно, воспроизведены припоминания информантов о бытовом семейном укладе, о психологии взаимоотношений между родственниками, соседями. Таким образом, сохранены сведения о былой культуре повседневности калмыков, к настоящему времени уже претерпевшей существенные изменения. Читатель также получает сведения о чертах национального характера калмыков, реализуемых в повседневных практиках.

Сквозь призму частных биографий и семейных историй уроженцев Калмыцкого Базара Л. Б. Четырова также рассмотрела драматичный период истории этнической — перемещение в Сибирь в 1943 г. и возвращение в родные места в 1956 г.

Источниковая база исследования Л. Б. Четыровой включает разнообразные архивные материалы, в том числе из региональных архивов, периодику XIX в., монографии, давно ставшие библиографическими раритетами, труды современных авторов.

В книге помещены 54 фотографии, иллюстрирующие материалы о прошлом Калмыцкого Базара (из архивов и музеев) и предоставленные информантами семейные фото.

История Калмыцкого Базара, живо и познавательно рассказанная Л. Б. Четыровой, — прекрасный пример комплексного исследования, в котором краеведческий материал обрел социокультурное осмысление.

К 70-летию Бадмы Мархаджиевича Нармаева

DOI 10.25882/2pkg-vg67

1 мая 2018 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 45 лет со дня начала научно-педагогической деятельности одного из старейших преподавателей Восточного факультета Бадмы Мархаджиевича Нармаева.

Бадма Мархаджиевич Нармаев

Б. М. Нармаев родился 1 мая 1948 г. в г. Фрунзе (ныне Бишкек) Киргизской ССР. В 1966 г. он окончил среднюю школу № 1 в г. Элисте в Калмыкии. В том же году Бадма Нармаев поступает на отделение тибетской филологии кафедры китайской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета. Он прилежно изучает китайский язык, но уже со студенческой скамьи отдаёт предпочтение тибетологическим дисциплинам. Тибетский язык на Восточном факультете в те годы преподавал доцент Б. И. Кузнецов (1931—1985), и Б. М. Нармаев становится его лучшим учеником.

В 1969/1970 учебном году Б. М. Нармаев прошёл стажировку по тибетскому языку в Монгольском государственном университете в г. Улан-Баторе, МНР. По окончании Восточного факультета ЛГУ Б. М. Нармаев поступает в аспирантуру, а в 1975 г. получает должность ассистента кафедры монгольской филологии. Он ведёт занятия по тибетскому языку, грамматике средневековых текстов, переводу.

В круг научных интересов Б. М. Нармаева входит история, культура, этнография, литература Тибета и Монголии. В качестве основного направления научной и педагогической деятельности он избирает изучение центральноазиатского эпоса «Гэсэриада». В 1987 г. Бадма Мархаджиевич Нармаев защищает диссертацию «Формирование монгольских и калмыцких версий Гэсэриады», представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук.

В 1989/1990 учебном году Б. М. Нармаев отправляется на стажировку в Центральный институт национальных меньшинств в Пекине (КНР) и, одним из первых преподавателей Восточного факультета, посещает Тибет.

В 1999—2000 гг. Б. М. Нармаев исполнял обязанности заведующего кафедрой монгольской филологии. В настоящее время является доцентом кафедры монголоведения и тибетологии СПбГУ. Б. М. Нармаев ведёт занятия по классическому тибетскому языку, по переводу памятников средневековой литературы, регулярно участвует в конференциях и иных научных мероприятиях по тибетологии, монголоведению и буддологии, проводимых в Санкт-Петербурге, Москве, Калмыкии, Бурятии, готовит научные публикации. За 45 лет своей непрерывной педагогической деятельности Бадма Мархаджиевич Нармаев воспитал целую плеяду учеников, которые сегодня успешно работают во многих монголоведных и тибетологических научных и культурных учреждениях в России и за рубежом.

Среди более чем 30 научных трудов Б. М. Нармаева:

Сказание о Гэсэр-хане (одиннадцатая глава эпоса) // Исследования по монгольской филологии. М., 1978.

Сказание о Гэсэре в исполнении монгольского сказителя Паджая // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: КНИИИФЭ, 1987.

Формирование монгольских и калмыцких версий Гэсэриады // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

О тибетском фонде библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета // Межлитературные связи Востока и Запада (на материале литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в эпоху средневековья, нового и новейшего времени). СПб., 1995.

Гесар и Калачакра: к постановке проблемы // Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агван Лобсана Доржиева. Материалы конференции. 25—27 ноября 2004. СПб.: ЭГО, 2005.

Сообщество монголоведов, тибетологов, буддологов и востоковедов Санкт-Петербурга искренне поздравляет Бадму Мархаджиевича Нармаева с 70-летием со дня рождения и 45-летием со дня начала научно-педагогической деятельности и желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

М. П. Петрова

Известному монгольскому историку Норовсамбуу Хишигт — 60 лет

DOI 10.25882/0z82-4a10

Норовсамбуу Хишигт

В 2018 г. исполнилось 60 лет известному монгольскому историку Н. Хишигт — авторитетному специалисту в области современной истории, автору фундаментальных исследований по политической и военной истории Монголии первой половины XX в., истории народно-ополченческих войск, монгольской революции 1921 г., истории российско/советско-монгольских отношений.

Н. Хишигт получила прекрасное образование, была одной из тех, кто по направлению Академии наук Монголии обучался в российских вузах. Успешно окончив исторический факультет Иркутского государственного университета в 1982 г., она начала свою трудовую деятельность с должности младшего научного сотрудника отдела Новейшей истории Института истории АНМ. На протяжении 36 лет добросовестно служит на ниве исторической науки Монголии, в 1993 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию, в 2007 г. стала профессором.

Труды Н. Хишигт получили высокое научное признание: монография «Монголын хувьсгал: 1921» и 3 сборника коллективных трудов «Историко-культурный атлас Монголии» (2003), «Монгольский народ: Все для фронта, Все для победы» (2015), «Монголия в освободительной войне-1945» (2015), удостоены премии как лучшие научные труды 2011, 2005, 2015 гг., а «Очерк монгольских войск» (1996) удостоен признания как «Лучший труд» в области военной истории XX в.

В 2015 г. она получила почетное звание «Заслуженный деятель науки Монголии».

Для Н. Хишигт характерны большая работоспособность, эрудиция, энергия, что способствовало получению значительных научных результатов. Ей принадлежит более 270 научных трудов, в том числе 6 монографий. Крупные монографии: Н. Хишигт. «Монгольская революция 1921 г. и народно-ополченческие войска» (2001), Б. Пунсалдулам, Н. Хишигт. «Монгольские революции 1911 и 1921 гг. (Зарубежная историография)» (2007), Н. Хишигт. «Монгольская революция: 1921» (2011); участие в работе по изданию 14 коллективных трудов «Энциклопедия Монголии» (2000); «Россия и Монголия: Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке» (2001), «Монгольская армия в XX в.» (2001), «Историография истории Халхин гола» (2009), «Истори-

ческие исследования и историография Монголии в XX в.» (2009), «Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты» (2015); участвовала в составлении 14 сборников документов; ею издано 50 научных и 40 научно-популярных статей; выступила со 113 докладами на конференциях различного уровня; активно участвовала в 8 научных проектах и грантах: «Императивы России в развитии транспортной системы в Восточную Азию». Монголо-Российский совместный научный проект. РГНФ № 07-01-92003а/Г., МинОКН Монголии № 0717. 2008—2011 гг.; «От Халхин-Гола до линкора Миссури». Монголо-Российский совместный научный проект. № 07-01-92003а/Г. 2009—2012 гг.; «Буддийское наследие западномонгольских народов: устные и письменные традиции (сравнительный аспект)». Российско-Монгольский совместный научный грант. № 12-21-030036); составитель 10 сборников и материалов конференций; редактор 19 книг; сделала 2 перевода книг с монгольского языка на русский; приняла участие в работе над 3 документальными фильмами (в качестве редактора и советника по истории).

Многие труды опубликованы в научных изданиях России, Китая, Кореи, Польши и Турции, хорошо известны научной общественности.

В 2011 г. она опубликовала свое новое крупное исследование по революции 1921 г. (*Н. Хишигт*. «Монголын хувьсгал: 1921» (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби-Сан, 2011. 299 с.). Надо подчеркнуть, что в современной монгольской историографии наблюдается тенденция к уменьшению значимости национально-демократической революции 1921 г. В этом плане основанный на разнообразной источниковой базе, обширной историографии, охватывающей главные достижения монгольской, российской, западной и восточной литературы обстоятельный труд Н. Хишигт, где автор представила ее глубокий анализ, показав высокий уровень и основательность знаний, вызывает большой интерес. Обоснованные выводы свидетельствуют, что именно революция 1921 г., являясь приоритетным событием истории Монголии XX в., по-прежнему актуальна и привлекает значительное внимание исследователей. Автор совершил удачную попытку связать в один узел и борьбу за независимость, и революцию как результат политического и социально-экономического развития страны. Монография была удостоена второй премии за лучший научный труд страны 2011 г.; вышли рецензии, написанные российскими монголооведами и опубликованные в журналах «ВОСТОК (ORIENTS)» и «Вестник БНЦ» СО РАН.

За последние годы на основе анализа огромного пласта первоисточников, выявленных в фондах центральных и местных архивов Монголии, Н. Хишигт в более полной постановке показала развернувшееся Всенародное движение помощи монгольского народа Советскому Союзу и Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, историю Всенародного

референдума 1945 г., которая изложена в тесном контексте международных отношений, в первую очередь политики и деятельности мировых государств в регионе.

Также одним из научных направлений деятельности Н. Хишигт является изучение биографии исторических деятелей, в частности, она:

а) является автором 3-го тома из серии «Монгольская наука» и сборника воспоминаний, посвященного жизни и деятельности академика Б. Ширэндыба, ученого с мировым именем;

б) написала книгу «Тумен Засагту хан» (2002) о монгольском хане, прославившем свое правление на монгольском троне тем, что объединил разрозненные княжества;

в) была одним из авторов и ответственной по изданию коллективной монографии «Мэргэн гун» (2016), посвященной одному из пионеров современной монгольской науки ученому М. Гомбожаву, ученику всемирно известных монголоведов — П. Пеллио, Н. Н. Поппе, Ц. Ж. Жамцарано.

Н. Хишигт — автор ряда фундаментальных трудов по современной истории Монголии, принимала участие в написании соответствующих разделов V тома «Истории Монголии» (2003), II и IV томов восьмитомной «Истории Монгольской народной партии» (2011), II тома «Очерка истории Монгольских войск» (1996), «Историко-культурного атласа Монголии» (2003), а также многочисленных коллективных изданий по историографии и истории монголо-российских отношений XX в.

Исследователь, любящий свое дело и свободно владеющий русским языком, она активно сотрудничает в области архивного дела и является составителем ряда сборников по истории русско-монгольских отношений в XX в., в том числе «Монголо-советские культурные и научно-технические связи. 1921—1960 гг.» (2000), «Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911—1946)» в 2 частях на русском и монгольском языках (2008), «Монгольская железная дорога. 1937—1957 гг.» (2009), «Улан-Баторская железная дорога (начало XX в.—1957 год). Документы и материалы» (2010), документально-иллюстративные издания «Халхин гол-1939» (2009), «Монголия во второй мировой войне»; «Монгольский народ: Все для фронта, Все для победы» (2015), «Монголия в освободительной войне-1945» (2015).

Помимо административной работы на посту Ученого секретаря Института истории и археологии АНМ, на протяжении ряда лет Н. Хишигт руководила научно-исследовательскими проектами по истории Монголии XX в., осуществленными Институтом истории / Институтом истории и археологии АНМ, и участвовала в совместных монголо-российских проектах и грантах.

Сегодня Н. Хишигт является признанным ученым, одним из ведущих монгольских историков, автором добротных исследований, выполненных на высоком профессиональном уровне; известным специалистом и знатоком архивных материалов рево-

люции 1921 г., новейшей истории Монголии в целом, истории российско-советско-монгольских отношений, советской и российской историографии Монголии и занимает почетное место в монгольской исторической науке.

Н. Хишигт не только успешный профессор, но и прекрасная жена, замечательный друг и товарищ, трепетная мамочка, нежная дочь.

Хочется пожелать Н. Хишигт, талантливой и трудолюбивой представительнице монгольской интеллектуальной элиты, крепкого здоровья, жизнерадостности, новых горизонтов в творческой деятельности.

Л. Б. Жабеева

ПЕРЕВОДЫ

В. Инжинаш

Палата красных слез

DOI 10.25882/rdwb-f335

Роман

Глава девятая

*Ложные сваты чересчур обрадовались и чересчур испугались
Сестры неожиданно встретились и неожиданно растались.*

А теперь расскажем о Лумэй. Уже несколько месяцев она в деревне Аньлэ, и у нее появилось там много друзей. За это время Хуамэй окончательно выздоровела. Цайцзинь, жену Чжана, нельзя было назвать ни скромной, ни добродетельной. Красота Лумэй, переодетой юношей, возбудила в ней страсть. Цайцзинь не в силах была справиться со своими чувствами, как ни старалась она избегать прекрасного юношу.

Однажды весной Кан поехал собирать арендную плату. В доме стояла тишина. День выдался прохладный, поэтому Лумэй надела халат, подбитый овчиной и расшитый цветами дикой сливы, безрукавку из блестящего, словно жемчуг, шелка цвета заиндевевшей травы и маленькую круглую шапочку. Она собралась пойти проведать матушку Сунь, вдруг шедшая следом Хуамэй тихонько сказала: «В этом наряде вы выглядите знатным вельможей».

Главный дом Кана состоял из пяти комнат. Самая большая была перегорожена пополам. Почти все пространство в ней занимал кан.

Шел второй месяц, дни были длинные, и матушка Сунь после завтрака отдыхала на кане. Рядом с ней сидела Цайцзинь, а в креслах расположились наложницы — все четверо играли в карты. Посредине стояла жаровня с раскаленными углями. Было тепло и уютно. Лумэй, почтительно сложив ладони, приветствовала матушку Сунь глубоким поклоном. А та, сняв очки, проговорила:

— Хватит церемоний, иди-ка сюда, помоги мне играть.

Девушки быстро вскочили, приглашая Лумэй сесть.

Цайцзинь удержала ее за рукав, предлагая место рядом с собой, и кокетливо скосила глаза.

— От господина даже зимой хорошо пахнет, — сказала Цайцзинь, — замечательный аромат.

— Мех пересыпан был нафталином, вот и пахнет! — ответила Лумэй.

— Нафталин пахнет совсем по-другому, это какой-то ароматный порошок! — возразила Цайцзинь.

Наложницы с усмешкой переглянулись, нафталин по-китайски — чжан, а Чжан — фамилия мужа Цайцзинь. Цайцзинь и так и эдак заигрывала с Лумэй, положила руки ей на плечи и без конца спрашивала, с какой карты пойти. Лумэй заметила, как пылает лицо у Цайцзинь и дрожат руки от выпитого вина. Дэцзе, сидевшая рядом, опустила глаза и с трудом сдерживала улыбку — Лумэй подумала, что так сидеть неприлично, и отодвинулась от Цайцзинь. Та рассердилась, но в это время заметила появившуюся в дверях Хуамэй.

Цайцзинь оживилась и сказала Лумэй:

— Господин, я все время проигрываю, поиграй за меня, а я пойду отдохну.

Она отдала карты Лумэй и выбежала из комнаты.

Видя, что матушка Сунь сосредоточенно смотрит в карты, Дэцзе головой показала на выбежавшую Цайцзинь и, взглянув на Лумэй, прыснула со смеху, зажав рот ладонью. Лумэй, сдержав улыбку, взяла карты и тут заметила, что ей подмигивает Чжуйнян. Затем девушка тихонько толкнула Лумэй под столом своей крохотной ножкой.

Лумэй хотела уйти, как вдруг за дверями послышался шум и, откинув занавеску, шаркая, вошел Чжан. Полы его халата были распахнуты, безрукавка расстегнута, белая войлочная шапка нахлобучена на глаза, в зубах — короткая толстая трубка, изо рта текут слюни.

— Эй, вы! С самого утра расшумелись! — заорал он, садясь. Но, заметив Лумэй, вскочил и встал позади Чжуйнян.

— Это карты барышни Цай. Она пошла отдохнуть. Пусть зять вместо нее поиграет! А мне пора, — сказала Лумэй.

Чжан обрадовался, сел на край кана, поближе к играющим, обдав их винным перегаром, запахом лука и чеснока.

— Господин, скажите госпоже, пусть быстрее идет.

Лумэй кивнула головой и вышла. Вдруг она услышала, что в беседке кто-то тихо смеется. Лумэй остановилась и прислушалась: это был голос Хуамэй. «С кем это она, бессовестная, кокетничает?» — подумала Лумэй и заглянула внутрь. На коленях у Хуамэй, обнимая ее, сидела Цайцзинь, вертясь во все стороны. Хуамэй, смеясь, прижимала к себе Цайцзинь, которая томным голосом говорила:

— С виду ты парень бойкий, а недотепа!

— Почему недотепа? Просто смелости у меня не хватает, — смеясь, отвечала Хуамэй. Увидев эту картину, Лумэй принялась хохотать, но спохватилась, отошла от беседки, нарочно затопала ногами и стала громко звать Хуамэй. Цайцзинь выскочила, налетев прямо на Лумэй, лицо ее пылало, она на ходу поправляла волосы. Когда Лумэй вошла в беседку, Хуамэй корчилась от смеха. Лумэй стала ее распекать:

— Мы пошли на обман, потому что другого выхода нет. А ты сидишь здесь и развлекаешься с чужой женой. Если обман раскроется, мне не жить на свете!

— Успокойтесь, барышня! Я знаю, как их провести.

Лумэй злилась, и в то же время ее разбирал смех. Она в сердцах плюнула и строго-настрого наказала служанке не безобразничать впредь.

Через несколько дней приехал Лотин и сообщил, что дядя Лумэй вот уже год как отбыл из столицы по высочайшему указу.

Вернулся вскоре и Кан, к великой радости всех домочадцев. Он попросил Лумэй прочитать бумагу, которая пришла, пока он находился в отлучке, и, узнав из нее, что скоро осенние экзамены, решил отвезти приемного «сына» в столицу. Делать нечего. Пришлось Лумэй согласиться. Заодно она надеялась познакомиться с городом. Лотин, Лумэй и Хуамэй ехали верхом, а Кан — позади, в повозке, груженной вещами. Поэтому он не видел, как попал в приемного «сына», то есть в Лумэй, злополучный мячик¹.

Итак, стражники без долгих разговоров схватили коня Лумэй за поводья и потащили к воротам дома. Остальные юноши из богатых и не очень богатых семей, разочарованные и огорченные, стали постепенно расходиться. Не повезло им!

Хуамэй подняла крик, а Лотин, горячий по характеру, увидев, как бесцеремонно с ним обращаются, в

гневе пустил в ход дубинку и, размахивая ею, бросился на стражников.

Ему удалось прорваться ко вторым воротам, но тут дорогу ему преградили разгневанные управляющие:

— Схватить этого дикаря, чтобы не безобразничал здесь!

Слуги набросились на Лотина и стали его избивать. Но Лотин с громким воплем свалил сразу нескольких человек и подошел к главному павильону. Тут Лотина встретили стражники, и все слуги, какие только были в доме, обрушились на Лотина. И он, хотя и отличался недюжинной силой, ничего не мог сделать. Еще древние говорили: «Два кулака не перешибут четырех рук».

Лотин взял в каждую руку по палке и стал ими размахивать во все стороны. Но тут ему попало кнутом по глазам. Он упал, на него набросились и стали колотить. С огромным трудом удалось его связать.

Тогда Лотин закричал — словно гром прогремел. А слуги тем временем притащили Лумэй к воротам Поникших цветов, привели в одну из комнат и поставили у дверей двух слуг сторожить. Хуамэй осталась за воротами и чуть не плакала, но тут, к счастью, подъехал Кан. Хуамэй побежала ему навстречу и со слезами на глазах рассказала о случившемся. Кан, человек бывалый, тотчас смекнул, что все неспроста, и решил поговорить с привратниками, выяснить, в чем дело. По одеждам и манерам привратники сразу признали в Кане человека солидного. Усадили его, как важного гостя, спросили, кто он, откуда родом. Объяснив, зачем он здесь, Кан Синьжэнь спросил, за что схватили его сына и слугу. Управляющие ему рассказали о том, как выбирали дочери хозяина жениха, как разбушевался Лотин, как, словно безумный, не выяснив, что к чему, стал вопить, ворвался с криками во дворец, за что его и схватили.

— Ну, а теперь вы можете его отпустить?

Управляющие тотчас же приказали отпустить Лотина, но он опять стал кричать:

— Схватили и измываются надо мной? Здесь у вас хан и три гуна, и десять министров, и еще шесть чиновников! Ведите меня к ним! Пусть скажут, есть ли такой закон, чтобы хватать ни в чем не повинного человека.

Свои крики Лотин пересыпал бранью и от злости даже подпрыгивал. Кан Синьжэнь стал его урезонивать, но даже когда Лотина развязали, он продолжал трясти бородой и скрипеть зубами, норовя с кем-нибудь подраться. Управляющие тем временем доложили князю Даю, что пожаловал Кан Синьжэнь. Дай, наслышанный о красоте его приемного сына, очень довольный, вышел встретить гостя. Слуги проводили почтенного Кана в дом. Следом вошла Хуамэй. Управляющие подали вино и закуску, собственноручно наполнили кубки слугам, сопровождающим гостей. Затем извинились перед Лотином. Лотин же, забыв о побоях, с большим удовольствием выпил вина.

¹ Имеется в виду древний обычай сватовства в Китае. Невеста с высокой башни бросает мяч в толпу собравшихся внизу мужчин. В кого попадет мяч, тот и становится женихом. В данном случае мячик, брошенный Циньмо, попал в повозку, где ехала Лумэй.

Князь, как и подобает знатной особе, с достоинством встретил Кана и приветствовал его честь по чести. Кан рассказал о том, что привез приемного сына в столицу на государственные экзамены. Дай вежливо поклонился и промолвил:

— Древние говорили: «Если не судьба, то и встречи не будет». Мы с вами одного чина и звания, одного возраста. У вас нет родного сына, у меня родной дочери. Я удочерил девочку, вы усыновили мальчика. До сих пор я не мог найти дочери подходящего жениха. И вот мяч попал в вашего сына. Это, поистине, веление Неба, Судьба. Ведь там были тысячи юношей, а выбор пал на одного! Я готов отдать дочь за вашего сына! Что вы, почтенный, на это скажете?

Кан Синьжэнь ответил:

— Встреча эта поистине необыкновенна, послана самим Небом. Мои желания полностью совпадают с вашими. Ничтожный человек должен почитать за счастье исполнить желание великого мужа. Не знаю только, понравится ли мой бедный сын вашей дочери?

Дай тут же приказал позвать молодого господина, находившегося во внутренних покоях. Слуги бросились выполнять приказание, и вскоре перед почтенными господами предстала Лумэй. Жених был прекрасен, словно нефрит, и лицо Дая озарилось радостью. Кан объяснил сыну, в чем дело, и сказал, что согласен на брак. Лумэй, услышав это, обмерла, переглянувшись с Хуамэй, побледнела и застыла на месте, не в силах вымолвить ни слова.

Кан поклонился и велел Лумэй поклониться. Князь тоже ответил поклоном и стоя принял поклон Лумэй.

Затем Кан спросил, когда можно принести свадебные подарки и послать сватов. Дай ответил:

— Дело не терпит отлагательств. Завтра же и соватаем.

Кан, вне себя от радости, велел тотчас принести из повозки золото и шелка и почтительно поднес князю, который распорядился готовиться к пиру. Затем они с Каном сели за стол, заиграла музыка, Лумэй отвели во внутренние покои, надели на нее шелковый дэли и повели к княгине. Все в доме ликовали и восхищались красотой жениха.

Когда пир закончился, Дай не отправил жениха и его слуг в город, а выделил для них во дворце отдельный павильон.

В доме Кан Синьжэнь все радовались такому счастливому стечению обстоятельств. И только Лумэй, Хуамэй и Логин места себе не находили от волнения, и на душе у них кошки скребли. Тот, кто пробовал горький плод, поймет, как горько бывает, когда нельзя об этом сказать вслух. Вечером Лумэй долго сидела, нахмурившись, а потом обратилась к Хуамэй:

— Это все ты натворила. Что теперь делать?

— Откуда я знаю? Ведь собрались жениться, — ответила служанка.

Лумэй невольно рассмеялась.

— Вот паршивка — ей бы все насмеяться. Я и без тебя знаю, что женюсь. Женюсь и... — тут Лумэй осеклась и затопала ногами.

— Женитесь? И что будете делать? — усмехнулась Хуамэй. — Молиться? — Но, заметив, что госпожа переменялась в лице, прошептала ей что-то на ухо и сказала:

— Тогда... все обойдется.

Лумэй подумала, что другого выхода нет, и после всех волнений этого дня уснула крепким сном.

На следующее утро, едва окончился завтрак, в доме заиграли трубы и за молодым господином явились слуги. Лумэй переоделась и вместе с ними отправилась в Центральный павильон, где жениха ждал распорядитель праздника, одетый во все красное, с приколотыми к волосам цветами. Он отвел Лумэй в центральный зал, украшенный гирляндами и фонарями, с красным ковром на полу, а оттуда — к родителям невесты. Заиграла чудесная музыка, и вышла сама невеста. Служанки держали над ее головой красное покрывало. Глазам было больно от обилия шелков и разноцветных одежд. Лица людей светились радостью, воздух был напоен ароматом благовоний. Жених и невеста поклонились родителям и друг другу, после чего под звуки музыки молодых отвели в Лунную башню — покои для новобрачных. По левую сторону села Лумэй, по правую мамки и няньки усадили невесту. И в этот момент музыка прекратилась. Гости и сваты разошлись. Служанка сняла покрывало с невесты, и теперь, наконец, молодые смогли взглянуть друг на друга. Лумэй, вздрогнув, подумала: «Точь-в-точь сестрица Цинь, но как она здесь очутилась? Бывает, конечно, между людьми сходство, но чтобы точная копия... Говорят, правда, что даже у Конфуция был двойник. Не знаю, так это или нет». Невеста почувствовала на себе пристальный взгляд жениха, немного отодвинулась от него, присмотрелась. На голове у жениха красовалась весенняя шапка, украшенная лентами, одет он был в длинную безрукавку бледно-голубого цвета, на ногах черные шелковые гуталы на толстой подошве. Жених был само совершенство. Лицо нежное, чистое, без следов пудры, напоминало нефрит, стан удивительно стройный, словно искусно выточенный. Глаза — две чистые реки, два родника прохладных, прозрачных. Поистине, такой красоты нигде в мире не сыщешь. Этот юноша не уступит Пуюю. И все в нем до боли знакомо. Вскоре зажгли фонари, украшенные цветами, и внесли праздничные столы. Молодые робели, и обряд сватовства прошел быстрее обычного, поэтому сразу после ужина внесли столы, служанки подали чай, закрыли дверь и ушли.

Лумэй пересела в кресло, взяла чашку чая и стала осматривать комнату, роскошным убранством похожую на дворец. У окон, затянутых зеленым шелком, слабо мерцали свечи, и в полумраке занавеси с узором из лотосов были едва различимы.

Невозможно описать редкую, утонченную красоту переодетой юношей Лумэй, которая сидела, облокотившись о маленький столик из слоновой кости.

Вдруг девушка подумала: «Эта необыкновенная встреча ночью, при цветных фонариках, суждена тем, у кого счастливая судьба. Если девушка умнее, может быть, все и обойдется. А вдруг раскроется обман? И все узнают, что под маской жениха прячется девушка?» Лумэй старалась не выдать свое волнение, лишь слегка хмурила брови. Она поставила чашку и сидела задумавшись. Незаметно наступила вторая стража. Фитиль в цветном фонарике сгорел почти на два цуня, и невесте пришлось звать служанку, чтобы его срезать. Служанка выполнила приказание и предложила господину лечь. Лумэй с улыбкой ответила, что непременно это сделает, как только служанка уйдет. Хуамэй, стоя в прихожей, прислушивалась к тому, что делается в комнате. Заподозрив неладное, девушка кашлянула, подав тем самым знак Лумэй выйти, и, как только та появилась, проговорила:

— Почему господин так волнуется? Надо быть чуть-чуть приветливее! Похвалить нефрит и благовония, — наставляла она Лумэй.

А Циньмо, услышав кашель, после того как жених вышел, тихонько подошла к окну и стала смотреть, что будет дальше. Взошла луна, и было светло как днем. Все выдавало в женихе и его слуге женщин. И лица, и манеры. Более того, Циньмо показалось, что она их знает. Присмотрелась внимательнее — так и есть. В слуге «жениха» Циньмо узнала Хуамэй. Лумэй была уверена, что их никто не слышит, поэтому говорила совершенно свободно, забыв об осторожности. Прошло много времени, прежде чем Лумэй вернулась в комнату. Слуга снова предложил господину лечь. Лумэй сняла шапку и плащ, а служанки сняли с Циньмо украшения и отвели ее за занавеску.

Отослав служанок, Лумэй заперла дверь и с фонариком в руках тоже зашла за занавеску. Она опять взглянула на «невесту» — вылитая Циньмо! У Лумэй перехватило дыхание.

«Но Лумэй непременно узнала бы меня, — размышляла [тем временем] Циньмо. — Надо бы спросить, но этим я могу себя выдать».

Лумэй терялась в догадках, краснела. Положение было и смешным, и трудным. Она поставила фонарь

на столик, взяла невесту за руку и низким голосом проговорила:

— Госпожа, вы не устали?

Невеста вдруг резко повернулась, встала, прикрыла рукавом лицо, взгляделась в жениха и, опустив рукав, сказала:

— Господин, и речью, и манерами вы очень мне напоминаете одного человека, он родом с юга. Да и на мужчину вы мало похожи. Сейчас же отвечайте, кто вы, откуда и почему переоделись в мужское платье? Не скажете, пожалуй, родителем, и вас сдадут в управу.

Она говорила, а сама краешком глаза следила за Лумэй — та испугалась, покраснела, сердце бешено колотилось, но виду не подала, положила руку на плечо Циньмо и сказала:

— Странно, что вы так говорите! Взгляните на мои брови! На бороду! Я самый обыкновенный юноша, как и все, хожу по земле, над головой у меня небо. Если не верите, сейчас убедитесь в этом.

Лумэй подхватила Циньмо на руки и понесла. Циньмо заметила, что брови у «жениха» приклеены, взяла Лумэй за руку и сказала:

— Не будем говорить о бровях и бороде! Скажи лучше, почему у тебя проколоты уши? Нечего меня морочить! Я тебя узнала! Ты — Лумэй!

Лумэй вздрогнула. «Если это не сестрица Цинь, откуда тогда она меня знает? Надо сказать все напрямик, иначе неприятностей не оберешься». И, опустив глаза, она проговорила:

— Я тоже тебя узнала. Ты Циньмо! Интересно, как ты сюда попала.

Циньмо больше не сомневалась в том, что это ее сестра. Ей стало и смешно, и грустно. Она взяла Лумэй за руки и со слезами на глазах спросила:

— О, мудрая сестрица! Откуда ты явилась?

Теперь и Лумэй убедилась в том, что перед ней Циньмо. Они обе были несчастны и вот неожиданно встретились. Сестры обнялись и стали горько плакать, переположив весь дом.

Они плакали навзрыд и никак не могли остановиться. Прибежали перепуганные слуги и служанки, раскрыли окна и двери. Проснувшись княгиня. Узнав, что случилось, она растерялась. Шутка ли! Жених вдруг оказался девушкой! Слуги шушукались, смеялись.

Глава десятая

Горы и реки далеки, но они не скроют верных друзей...

Правда всегда чиста, но восстановить доброе имя трудно.

Итак, мамки и няньки стали шептаться:

— Молодой господин вдруг обернулся девушкой, а наша барышня плачет.

Князь Дай не знал, что делать, и решил учинить допрос Хуамэй. Но Лумэй сама во всем призналась и рассказала правду. Она отругала Хуамэй и велела ей переодеться в женское. И тут все увидели девушку редкой красоты, настоящий весенний цветок.

Лотин знал, что ночью их обман раскроется, и решил загодя обо всем рассказать Кану. Тот сначала рассердился, потом растерялся, а под конец испугался, побил Лотина и, поскольку дело это было неотложное, поспешил во дворец.

Князь Дай отослал слуг и принялся успокаивать Кана:

— Возраст у вас преклонный, своих детей нет, — сказал он, — вот вы и поспешили с усыновлением.

Я, старый глупец, тоже поторопился с выбором жениха. Но мнимый жених оказался младшей сестрой моей приемной дочери. Так что их встреча предопределена была самим Небом. Эти ошибки мы с вами совершили по старости. Сейчас уже поздно. Вам надо пойти отдохнуть, а утром поговорим.

У Кана будто камень с души свалился от этих слов, и он долго благодарил князя, прежде чем уйти.

Той ночью Лумэй и Циньмо облегчили душу, рассказали друг другу обо всем, что произошло за время их разлуки. Это еще больше сблизило сестер. Лумэй не знала, как отблагодарить своих приемных родителей за доброту, и попросила сестру посоветовать. В то же утро Циньмо поговорила с князем, и он обещал выхлопотать для Кана должность начальника округа. Но Кан отказался, сославшись на возраст. Тогда эту должность решено было отдать зятю Чжану.

Настал день отъезда, Лумэй и Циньмо никак не могли расстаться. Наконец Лумэй простилась с сестрой и пошла в кабинет, куда князь пригласил Кана.

— Не знаю, как и отблагодарить вас, — с поклоном сказала Лумэй, обращаясь к Кану. — От всего сердца желаю вам долголетия сосны и кипариса. А Дэцзе и Жуйнян — цвести словно орхидеи.

Князь Дай послал госпоже Сунь и молодым наложницам жемчуг и еще много всяких ценных даров.

Кан, плача, простился со всеми и вместе с Лотином покинул столицу. Странно, что юной деве удалось провести этого умудренного опытом старого человека. Зато осуществилась мечта всей его жизни — зять получил высокую должность. Это и было воздаянием за добрые дела. Когда Кан вернулся домой, там уже готовились к пиру, и то и дело приезжали с поздравлениями родственники. Чжан надел парадную шапку и вышел навстречу тестю. Кан велел Лотину пригласить на пир учителя Ши Цзинци, но слуги сказали, что несколько дней назад и учитель уехал в Ханчжоу.

Оказалось, учителя пригласил к себе князь Бэнь, его старый друг, и учитель, очень любивший быть на юге, охотно принял приглашение. Вдвоем с другом по имени Сы они наняли лодку и отправились в путь.

В это время князь Дай решил подать в отставку и вернуться в родные края. Старость, болезнь да еще неудачное сватовство дочери лишили его последних сил, и он направился в столицу, чтобы предстать перед императором.

А теперь продолжим рассказ о Ши Цзинци. Итак, они с другом сели в лодку и поплыли на юг, нигде не останавливаясь.

Легкая лодка проплыла мимо высоких гор, и вскоре они благополучно добрались до Ханчжоу. Слуга в управе князя Бэня хорошо знал учителей Ши и Сы, поэтому немедленно проводил их в кабинет и доложил господину. Узнал об их приезде также Пуюй и поспешил им навстречу.

Вскоре явился Ли Сяньчжан. Радости не было конца. В кабинете, куда проводили Ши и Сы, по утрам обычно собирались чиновники. И вот к ним вышел Шу Цянь и сказал:

— Господин играет сейчас в саду в облавные шашки с начальником области Мэн и просил вас туда пожаловать.

— При гостях нам неловко входить, — возразил Ши Цзинци, — лучше мы подождем.

И они стали пить чай, но Пуюй очень уважал учителей и уговорил их вместе с ним пойти во дворец.

За вторыми воротами стоял наготове паланкин начальника области, во дворе толпились слуги — ясно было, что высокий гость собирается уезжать. Во дворе по обеим сторонам тянулись флигели, здесь же была центральная управа, многочисленные залы и павильоны. Павильон для гостей находился в правой части небольшого двора, огороженного стеной с увитой плющом калиткой, которая вела в юго-восточный уголок сада. Над калиткой висела доска с надписью: «Сад уединения». Там было очень красиво. Между деревьями бежал ручеек, возвышались искусственные горки. Павильон был круглый, с большими окнами, и ограда с волнистым изгибом — знак того, что это обитель ученых, место собрания поэтов.

Здесь и поселили Ли Сяньчжапа. Пуюй повел гостей в северо-западную часть сада. По галерее они прошли мимо Бамбукового кабинета, затем мимо беседки Уединенного аромата, по мостику Причудливые скалы, через бамбуковую рощу, поднялись наверх и остановились у кабинета «Рассвет над горами». Здесь они увидели князя Бэня и начальника области, над которыми слуги держали балдахин, защищающий от солнца. Хозяин и гость как раз вышли из Горного кабинета «Друзей бамбука». Ши и Сы поспешили их приветствовать, князь Бэнь ответил на приветствия и очень церемонно извинился за то, что заставил ученых мужей так долго ехать по пыльным дорогам. Начальник области тоже их приветствовал и обратился к князю:

— Недаром говорят: «Ученый не ведает скуки, он ищет себе подобных». Долгий путь проделали ученые мужи. Не день и не два ехали, пока добрались.

Пока князь Бэнь провожал начальника к воротам сада, тот рассыпался в любезностях. Наконец ему подвели коня, и князь велел Пуюю проводить гостя до места. Лишь тогда князь взял Ши Цзинци за руку и повел его и Сы в стоявший неподалеку павильон Горного аромата. Там они за чаем принялись рассказывать друг другу все, что произошло за время их разлуки.

Павильон был просторный, на стенах, обитых шелком, висели парные надписи и стихи знаменитых поэтов — Хань Юя, Ляо, Яо, Су и других. Посредине стоял стол из грушевого дерева с письменными принадлежностями, книгами, свитками картин. Вокруг павильона росло такое множество цветов и деревьев, что пыль туда не проникала. Князь Бэнь, одетый в длинный шелковый халат, подпоясанный широким поясом с нефритовыми подвесками, сидел на маленьком диванчике у окна.

В отблесках солнца, проникавшего сквозь окно, лицо князя казалось порозовевшим. Мальчик-слуга

обмахивал князя веером из белых перьев, и от движения воздуха его длинная, словно серебряная, борода развевалась. Вид у него был поистине величавый, лицо сияло, дышало благополучием.

Князь Бэнь с улыбкой обратился к Сы Тяньчжэню:

— Ученый друг мой, не так много времени прошло, а вы стали мужественней и краше. Еще древние говорили: стремителен волшебный конь, красив заморский журавль — это в полной мере относится к вам.

Сы Тяньчжэнь с поклоном ответил:

— Я человек простой и недостоин похвал сиятельного князя. Но мне посчастливилось дышать одним воздухом с вами. И пусть не иссякнет аромат священной орхидеи и ничто не поколеблет крепости сосны и бамбука.

— Стар я стал, — молвил князь, — и не заслуживаю императорской милости, тяжела она мне, как и высочайшие повеления. С утра до вечера только и думаю, как бы не оступиться, не сплеховать. Вы не оставили меня, мои мудрые друзья, приехали, и теперь я хочу выслушать ваши советы.

Ши Цзинци и Сы Тяньчжэнь разом встали и поклонились князю:

— Мы ничтожные писари, сорная трава. Познания наши скудны, ума не хватает, но доверие сиятельного князя обязывает нас, отбросив страх, высказывать свое мнение и выполнять обещанное.

Спустя немного времени хозяин повел гостей в столовую. И там, за едой и возлияниями, они не заметили, как зашло солнце.

Итак, князь Бэнь сделал учителя Ши своим советником, а Сы Тяньчжэня назначил ведающим печатями.

Ли Сяньчжан помогал Пуую в учении. Словом, всем нашлось дело. Пуую очень подружился со своим учителем, занятия проходили в небольшой беседке неподалеку от дома, где поселился Ли Сяньчжан. Иногда они просто встречались, беседовали, читали стихи.

Однажды, это было весной, Пуую встал пораньше и пошел к родителям пожелать доброго утра. Князь с княгиней сидели во внутренних покоях, за шелковым пологом, и вели разговор о домашних делах. Пуую опустился на колени, поприветствовал отца и мать. Княгиня Цзинь сказала:

— В прошлом году по дороге на юг я заехала в Сихэ навестить госпожу Гу. Ее дочь Шэнжу как раз вернулась домой. Не повезло ей, бедняжке. Как и нашему сыну. Вот я и решила сосватать ему Шэнжу. С помощью Гаотяна мы обсудили это дело и договорились о калыме в пятьсот лянов, о чем я сразу же сообщила князю. До сих пор из-за множества дел никак не удавалось об этом потолковать. Госпожа Гу обещала по пути в Сучжоу заехать к нам. Надо бы послать за ней человека. Тебе, Пуую, непременно нужно жениться. Надеюсь, осенью договоримся обо всем окончательно. Не знаю только, что скажет на это князь.

— Я не против женитьбы Пуую. Когда находился в столице, пытался сосватать ему дочь князя Дая. Но сын отказался. С тех пор я больше не думал об этом. Очень рад, что ты завела об этом разговор. Душа старой княгини успокоится, как только мы женим Пуую. Сегодня же отправлю в Сучжоу людей. Пусть справятся о здоровье сестры и племянницы и выберут день для сватовства.

Услышав это, княгиня Цзинь вне себя от радости позвала Юй-цин и приказала ей приготовить подарки для отправки в Сучжоу.

Князь Бэнь, покончив с утренней едой, пошел к себе заниматься делами. Пуую отправился было следом за ним, но потом решил вернуться домой. Навстречу ему выбежала Фушоу, откинула занавеску.

Пуую между тем был под впечатлением только что услышанного. Его любимой Циньмо больше нет, навеки смолк ее голос в речной глубине. Неизвестно, жива ли Лумэй. С Шэнжу его свел счастливый случай. И все же Пуую испытывал скорее грусть, нежели радость. Ему все было безразлично. Он прислонился к спинке кровати, закинул руки за голову и так долго молча лежал.

— Еду подавать? — спросила Фушоу.

Пуую покачал головой, устремив взгляд на сандаловую шкатулку, стоящую на подставке для письменных принадлежностей, и велел Фушоу достать из нее портрет Циньмо. Портрет он повесил на ширму, сам сел напротив, и из глаз его покатались слезы.

«И смешно, и печально смотреть на него», — подумала Фушоу.

— Ты почему опять плачешь? От радости, что ли? Господа решили отправить в Сучжоу свадебные подарки!

Пуую взглянул на служанку. Какая она сегодня нарядная! Стеганный парчовый халат ярко-красного цвета, розовая шелковая безрукавка, белый шелковый платок. Две туго заплетенные косички украшены серебряными заколками в виде лотосов и перетянуты зеленой лентой. Нельзя было равнодушно смотреть на ее иссиня-черные брови. Пуую с улыбкой спросил:

— Что это ты так нарядилась сегодня? Гостей ждешь?

— Ведь у тебя скоро праздник, потому и нарядилась, — смеясь, отвечала девушка.

— Какой еще праздник? — проворчал Пуую, отвернувшись.

— Ну что ты все хандрить? — упрекнула его Фушоу.

Вскочив, Пуую произнес:

— Сядь сюда и слушай, что я тебе скажу. Уж кому-кому, а тебе хорошо известно, как мы четверо дружны были в детстве. Двоих не стало. А третью сватают мне, такому же неудачнику, как она сама. Сколько горя перенесла она в чужих краях! Чему же тут радоваться? Нет у меня уже ни былой силы, ни смелости. Если бы даже она и смирилась с этим, что хорошего? Да и перед теми сестрицами, что погибли, я буду чувствовать себя виноватым!

— Как же быть? — спросила Фушоу.

— Ведь я был женат! А теперь мне все безразлично. Ты заботишься обо мне, чего же еще желать? Конечно, Шэнжу подходит мне больше, чем кто бы то ни было, по крайней мере, не оскорбит память наших погибших подруг.

Фушоу строго произнесла:

— Ну что ты говоришь, господин! Служанка есть служанка, как бы хорошо она ни угождала! У каждого своя судьба, своя жизнь. Дом у вас не простой, богатый и знатный, и все это передается по наследству от поколения к поколению. Поэтому в жены нужно брать девушку тоже знатную, древнего славного рода.

Пуюй слушал рассеянно, с грехом пополам доел рис, вышел из дома, прошел через ворота Поникших цветов, обогнул главный павильон и, миновав Западный флигель, направился в Сад уединения, где любил сидеть и читать. Пройдя через Серповидную арку, он очутился у беседки напротив искусственной горки в юго-западной части сада. Еще одна беседка, для отдыха, находилась на защищенном от ветра склоне северо-восточной горы.

Она стояла у западной стены и называлась беседкой Обучения гуманности, напротив был расположен небольшой павильон. Из его окна виднелись торговые ряды. В верхней части беседки хранились книги, внизу находилось помещение для слуг. Юйцин, стоя под навесом, кормила птицу. Бацзинь мела пол, Цишу протирала стол, а Гухуа под шелестящим листвою каштаном кипятила чай, веером раздувая огонь в очаге.

Пуюй вошел, сел у окна и принялся размышлять о своем будущем. И так ему стало обидно! Какая несчастная у него судьба! Никогда больше не встретит он своих милых сестриц. Конечно, Шэнжу ему тоже дорога, но ей не дано так тонко чувствовать литературу, как Циньмо и Лумэй.

В этот момент вошел Ли Сяньчжан. Прочтя стихи, которые написал Пуюй, он, смеясь, промолвил:

— Господин! Зачем так плохо думать о жителях Поднебесной? Я ехал сюда вместе с одним юношей. Поглядишь на него — настоящий мудрец древности. В глазах светится ум, а как сочиняет стихи! С такой легкостью, будто пыль смахивает. Ученостью иному знатному не уступит. Одно плохо: высокомерен чересчур, да и задирист сверх меры.

— Неужто и в самом деле есть на свете такой человек? Или вы шутите?

— Нисколько! — отвечал Ли Сяньчжан. — Фамилия его Ши, имя Линъюнь. Он третий сын в семье, и потому называют его третьим господином. Живет он бедно. Повздорил с главным экзаменатором и не получил даже низшей ученой степени сюэя. Юноша этот ехал к своему дяде, который живет в десяти ли от города, в горах Гу, на берегу озера Сиху. В Ханчжоу юноша этот не нашел достойного собеседника, он разговаривал с реками, горами и писал стихи, так и коротал время. Богатство для него все равно что грязь или пыль.

— Мы давно с вами в дружбе, — проговорил Пуюй, — и вы знаете мое пристрастие к людям ученым. Почему же не познакомили меня до сих пор с этим необыкновенным человеком?

— Он не бывает в богатых домах, говорит, что там не встретить талантов.

— Это его глубокое заблуждение, — возразил Пуюй. — В древности Чжоугун, например, доводился младшим братом Увану, но талантом не уступал священномудрому. А Цао Чжи, сын правителя княжества Вэй, сочинил «Стихи за семь шагов», а был выходцем из бедной семьи. Друг мой, завтра же поезжайте к нему, передайте эти слова, тогда он согласится приехать ко мне.

— Зачем откладывать на завтра, если можно это сделать сегодня? — ответил Ли Сяньчжан и отправился в путь, следуя по берегу Сиху.

Это озеро со всех сторон окружено горами. Изломанной линией тянутся гряды, громоздятся вершины, темнеют впадины, перевалы, они дают приют усталому путнику. У одного из перевалов скалы делят озеро на две части. С берега на песчаную косу переброшено шесть мостиков. Красота вокруг необыкновенная!

Ли Сяньчжан шел неторопливо, любовался пейзажами и добрался наконец до гор Гу. Окутанные синей дымкой горы высились, словно нарисованные, и были похожи на высокие стены. Озеро сверкало, будто хрустальное, а вокруг необозримые просторы! Ли Сяньчжан прошел мост, обогнул мыс, тропинка оборвалась, и он оказался перед коричневой дверью. Залаяла собака, дверь отворилась, и появился Линъюнь. Они в знак приветствия взяли друг друга за руки, вошли в дом и сели. Ли Сяньчжан с интересом рассматривал жилище своего друга: это была маленькая хижина, разгороженная на три части: справа — спальня, слева — кухня, посередине — комната для приема гостей. Напротив дверей — стол и два стула, на северной стене — картина с надписью: «Грубый войлок, железная тушечница, маленький столик, облачные ступени, светлая луна, ароматная камфора, желтая тетрадь, темная лампада, ночной дождь, яшмовый дворец, золоченый конь, весенний ветер». Под картиной автограф учителя Лю. По обеим сторонам парные надписи.

Вот и все убранство. Ши Линъюнь с улыбкой посмотрел на Ли Сяньчжана и промолвил:

— Почтенный брат! Не ругай меня за то, что здесь так много надписей. Ханчжоу велик, и в городе и за городом много ученых мужей — сотни, тысячи, но ни один не разбирается в литературе.

— Ты умен, брат мой, но и я не совсем тупица. Уверю тебя, и среди знатных есть образованные. Тебе просто не довелось с ними познакомиться.

— Возможно, ты прав. Но скажи по правде, много ли среди твоих знатных людей образованных?

— В далеких краях мне не приходилось бывать. Мир велик — всех ученых не перечесать. Но я знаю, к примеру, Пуюя, сына князя Бэня, императорского

сановника. Он совсем еще юный, но весьма образованный.

— Ты в этом уверен, мой уважаемый брат? — спросил Ши Линъюнь.

Ли Сяньчжан ответил, что читал все стихи и поэмы Пуюя, начиная с давнишних, о белом облаке, и кончая только что написанным.

Ши Линъюнь очень внимательно слушал, и вдруг лицо его озарилось радостью.

— Как же я мог не знать, что в Ханчжоу живет такой талантливый юноша?

— Брат мой, — ответил тогда Ли Сяньчжан, — вы оба ученые, так почему бы вам не встретиться и не поспорить о литературе и прочих науках? Недавно главный экзаменатор провинции прочел его сочинение, долго его расхваливал, а потом сказал: «Как жаль, что этот юноша родился не в ученой, а в знатной семье и свое звание получил как милость».

— Да, пожалованное звание не очень почетно, — согласился Ши Линъюнь. — Какой талантливый человек из знатной семьи не мечтает занять первое место на экзаменах благодаря лишь своим талантам, а не происхождению?

— Ты считаешь, что настоящим ученым может стать только человек из бедной семьи? Будь по-твоему. Но отчего тебе не съездить со мной к этому юноше, дабы убедиться в истинности моих слов?

— Брат, — сказал Ши Линъюнь, — мне, человеку бедному и простому, не по чину переступить порог богатого дома.

— Но молодой господин уважает ученых, — возразил Ли Сяньчжан, — и тебе нечего стесняться!

— В таком случае, давай договоримся о дне встречи, — согласился наконец Ши Линъюнь.

— Ученые ни о пирах, ни о стихах не договариваются. Как появится настроение, так и поедем.

На том и порешили. Выпив еще по бокалу вина, они легли спать, а наутро отправились в путь. Шли рука об руку, любуясь цветами по обе стороны дороги.

Князь Бэнь засмеялся:

— Это мой зять, господа, поэтому я хочу, чтобы вы его наставили.

Чиновники заулыбались в ответ, закивали головой и принялись на все лады расхваливать Су Линъаня, говоря:

— Наш младший господин ни в чем не уступает великим людям. А Су Линъань и в самом деле был хорош и отличался прекрасными манерами.

Князь Бэнь приказал Пуюю:

— Проводи зятя к матери!

Пуюй тотчас повиновался.

Чиновники знали, что задерживать князя нельзя, потому что он занят делами, и поднялись со своих мест. Князь Бэнь проводил их до выхода и попрощался с каждым в отдельности.

Тем временем в лодках зажгли огни.

Су Линъань сказал госпоже Цзинь, что Шичин прийти не смогла и он решил сам навестить князя и княгиню. После этого он вернулся в лодку князя Бэня, и они проговорили до полуночи.

На другой день князь Бэнь получил от чиновников письменное приглашение на пир, куда и отправился сразу после завтрака вместе с сыном и зятем. На пристани, возле моста Радуги, для них была приготовлена красная расписная лодка. Чиновники ждали на берегу. Князь вышел из паланкина, и после обмена приветствиями все направились к лодке. Вода в реке, чистая и прозрачная, сверкала всеми красками, благоухали лотосы. Вдоль всего берега между соснами и бамбуком стояли всевозможные беседки и павильоны, плакучие ивы склонялись к самой воде, в которой отражались горы. Слышен был стрекот цикад. Лодка скользила легко, словно птица, между синих гор и белых пагод, над ней плыли облака — поистине, картина, достойная богов и святых. Вскоре лодка подплыла к водному павильону. Чиновники первыми сошли на берег, а немного спустя появился и князь. Он оглядел места, связанные с памятью Оуян Сю, и пошел в павильон. Су Линъань был строгих правил и не любил громкой музыки. Он знал, что будут ставить «Побежденного» и другие знаменитые фарсы, поэтому предпочел уйти, сказав, что желает освежиться. Пуюй пошел следом. Они побродили у реки, посмотрели, как ловят рыбу, и поднялись в бамбуковую беседку. Здесь Су Линъань удобно устроился в бамбуковом кресле и заснул.

А Пуюй покинул беседку, чтобы полюбоваться природой. Но не прошел он и нескольких шагов, как к нему подошли слуги.

— Где желает господин отдыхать?

Пуюй улыбнулся:

— Там, куда приведут меня мои ноги и нечаянные мысли. В заранее выбранном месте, пусть даже самом красивом, неинтересно отдыхать.

Слуги почтительно улыбались и кивали головой. А Пуюй, заложив руки за спину, зашагал по узенькой тропинке. Стояла самая знойная пора лета, небо было безоблачно, солнце было в зените, круглое, красное, как огненный котел. Слуги обливались потом, задыхались от жары — веера не помогали.

Они долго шли, пока не увидели вдруг заброшенную могилу. Она сильно заросла травой, осела, почти сравнявшись с землей. Пуюй тяжело вздохнул. Одни из слуг произнес:

— Давайте вернемся, господин! Здесь такая духота! Да и что толку смотреть на эту старую могилу? То ли дело сидеть в прохладной беседке, среди цветов. Там можно по-настоящему отдохнуть!

— Если вам жарко, посидите в тени, под деревом. А мне здесь нравится. Высокое ясное небо, солнце. И вовсе не жарко.

Пуюй пошел дальше и увидел несколько свежих могил. Лишь на одной из них памятник немного покосился. На памятнике была надпись: «Здесь покоится князь Цзинь Жушань и его супруга. Огромны заслуги князя перед государством». Пуюю стало не по себе, и он подумал: «Кажется, у меня был дядя по имени Жушань. Не знаю только, почему его здесь похоронили?»

Жертвенный столик перед могилой зарос бамбуком и вьюнками. При виде такого запустения у Пуюя сжалось сердце. Он позвал слугу и велел принести ароматических свечей и лампаду, а также вина и фруктов, чтобы совершить жертвоприношение.

— Господин шутит, — воскликнул с улыбкой Ма Чжу, — с какой стати мы станем приносить жертвы на чужой могиле, да и где здесь возьмешь свечи и лампаду? Их можно достать только в городе.

— Если хотите, — вмешался в разговор Юанькай, — сейчас я сделаю маленький холмик и вы сможете помолиться. — И Юанькай снял с пояса нож, наколол на него сверху пучок травы и положил камень. Второй слуга воткнул стебель рядом и сказал:

— Это благовония.

Пуюй, придерживая полы халата, опустился на колени и стал молиться, в то время как слуги за его спиной тихонько посмеивались. Самый младший из них не без лукавства сказал:

— Я видел здесь могилу одной барышни. Не желает ли господин заодно и там помолиться?

Пуюй пошел следом за слугой и увидел могилу, а на ней плиту с надписью: «Циньмо, дочь господина Цзиня». Лучше бы Пуюю сюда не приходиться! Будь даже у Пуюя каменное сердце, он все равно не удержался бы от слез, увидев могилу любимой сестры. Упав на землю, Пуюй прильнул к плите и громко за-

рыдал, как некогда мужественная Мэн Цзяннуй, размывшая своими слезами великую стену. Тут и слуги не удержались от слез. Заметив, что холмик осыпается, Пуюй стал его подправлять, и слуги ему помогли — кто ножами, кто просто руками, и скоро лица у всех стали черными до самых глаз.

— Наперед знайте, — пошутил Ма Чжу, — когда будете сопровождать господина на отдых, запасайтесь топором, лопатой и корзиной.

Так, шутя и смеясь, они насыпали холм, а рядом от выкопанной земли образовалась яма. Вокруг холма были расставлены яства и заморские фрукты. И вот Пуюй стал говорить:

— Сестрица! Ты была чиста, словно нефрит, хороша, как само небо, мудра. Но какой короткой была твоя жизнь! Так и не встретила ты достойного друга и одна ушла в мир иной. Хотя стан твой, изящный, как коричневое дерево, драгоценный, как сандал, обратился в прах, я уверен — душа твоя сейчас меня слышит! Сестрица, прими от меня эти благовония души и цветы сердца.

Сказав это, он ощутил под ногой что-то твердое. Подбежали слуги, отгребли землю и увидели камень. Пуюй, опасаясь, как бы не потревожили прах Циньмо, запретил трогать камень, но когда его все же отодвинули, там оказалась шкатулка из красного сандала.

О том, что было в шкатулке, вы узнаете из следующей главы.

Глава одиннадцатая

Во время неожиданной встречи Ши Линъюнь сочиняет полные высокомерия стихи. Поддавшись соблазну, Сяньчжан напивается допьяна.

Итак, Ли Сяньчжан уговорил Ши Линъюня пойти вместе с ним и как мог его развлекал. Вдруг на встречу им попался нарядно одетый молодой человек: в суконной широкополой шляпе на шелковой подкладке, с развевающимися сзади красными лентами, в синем бархатном халате, тоже на шелку, в куртке из лебяжьего пуха, с тугим кошельком на поясе и в сапогах на толстой белой подошве. Лицо белое, острый нос, раздвоенная, как ласточкин хвост, борода. Это был известный гуляка по фамилии Юй, по имени Хэ. Завсегдатай веселых домов, он целыми днями слонялся по городу, водил компанию с певичками и такими же, как он сам, богатыми бездельниками.

— Господин, куда торопишься? — окликнул он Ши Линъюня. — Твой дядя, господин Фу, устраивает на дамбе угощение и ждет тебя. Так что поторопись!

И Ши Линъюню ничего не оставалось, как последовать за Юй Хэ. Нахмурившись, он сказал Ли Сяньчжану:

— К сожалению, уважаемый брат, я не смогу с тобой сегодня пойти. Иди один.

Юй Хэ поклонился Ли Сяньчжану и с улыбкой спросил, куда это они собрались. Ли Сяньчжан по-

клонился в ответ, объяснил, в чем дело, после чего они расстались.

Ли Сяньчжан, вернувшись домой, рассказал Пуюю, как было дело, и промолвил:

— Если молодой господин пожелает, снова за ним пойду.

— Ученых я люблю еще больше, чем красоту, — ответил Пуюй, — если брат Ши и в самом деле умен и образован — мне очень хотелось бы встретиться с ним. Ты уж не сочти за труд, сходи за ним как-нибудь днями. Наш сад хоть и не очень роскошный, но пировать тут можно целых десять дней, как некогда пировал правитель области Пинъюань из княжества Чжао.

— Что же, непременно его приведу.

Через несколько дней Ли Сяньчжан снова отправился в горы за своим другом.

— Погода прекрасная, — сказал Ли Сяньчжан, — не отправиться ли нам нынче к Пуюю?

Ши Линъюнь охотно согласился, оставил старого слугу присматривать за домом, а сам последовал за Ли Сяньчжаном.

— Почтенный, — вдруг спросил Ши Линъюнь, — знает ли господин Пуюй, что ты ко мне ходишь?

— Разумеется, знает! Ведь это он и прислал меня. Нынче утром говорит: «Если брат Ши и в самом деле умен, я, как говорится, не буду хлестать лошадь кнутом, то есть спорить не стану. Если же он только притворяется образованным, а истинными знаниями не обладает, если он не тот, за кого выдает себя, из-под моей кисти сами собой могут выйти весьма не лестные слова».

— Я ответил ему: «Мой брат Ши среди людей — феникс, среди литераторов — лев, может ли он быть посрамлен кистью господина?»

Ши холодно рассмеялся:

— Брат, пожалуй, перехвалил меня. Ладно, время покажет!

Так, беседуя, они дошли до западных ворот города. И тут встретили человека, весьма странного с виду. Лицо круглое, голова плоская, уши маленькие, нос приплюснутый, редкая бороденка, хриплый голос, лохматые брови, вытаращенные глаза, сам маленький, кривой и горбатый. Фамилия его была Чжэнь, имя Гуан, прозвище Восемь Кленов — у его дома росло восемь кленов, ни больше и не меньше. Человек он был коварный и хитрый, на осенних столичных экзаменах умудрился получить ученую степень. Отца его в городе знали и уважали. Но Чжэнь относился к отцу с матерью без всякого почтения, перечил им и все делал по-своему. Отец выгнал его и поселил в доме около западных ворот. Жену Чжэнь Гуан взял из богатого дома, дружбу водил с дурными людьми, а порядочных — оскорблял.

Итак, Чжэнь Гуан стоял у ворот своего дома, заложив руки за спину. Увидев наших путников, он преградил им дорогу и сказал:

— Учитель Ли, далеко ли путь держишь? Не проходи мимо, зайти, чашку чая выпьем.

Ли Сяньчжан знал этого человека, поэтому пришлось ему подойти и обменяться с ним несколькими словами.

— Мы с господином Ши идем в гости. Надо спешить. Так что зайти к вам не можем, вы уж нас извините!

— Этот господин доводится племянником старшему брату Фу? — спросил Чжэнь Гуан.

— Совершенно верно, — ответил Ши Линъюнь, — а откуда вам это известно, почтенный?

— Поэзия всюду, — с улыбкой ответил Чжэнь Гуан. — Даже в траве. Так почему же мне не знать? Я понимаю, вы торопитесь в город к молодому господину, сыну князя Бэня, к знатным господам. Так стоит ли, думаете вы, заходить к такому неучу, как я, лишенному каких бы то ни было достоинств? Если же я ошибаюсь и у вас нет подобных мыслей, окажите мне честь и зайдите, чаю выпьете. Ведь целых полдня в пути. Устали, наверное?

Ли Сяньчжан и в самом деле очень устал, с самого утра на ногах, поэтому он сказал:

— Брат, я давно мечтал с вами встретиться, только не знал, где вы живете. И вот сегодня мне наконец повезло!

Чжэнь Гуан поклонился:

— Позвольте же пригласить вас в дом, чтобы я мог выразить вам свое почтение.

Ши Линъюнь с первого взгляда понял, что за человек Чжэнь Гуан, и сказал:

— Мы только сейчас познакомились, как же можно вас беспокоить?

Но Ли Сяньчжан, взяв его за руку, возразил:

— Не пристало поэту быть таким церемонным.

Они вошли в дом, поклонились и сели. Чжэнь Гуан принес чай, вино, закуски.

Он не зря был так радушен. Дело в том, что Чжэнь Восемь Кленов не по заслугам прослыл ученым. И как только в этих краях появился Пуюй, сын князя Бэня, слава его померкла. Все только и говорили, что о талантах Пуюя. Особенно превозносил его достоинства сановник Чжун, он прославил Пуюя на весь город. И теперь Чжэнь Гуан, снедаемый злобой и завистью, задумал отыскать человека, способного поспорить с молодым Бэнем и умом, и талантами. Как-то он поделился своими мыслями с Фу, и тот сказал:

— Я знаю такого. Это мой племянник Ши Линъюнь. Он наверняка не уступит Пуюю. Вот только нрава он весьма скверного — плохо ладит с людьми.

И надо же быть такому везению! Этот самый Ши Линъюнь нынче оказался прямо возле его дома. Поэтому-то Чжэнь Гуан и расщедрился так, ничего не жалел для дорогого гостя. Что же до Ши Линъюня, то, как вы уже знаете, он сразу почувствовал неприязнь к Чжэнь Гуану, ибо понял, что никакой он не ученый. Но делать нечего, пришлось выпить. Ли Сяньчжан между тем похваливал Чжэнь Гуана, уверяя, что он ничуть не хуже господина Пуюя. Ши Линъюнь же, захмелев, поверил его словам, и на него вдруг нашло вдохновение.

— Я человек маленький, но как и вы, уважаемый брат, смею считать себя поэтом. Мы друг к другу относимся с уважением, вместе пьем вино, так неплохо бы прямо сейчас заняться стихами.

Чжэнь Гуану самому хотелось блеснуть своими талантами, и он, не задумываясь, ответил:

— Какой же может быть пир без стихов, если собрались вместе ученые мужи! Да их после этого и учеными не назовешь!

Он кликнул слуг и приказал им принести четыре драгоценности для занятия литературой.

— Лист бумаги или кусок шелка чересчур малы, чтобы выразить на них всю широту мыслей, поэтому самое лучшее — писать прямо на стене, — сказал он.

Ши Линъюнь не возразил:

— На стене, так на стене. Только давай вначале выберем темы. Рифмовать будем слова, а не строфы, так интересней. А у кого не получится, тому пить штрафной кубок. Идет?

Чжэнь Гуан понял, что отвергнется ему не удастся, придется и вправду взяться за кисть, и струсил. Но отпираться было поздно, и он сказал:

— Согласен, начинай ты, а я пока подумаю. Что-то мне ни одна рифма не приходит на ум.

Ши Линъюнь взял кисть, обмакнул в тушь и написал:

Весенним днем шел по городу, искал друга
и вдруг встретился с братом Восемь Кленов.
Стихи, сложенные за бокалом вина.

И дальше:

Иду на голоса гусей, следую за ними.

Он отдал кисть Чжэнь Гуану и промолвил:

— Теперь твоя очередь, уважаемый брат.

— Не спорю, — ответил Чжэнь Гуан, — но первую строку нетрудно написать, а дальше — руки опускаются и мысли путаются. Дойдешь до середины, тогда уж я, твой младший брат, придумаю строку.

Ши Линъюнь снова взялся за кисть и написал еще две строки:

Искал друга в городе, а он оказался за городом.
Если бокал переполнен, не могу говорить.

Написал и снова протянул кисть Чжэнь Гуану.

— Теперь, брат, твоя строка.

Чжэнь Гуан взял кисть и стал озираться по сторонам. Ши Линъюнь сказал:

— Слишком долго: штраф.

Чжэнь Гуан возразил:

— Вот слова «цветок, птица, гора, река» — рифмуются легко. А «большой» и «маленький» — труднее. Так что придется пить штрафной бокал.

— Не один, а три, — сказал Ши Линъюнь.

— Пусть три, — согласился Чжэнь Гуан, — увидим, что у тебя, старший брат, получится.

Ши Линъюнь написал еще две строки:

Встретил остроумие и не приемлю тупость,
Словно колеблющиеся цветы, развеселились гости.

Чжэнь Гуан принялся расхваливать стихи.

— Прекрасно! Великолепно! Я целых полчаса думал и ничего не придумал. Вот что значит настоящий талант!

Ши Линъюнь с усмешкой сказал:

— Что может быть хорошего в написанных наспех стихах? Брат говорил, что слово «цветок» легче рифмуется, вот я его и написал. Теперь дело за тобой.

— «Цветок» — это хорошо, а что делать с «веселыми гостями», как к ним подобрать рифму? Но пить я все равно больше не буду.

— В таком случае пусть брат Ли выпьет три штрафных бокала. Так что сам пиши до конца стихи.

— Меня-то за что штрафовать? — удивился Ли Сяньчжан.

— Знаю за что, — сказал Ши Линъюнь, — лучше сейчас пей, а то добавлю еще, когда закончу стихи!

Пришлось Ли Сяньчжану выпить три бокала подряд. А Ши Линъюнь написал еще три строки:

Птица ночью вроде спит, но голос вороны слышен.

Строки в стихе надо по очереди сочинять,

Но все неоконченные слова дописал лишь один поэт.

После этого Ши Линъюнь отбросил кисть, рассмеялся и со словами «Кажется, мы здесь уже надоели» направился к выходу. Но Чжэнь Гуан преградил ему путь:

— Рано еще. Стихи я писать не умею, зато вином могу угощать без конца. Не уходите, останьтесь!

— Если хозяин не считает себя поэтом, — промолвил Ши Линъюнь, — зачем же нам зря пить его вино?

Ли Сяньчжан возразил:

— Но хозяин так радушен!

— Раз я решил уйти, значит уйду, — заявил Ши Линъюнь, махнул рукавом и вышел.

Чжэнь Гуану стало неловко. Вместе с Ли Сяньчжаном они побежали было за гостем, но тот был уже у городских ворот.

Чжэнь то краснел, то бледнел, и Ли Сяньчжану стало его жаль.

— Ши Линъюнь, конечно, наделен кое-какими способностями, но слишком уж высокомерен, особенно когда выпьет.

Тут Чжэнь Гуан злобно прошипел:

— Он — низкое животное, никаких приличий не понимает. Вон как о себе возомнил. А все из-за тебя! Зачем ты якшаешься с этой скотиной? Да еще ко мне в дом его притащил?

Ли Сяньчжан не стал спорить и сказал:

— Да, это я во всем виноват.

А Чжэнь Гуан, распалившись, закричал:

— Ты что, издеваешься надо мной?! Думаешь, меня трогает, что ты водишь с ним дружбу? Да мне наплевать! Несешь всякий вздор, а еще считаешь себя поэтом!

Чжэнь был основательно пьян, он размахивал руками, брызгал слюной, а потом, засучив рукава, бросился на Ли Сяньчжана с кулаками. Тот попятился и, оказавшись прижатым к стене, завопил.

Из дома выбежал мальчик и крикнул:

— Идите быстрее! Госпожа зовет.

Кулак у Чжэнь Гуана разжался, он заткнул уши и поплелся домой. А Ли Сяньчжан быстро зашагал к городским воротам. Сердце у него бешено колотилось, и в то же время его разбирал смех. Когда он добрался до Сада уединения, Пуюй уже поджидал его возле калитки, и они вместе вошли в дом. Пуюй сразу заметил, что Ли Сяньчжан чем-то встревожен — лицо его было серо-землистого цвета.

— А что, Ши Линъюнь снова не смог прийти?

Ли Сяньчжан махнул рукой, мол, долго рассказывать, и лишь после чая объяснил все подробно. Пуюй слушал, смеялся и то и дело задавал вопросы. Ли Сяньчжан тоже не мог сдержать смеха. Напоследок он прочел стихи Ши Линъюня, которые Пуюю очень понравились.

— А он, я смотрю, настоящий поэт, — промолвил Пуюй. — Так что я непременно должен с ним встретиться. Придется вам снова за ним пойти.

Ли Сяньчжан покачал головой и, прикрыв глаза, произнес:

— Ши Линъюнь — человек особенный. Он и так не хотел идти, а после такого скандала слушать об этом не пожелает. Тем более что я хвалил Чжэнь Восемь Кленов, говорил, что он вам не уступит. Вот он теперь и думает, что вы такой же, как Чжэнь.

— Значит, я никогда не увижу этого ученого человека? — сказал, приуныв, Пуюй. — Тогда я сделаю по-другому. Пойду к нему сам!

— Бесполезно, — ответил Сяньчжан, — он спрячется и не выйдет.

— Его стихи лишили меня покоя, и я все равно буду мечтать о встрече. Как же быть?

Ли Сяньчжан сдвинул брови, подумал и произнес:

— Придется хитростью его заманить, раз уж вам неймется. Есть у меня один план.

И он прошептал что-то Пуюю на ухо. Пуюй улыбнулся и закивал головой. Затем кликнул слуг и приказал им быть наготове.

Ши Линъюнь между тем, покинув дом Чжана, ругал про себя незадачливого хозяина, досадовал на Сяньчжана, да и на себя тоже. Поделом ему, нечего было соглашаться на уговоры. Нет, больше он не даст себя так легко провести, ни к каким богачам не пойдет в гости. Среди них не найдешь друга по кисти. А станешь искать, уподобишься тем, для кого книга — мусор. Он добрался до дома, запер дверь, углубился в книги и зарекся выходить за порог.

Наступила весна. Все длиннее становились дни. Теплый ветер ласкал лицо, распахивал окна и двери. Неожиданно к Ши Линъюню пожаловал гость.

Это был Юйхэ. Они поздоровались, сели, завели разговор.

— Не навещал вас больше господин Ли, тот самый, с которым я в тот раз вас видел?

— Как же, приходил, — с улыбкой ответил Ши Линъюнь, — стоит вспомнить, смех разбирает!

— Чем же это он вас так насмешил? — поинтересовался Юйхэ.

Ши Линъюнь рассказал, как они были в гостях у Чжэнь Гуана и тот не смог придумать ни строчки. Затем добавил, смеясь:

— Бедняга Ли Сяньчжан совсем не разбирается в людях, потому и поверил, что Чжэнь Гуан поэт. Живет он по соседству с молодым Бэнем и говорит, что тот настоящий ученый. Ли, кого ни увидит, всех в ученые записывает.

— Неужели? — удивился Юйхэ. — Впрочем, ничего странного. Такие, как он, неучи всегда примазываются к богатым да знатным. По дороге сюда я видел, как он вместе с одним талантливым юношей слушал пение иволги в зале Десяти тысяч ив. Хочет быть похожим на учителя Пяти ив, Тао Юаньмина. Ни стыда, ни совести. На любые хитрости идет, только бы быть рядом со знатными людьми.

Ши Линъюнь давно слышал о прекрасной иволге из зала Десяти тысяч ив, и ему очень захотелось туда пойти.

— А далеко это отсюда? — спросил Ши Линъюнь.

— Ли три, ну, самое большое четыре, если идти на северо-восток. Хотите, можем пойти. Послушаем иволгу, а заодно посмотрим, кого сейчас обхаживает Ли Сяньчжан, какую еще себе выбрал жертву. По крайней мере посмеемся. А начнет увиливать, ткнем в него пальцем. Согласны?

Ши Линъюнь кивнул головой, и они покинули дом. Всю дорогу, пока шли вдоль дамбы, разговаривали, смеялись. Наконец показалась ивовая роща, окутанная синей утренней дымкой. Деревья росли то гуще, то реже, то спускались к самой воде, то лепились к скалам. Посреди рощи стояла беседка в ограде из красных и белых камней. На них можно было сидеть. Каждую весну в погожие дни здесь пела иволга, голос ее был нежным, как шелк, слушателей собиралось, словно торговцев в базарный день.

В тени деревьев расставили столы. Слуга веером раздувал в очаге огонь, готовил чай. Девушки подавали еду и пели. Им аккомпанировали на музыкальных инструментах мальчишки-слуги.

Когда Юйхэ с Ши Линъюнем подошли к беседке, с той стороны, где поменьше народу, веселье было в самом разгаре. За столом в центре зала сидел Ли Сяньчжан рядом с каким-то юношей, они пили вино. Два места рядом оставались свободными, видимо, они кого-то ждали. Ши Линъюнь встал в сторонке и принялся за ними наблюдать. Ли Сяньчжан то и дело подливал вина своему собеседнику. Очень скоро тот захмелел, приказал слугам подать тушь и кисти и на стене крупными иероглифами написал:

Золотые нити протянулись с небес.

Дальняя синева леса сливается с небом.

Весенний послушный ветер знает ли дорогу?

Голос звонкий иволги принес ветер к столу.

Ши Линъюнь возрадовался и подумал: «Этот юноша наверняка талантлив. Иначе зачем ему понадобились бы кисть, тушь, да и вообще вся эта красота?»

К Пуюю подошли девушки, раскатали перед ним лист бумаги и попросили что-нибудь написать. Пуюй охотно согласился, обмакнул кисть в тушь, взглянул на девушек и принялся за дело. Кончив писать, улыбнулся, отбросил кисть. Девушки с поклоном взяли написанное, а поскольку тушь еще не просохла, расстелили лист возле беседки на пустом столе. К столу стали подходить люди, читали стихи.

Ши Линъюнь, воспользовавшись случаем, тоже подошел и увидел, что это восьмистишие по пять слов в каждой строке.

— Прекрасные стихи! — воскликнул Ши Линъюнь. — Замечательные! Их написал настоящий поэт!

Ли Сяньчжан и юноша даже не обернулись, будто не слышали, продолжая пить вино и играть «в пальцы». Юйхэ дернул Ши Линъюня за рукав:

— Хватит вам возносить хвалы, ведь Ли Сяньчжан станет смеяться, если услышит!

— Я должен выразить этому юноше свой восторг, — ответил Ши Линъюнь. — Его стихи поражают красотой и свежестью. Кстати, кто он такой?

— Вы преувеличиваете, — возразил Юйхэ — Вряд ли стоит восторгаться его стихами!

— Я зря не похвалю. Что хорошо, то хорошо. Стихи действительно прекрасны. И нечего меня одергивать.

— Вы уверены, что это истинная поэзия? Что в ней есть нечто новое, оригинальное?

— Стихи и по форме, и по содержанию совершенны, в них сокрыта глубокая мысль. Зачем же называть их старыми и фальшивыми?

— А я сейчас проверю.

— Каким образом? — поинтересовался Ши Линъюнь.

— У меня есть способ, — ответил Юйхэ и позвал Цинфэн, одну из певиц, которую хорошо знал.

— По-моему, этот юноша очень талантлив, — промолвил Юйхэ и, протягивая девушке веер, добавил: — Передай ему, пусть что-нибудь нам напишет на память.

— Хорошо, господин Юй, сейчас передам, — с готовностью ответила девушка.

Юйхэ достал из футляра белый шелковый веер и обратился к Ши Линъюню:

— Придумайте тему.

— Пусть напишет о певицах.

Цинфэн взяла веер, пошла в беседку и, с улыбкой передав его Пуюю, церемонно сказала:

— Господин просит написать стихи на этом прекрасном веере.

— А тему он выбрал? — тоже с улыбкой спросил юноша. — О чем писать?

— Наша жизнь — в музыке и танцах, — отвечала Цинфэн. — Поэтому напишите такие стихи, господин, которые можно положить на музыку.

Она взяла у Пуюя веер, развернула его на столе. Юноша, слегка склонив голову, взял в руки кисть. Цинфэн стала растирать тушь. Прошло совсем немного времени, и стихи были готовы. Пуюй их перечитал и отдал веер Цинфэн.

Цинфэн поклонилась с улыбкой и заспешила обратно. Она спустилась с галереи, скрылась на мгновение из виду, а потом появилась рядом с Юйхэ. Вручив ему веер, она сказала:

— Прочтите, господин Юй! Хорошо получилось? Ши Линъюнь взял у Юйхэ веер и стал читать:

Низкие звуки коротки и часты, высокие звуки протяжны,
Различные ноты сменяют друг друга и звучат
Слова то ясно, то глухо, стыннут жемчужные зубки,
Фразы вырываются из вишневых губ, источают аромат.
Нежные ветви весенних ив плывут в прекрасном саду,
Алые листья осенних кленов падают в извивающуюся реку.
Журчание горного источника сливается с новой мелодией песни.
Голуби и ласточки кувыркаются в облаках, пытаюсь поймать прекрасный звук.

Прочитав, Ши Линъюнь не смог скрыть своего восторга:

— Я всегда говорил, — вскричал он, — что истинный поэт — это мудрость! Нет, я во что бы то ни стало должен с ним познакомиться! А вы как хотите!

— Но удобно ли к ним подойти?

— О, это пустяки. Я сейчас позову старину Ли и обо всем договорюсь. Дядюшка Ли, приветствую вас! — громко крикнул несколько раз Ши Линъюнь.

Но Ли Сяньчжан даже не шелохнулся, словно оглох, продолжая оживленно беседовать с юношей.

Тогда Ши Линъюнь подошел ближе и снова крикнул:

— Почтенный Ли! Вы что, не признали меня? Я — Ши Линъюнь!

Ли Сяньчжан как раз налил себе вина и склонился над бокалом так низко, что едва не угодил в него носом — где уж ему было что-нибудь слышать!

Ши Линъюнь не переставал его звать, а Ли не переставал пить, пока не уснул, уронив голову на стол.

Сколько ни кричал Ши Линъюнь, все было бесполезно. С трудом увел его Юйхэ в сторону и стал стыдить:

— Вспомни, что ты недавно говорил! А сейчас сам ведешь себя неприлично! Не пойму, что с тобой?

Ши Линъюню стало неловко, но отступать он не собирался. Ведь перед ним был настоящий поэт. Шлепнув Юйхэ по руке, он размашистым шагом направился к беседке.

*Перевод со старомонгольского
Л. Г. Скородумовой*

Монгольские народные сказки

DOI 10.25882/t645-wt84

Монгольская волшебная сказка

Мальчик по имени Хурэл

Перевод сказки «Хурэл хүү» из издания: Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгэж, удиртгал, тайлбар бичив, профессор А. Лувсандэндэв редакторлав (Монгольские народные сказки / составитель, автор введения и примечаний Д. Цэрэнсодном; редактор проф. А. Лувсандэндэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. С. 133—138.

Давным-давно жил на свете один хаган. Говорят, были у этого хагана старик-цирюльник и старик-водонос и оба не имели детей. Каждый вечер просил старик-водонос у бурхана: «Соизволь подарить ребёнка!» И вот однажды забрел в город сирота, который питался ягодами и овощами, и услышал, оказавшись снаружи юрты, как старик-водонос молится бурхану. И он сказал голосом бурхана:

— Завтра с первыми лучами солнца со стороны восхода к вам придет мальчик по имени Хурэл с корзиной, полной ягод. Этого мальчика вам посылает бурхан.

Старик обрадовался и стал воздавать почести бурхану. Услышав это, мальчик пошел на гору, набрал там ягод и утром, как и обещал, пришел с корзиной, полной ягод, говорят. Старик со старухой радостно встретили его. По городу прошел слух, что старику-водоносу бурхан подарил ребенка. Старик со старухой очень любили своего сына, мальчик по имени Хурэл стал им хорошим помощником по хозяйству.

Неожиданно жена хагана тяжело заболела и слегла в постель. И каждый вечер на севере города начал вспыхивать пожар. Люди, которых хаган посылал узнать, отчего загорается этот огонь, безвозвратно исчезали.

И жил в том городе цирюльник, который завидовал тому, что у водоноса появился сын. Он отправился к хагану и сказал ему:

— Государь! Вы, конечно, слышали, что водоносу ниспослан сын бурханом. Посланный бурханом ребенок, думаю, сможет найти причину возникновения пожара.

Хаган согласился с ним и призвал к себе мальчика по имени Хурэл и повелел:

— Ну, Хурэл, отправляйся завтра вечером и посмотри, отчего возникают пожары! Пожары стали вспыхивать после того, как заболела моя ханша.

Мальчик по имени Хурэл опечалился, возвратился к своему отцу и все ему рассказал.

— Ну, что же делать, сын мой, обязательно сходи и посмотри, — сказал старик-водонос. — Беспокоиться не о чем, но подходить спереди к нему не следует. Обойди огонь сзади, как можно дальше, и подойди к нему! — сказав это, он открыл сундук с бурханом, достал маленький топорик и отдал мальчику.

— Это тебе пригодится! — сказал он.

Когда следующим вечером мальчик Хурэл увидел, что возник пожар, он обошел огонь сзади так, как ему посоветовал отец. Он заметил, как высокий чёрный незнакомец, разгребая золу, разжигает огонь и бросает горсти золы в сторону дворца хагана.

— Зарублю! — решил мальчик по имени Хурэл. Он ударил высокого чёрного человека своим топором, и тот исчез. В темноте он нащупал рукой куртку, привязал её к топору и пошёл домой. Старик со старухой радостно встретили своего сына, который вернулся домой невредимым. Наутро он посмотрел, а куртка-то сделана из такого красивого шёлка, что не сыскать во всём ханстве. Взял мальчик по имени Хурэл куртку, отправился на аудиенцию к хагану, рассказал ему всё как было и подарил куртку. Сильно обрадовался хаган и богато одарил мальчика по имени Хурэл сокровищами из своей казны. Тогда пуще прежнего возненавидел старик-цирюльник сына старика-водоноса и стал думать, как его известить. Ханша же с той ночи стала поправляться и выздоровела.

Однажды пришёл злокозненный старик-цирюльник к хагану и сказал ему:

— Такого шёлка, из которого сделана куртка, принесённая сыном водоноса, нет в нашем царстве. Государь, ежели Вы отправите мальчика по имени Хурэл найти такой шёлк, то он, наверняка, сможет отыскать его.

Услышав эти слова, хаган согласился и позвал мальчика по имени Хурэл. Когда мальчик по имени Хурэл явился пред монаршие очи, хаган приказал ему:

— Мальчик по имени Хурэл! Раздобудь для меня шёлк, из которого сделана эта куртка! Если раздобу-

дешь, богато одарю тебя! Если не раздобудешь, отрублю тебе голову!

Мальчик по имени Хурэл взял куртку, чтобы найти такой же шёлк, и пошёл. Когда он пришёл домой и рассказал обо всём старику-водоносу со старухой, то они сильно опечалились, запрягли своего единственного желтого быка в телегу и отправили своего сына в дорогу. Мальчик по имени Хурэл завернул в куртку свой топор и отправился, так говорят.

Ехал мальчик по имени Хурэл, ехал, миновал несколько государств и добрался до одного ханства. Ханша тамошнего хагана была на грани смерти. Он услышал, что людей, которые ночью охраняли её покой, наутро находили мёртвыми. Услышав об этом, мальчик по имени Хурэл попросил хагана:

— Разрешите, я ночью буду охранять вашу ханшу.

Хаган с радостью согласился с тем, кто сам идёт на смерть. Когда мальчик вошёл в юрту, в которой находилась большая ханша, то увидел, что там была расставлена различная еда: сладости, фрукты, водка, вино и всяческие другие вкусности. Мальчика ввели в юрту, а снаружи заперли на замок. Мальчик по имени Хурэл попробовал яства каждого вида и наелся до отвала. Когда настала полночь, он погасил лампы и, взяв свой топор, спрятался за дверь. После полуночи в юрту внезапно вошёл человек и сказал:

— Зарублю мальчика по имени Хурэл! Зарубив, украду у него одну вещь!

И неожиданно упал. Когда мальчик зажжёт свет, то увидит кусочек красной меди. Когда он взял медь и показал её ханше, она громко застонала. Но вскоре ей стало лучше. Она уснула. Когда люди пришли, чтобы забрать труп человека, который ночью охранял ханшу, то мальчик по имени Хурэл закричал:

— Откройте мне двери и выпустите меня из юрты.

— Что это ещё за ужасный черт? Как быстро чужеземец превратился в призрака, — стали шептаться люди между собой.

— Какой ещё призрак! — закричал мальчик по имени Хурэл, услышав эти слова. — Я живой человек. Откройте двери!

Люди открыли двери и сильно удивились тому, что чужеземец пережил эту ночь. Услышав об этом, хаган очень удивился, сам пошел в юрту, встретился с мальчиком и подробно расспросил его, как ему удалось пережить ночь. Ханше стало лучше и лицо её зарумянилось. Мальчик рассказал хагану о том, что произошло ночью, и предложил присмотреть в течение нескольких дней за его ханшей. Государь с радостью согласился. Через три дня ханша поправилась, и мальчик стал собираться в путь. Но хаган сказал:

— Не позволю уйти такому благодетельному мальчику! Живи вместе с моей дочерью, подели со мной богатство.

Тогда мальчик по имени Хурэл рассказал, что он идёт искать по приказу своего хагана особый вид шёлка, и что сейчас ему кроме этого шёлка ничего не нужно. Такого шёлка в том государстве не оказалось.

— В благодарность за спасение моей ханши я обязательно подарю тебе свою дочь, — сказал хаган.

Тогда мальчик по имени Хурэл сказал, что заберёт дочку на обратном пути, и отправился в путь. Шёл он, шёл и пришел в город ещё одного хагана. Когда он вошёл в юрту, находившуюся на самом северо-восточном краю города, то увидел там симпатичную девушку, так говорят. Мальчик поздоровался с ней, а девушка угостила его чаем, так говорят. Она поставила перед ним еду и вышла. Когда вскоре она снова вернулась, мальчик по имени Хурэл спросил её:

— Отчего ты постоянноходишь и выходишь?

— Мой муж боится, что сегодня придёт один очень страшный человек по имени Хурэл. Один раз, когда он собирался захватить ханшу одного хагана, тот лишил его куртки. Когда он собирался взять ханшу другого хагана, тот лишил его меди. Муж просил, чтобы я позвала его, когда придёт этот Хурэл. По его указанию я ходила звать его.

В этот момент послышался конский топот, словно приехало много людей.

— Аа, ты приехал, наконец-то! — грозно сказал мальчик по имени Хурэл из юрты. — А мальчик по имени Хурэл сидит здесь и ждёт тебя, держа в руках свой топор.

В этот момент раздался звук, словно бы все повернули вспять. Когда девушка вышла посмотреть, то увидела, что они все уехали.

— Он действительно очень боялся Вас. А особенно боялся этого Вашего топора. Теперь он не вернется. Я была взята этим человеком силой. Теперь я от Вас ни на шаг, возьмите меня в жёны, — попросила девушка.

Тогда он достал свою куртку и спросил: «Может быть, у вас есть такой шёлк?» И увидел, что у неё целая телега такого шёлка, так говорят. Исполнив своё предназначение, мальчик по имени Хурэл навьючил несколько телег шёлка, а девушка достала из своего сундука маленькую золотую коробочку, так говорят. Отправились они вместе и приехали к тому хагану, который отдавал ему свою дочь. Он подарил одну телегу прекрасного шёлка тому хагану, взял его дочь и поехал дальше. Хаган, чтобы собрать приданое для своей дочери, велел приготовить много скота и вещей и отправил все это вместе с людьми, так говорят. Когда мальчик прибыл домой, исполнив своё задание, да ещё вместе с двумя прекрасными жёнами, то его старик со старухой не чуяли под собой ног от радости. На следующий день мальчик отправился на аудиенцию к своему хагану и отдал ему шёлк, хаган очень обрадовался и богато наградил его. Мальчик по имени Хурэл, став очень богатым, жил счастливо и спокойно. От этого старик-цирюльник разозлился ещё пуще, стал дальше думать, как ему известить мальчика по имени Хурэл, и, придумав одну хитрость, отправился к хагану.

— Мальчик по имени Хурэл старику-водоносу действительно послан бурханом, — сказал он, — поэтому для нашего государства будет весьма полезно, если Вы установите связи с Тенгри-хаганом, отправив ему письмо с этим мальчиком.

Хаган обрадовался этому и спросил, каким же образом отправить это письмо. На это старик-цирюльник ответил:

— Очень просто. Соберите десять казахских телег хвороста, сверху поместите десять казахских телег масла и, вручив мальчику по имени Хурэл письмо, толкните его в огонь. На крыльях дыма, который будет выходить из огня, он перенесется к Тенгри-хагану.

Хаган призвал мальчика по имени Хурэл и приказал ему:

— Мальчик по имени Хурэл, отправляйся с моим письмом к Тенгри-хагану и возвращайся с ответом.

Когда мальчик по имени Хурэл спросил, каким образом ему попасть к Тенгри-хагану, хаган ответил так:

— Очень просто. Соберем десять казахских телег хвороста, сверху поместим десять казахских телег масла и отправим тебя на вершину, вручив тебе письмо. Когда хворост загорится, то на крыльях возникшего дыма ты перенесешься к Тенгри-хагану, — молвил он. — Через три дня мы приготовим письмо.

Мальчик понял, что не избежать ему смерти, приуныл и отправился домой. Дома он пересказал хаганский приказ своим женам, старику и старухе. Все они опечалились и долго удивлялись глупости хагана. Только жена с золотой коробочкой была спокойна.

— Сделай так, как я скажу — сказала она.

Когда через три дня настало время отправлять письмо, она отдала свою золотую коробочку мальчику по имени Хурэл со словами:

— Когда ты почувствуешь запах дыма, открой наполовину эту коробочку. И ты беспрепятственно попадешь к Тенгри-хагану.

Собралось народу тьма, чтобы посмотреть на испосланного бурханом мальчика по имени Хурэл, который собирался доставить письмо Тенгри-хагану. Некоторые удивлялись, а некоторые поговаривали, что он сгорит дотла. Среди этой толпы находился зловредный старик-цирюльник, с нетерпением ожидавший, как будет гореть в огне сын старика-водоноса. Когда дым повалил клубами, его толкнули в костер. Мальчик по имени Хурэл, согласно указаниям жены приоткрыл наполовину золотую коробочку. Он почувствовал запах дыма и упал в обморок. А когда пришёл в себя, то оказалось, что он лежит на улице около своей юрты, так говорят. Рядом стояли две его жены и улыбались.

— Ну что, мальчик по имени Хурэл, съездил ли ты к Тенгри-хагану? — спросили они.

Мальчик по имени Хурэл сказал им, что ещё ничего не понял. Тогда жена с золотой коробочкой ответила:

— Старик-цирюльник вашего хагана завидовал тому, что у старика-водоноса появился сын, и долгое время думал, как бы тебя известить. На этот раз он посоветовал хагану сжечь тебя. От этого тебя спасла моя золотая коробочка. Теперь сделаем вид, что ты побывал у Тенгри-хагана и принес от него ответ. Завтра сходи к хагану и отдай ему это письмо!

И написала она золотыми буквами такое письмо:

«Хаган, я очень обрадовался, получив от Вас письмо. С этого дня Вы — мой младший брат. Мой дорогой младший брат, нам очень необходим Ваш старик-цирюльник. Поскольку у нас здесь нет цирюльников, то мы все обросли волосами. Было бы хорошо их срочно подстричь. Тенгри-хаган» — и скрепила его печатью с золотыми буквами.

Хаган сильно удивился и обрадовался, когда на следующий день мальчик отдал ему это письмо. Он богато одарил мальчика по имени Хурэл, призвал старика-цирюльника и так приказал ему:

— Мальчик по имени Хурэл доставил моё письмо Тенгри-хагану и вернулся с ответом. Мы с Тенгри-хаганом стали побратимами. В ханстве Тенгри-хагана нет цирюльника, им срочно нужно подстричь волосы. Он попросил меня прислать цирюльника. Так что ты завтра отправишься к Тенгри-хагану. Тебе выпала большая честь отправиться к Тенгри-хагану.

Старик-цирюльник пришёл в замешательство и спросил:

— Как мне отправиться к тому хагану?

— Ты же сам рассказал мне способ, как попасть туда. Точи свою бритву к поездке! — приказал ему хаган.

На следующий день собралась тьма народу, чтобы посмотреть на старика-цирюльника, который отправится подстричь волосы Тенгри-хагану. Среди них был и мальчик по имени Хурэл вместе со стариком, старухой и обеими своими жёнами. Они пришли посмотреть, как сгорит в огне злокозненный старик-цирюльник. Вручив старику-цирюльнику нож, его втолкнули в костер, как только на дровах появилось пламя и возникли клубы дыма. Злокозненный старик-цирюльник, плача, сгорел в огне.

ДВЕ МОНГОЛЬСКИЕ КУМУЛЯТИВНЫЕ СКАЗКИ

Глупый волк

Перевод сказки «Тэнэг чөнө» из издания: Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгээж, удиртгал, тайлбар бичив, профессор А. Лувсандэндэв редакторлав (Монгольские народные сказки / составитель, автор введения и примечаний Д. Цэрэнсодном; редактор проф. А. Лувсандэндэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. С. 50—51.

Давным-давно шел один волк по дороге. На той дороге лежала колбаса. Волк увидел ее и захотел съесть, но колбаса сказала:

— Волк, не ешь меня. На севере в грязи валяется кобылица. Может, лучше пойдешь туда и съешь ее?

Волк поддался уговорам колбасы и когда отправился в то место, куда указала колбаса, то действительно увидел, что в грязи валялась толстая молодая кобылица. Он решил ее съесть, но лошадь сказала:

— Господин волк, если вы собираетесь меня съесть, то сначала вытащите меня из пыли, а потом и ешьте.

Он отряхнул ее от пыли, как она и просила, но та опять произнесла:

— Не стоит есть меня такую грязную, сначала отмойте меня от грязи, а потом и ешьте.

Как она его и попросила, Волк облизал ее своим языком. Тогда она снова сказала:

— У меня на копыте задней ноги написаны слова. Прочтите их мне и съешьте меня.

Но как только волк оглянулся, чтобы прочитать, что написано на копыте, лошадь ударила его ногой по затылку и ускакала. Волк упал без сознания.

Когда же он пришел в себя, то кобылицы уже и след простыл. И пошел он, обнюхивая каждый куст и шатаясь, от бугорка к бугорку. К счастью, на одном перевале он встретил двухгодовалого теленка. Волк приблизился к теленку, чтобы съесть его, но тот ответил ему:

— Если Вы будете употреблять меня в пищу здесь, на перевале, то увидят люди. Заведите меня в овраг и там ешьте. Господин волк, Вы устали, садитесь мне на спину и поезжайте.

Волк залез на теленка, голова его склонилась, и он заснул, так говорят. Так волк ехал с закрытыми глазами. Теленок же привез волка к одному айлу. Люди выбежали из айла и стали гнать волка. Только и успел волк напоследок поплакать.

Семидесятилетний старик

Перевод сказки «Далантай өвгөн» из издания: Монгол ардын үлгэр. Д. Цэрэнсодном эмхтгээж, удиртгал, тайлбар бичив, профессор А. Лувсандэндэв редакторлав (Монгольские народные сказки / составитель, автор введения и примечаний Д. Цэрэнсодном; редактор проф. А. Лувсандэндэв). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. С. 250.

Остановился однажды Семидесятилетний старик, у которого было семьдесят красных коров и бык с кривыми рогами, на водопой, чтобы напоить своих семьдесят коров. Но вдруг, говорят, пришел пятнадцатиголовый мангас-костолом и спросил: «Любишь ли ты своих семьдесят коров, любишь ли ты своего быка с кривыми рогами или же ты любишь свое брюхо с семьюдесятью складками?» Семидесятилетний старик ответил:

— Я люблю своих семьдесят коров и своего криворогого быка, так что ешь мое брюхо с семьюдесятью складками. Но мое брюхо в семьдесят складок может взять только бритва Тонтий-гуая.

Мангас отправился к Тонтий-гуаю и сказал:

— Дай мне свою бритву.

— Мою бритву нельзя наточить ничем, кроме точильного камня Бинтий-гуая, — сказал Тонтий-гуай.

Мангас отправился к Бинтий-гуаю и сказал:

— Дай мне свой точильный камень.

— Мой точильный камень нельзя увезти ни на чем, кроме одноколки Хантий-гуая.

Мангас отправился к Хантий-гуаю и сказал:

— Хантий-гуай, дай мне свою одноколку.

— Мою одноколку не может увезти никто, кроме большого белого жеребенка Тантий-гуая, — сказал Хантий-гуай.

Мангас отправился к Тантий-гуаю и сказал:

— Тантий-гуай, дай мне своего большого белого жеребенка.

— Моего жеребенка не поймать ничем, кроме длинной урги Унтий-гуая, — сказал Тантий-гуай.

Мангас отправился к нему и сказал:

— Унтий-гуай, дай мне свою длинную ургу.

— Моя длинная урга находится на дальнем берегу внешнего моря, — сказал Унтий-гуай.

— Как туда попасть? — спросил мангас.

— Привяжи к шее большой камень и иди по воде, — сказал Унтий-гуай.

Мангас поступил таким образом и, пойдя по океану, утонул. Все они были братьями Семидесятилетнего старика и, вместе победив врага, зажили счастливо.

Перевод с монгольского Д. А. Носова

Информация об авторах

Алексеев Кирилл Всеволодович — преподаватель-практик кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Санкт-Петербург.

kvalexeev@gmail.com

Амоголонова Дарима Дашиевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ.

amog@inbox.ru

Басангова Тамара Горяевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН. Элиста.

basangova49@yandex.ru

Бикмаева Карина Игоревна — магистрант ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва.

karina.bikmaeva@mail.ru

Борлыкова Босха Халгаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН. Элиста.

borlboskha@mail.ru

Ермакова Татьяна Викторовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.

taersu@yandex.ru

Жабаева Лариса Будаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Улан-Удэ.

vsgtuhistory@mail.ru

Жуков Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

gratis2002@inbox.ru

Зорин Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов ИВР РАН. Санкт-Петербург.

kawi@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, зав. сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.

kulgan@inbox.ru

Меняев Бадма Викторович — младший научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН. Элиста.

bmeyaev@mail.ru

Носов Дмитрий Алексеевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.

dnosov@mail.ru

Островская Елена Петровна — доктор философских наук, зав. сектором Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург.

ost-alex@yandex.ru

Петрова Мария Павловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ.

m.p.petrova@spbu.ru

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, доцент, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой теории и истории права и государства. Санкт-Петербург.

gorot@mail.ru

Скородумова Лидия Григорьевна — доктор филологических наук, профессор Института восточных культур и античности РГГУ. Москва.

lidiaskorodumova@yandex.ru

Скрынникова, Татьяна Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Центральной и Южной Азии ИВР РАН

skryta999@mail.ru

Церенов Василий Зулкаевич — писатель, член Союза писателей Калмыкии. Элиста.

sprprav@mail.ru

Information about the authors

Alekseev Kirill Vsevolodovitch — practical teacher. Department of Mongolian Studies and Tibetology, Faculty of Asian and African Studies, SPSU. Saint-Petersburg, Russia.

kvalexeev@gmail.com

Amogolonova Darima Dashievna — Dr. Sc. (History), Leading Researcher of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the SB RAS. Ulan-Ude.

amog@inbox.ru

Basangova Tamara Goryaevna — Dr. Sc. (Philology), Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov.

basangova49@yandex.ru

Bikmaeva Karina Igorevna — Master's student at Lomonosov Moscow State University.

karina.bikmaeva@mail.ru

Borlykova Boshka Khalgaevna — Ph.D (Philology), junior researcher, Department of Mongolian Philology of the Kalmyk Scientific Center RAS.

borlboskha@mail.ru

Ermakova Tatiana V. — Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of the Central and South Asia, IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

taersu@yandex.ru

Kulganek Irina Vladimirovna — Dr. Sc. (Philology). Head of the Section of Central Asian Studies at the IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

kulgan@inbox.ru

Menyaev Badma Viktorovich — Junior researcher, Department of Mongolian Philology of the Kalmyk Scientific Center RAS.

bmeyaev@mail.ru

Nosov Dmitrii Alekseevitch — Cand. Sc. (Philology), Researcher, Sector of Central Asia, Department of Central and Southern Asia IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

dnosov@mail.ru

Ostrovskaya Helena P. — Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher, Head of the South Asian Section of the De-

partment of Central and South Asia Studies, IOM RAS. Saint-Petersburg, Russia.

ost-alex@yandex.ru

Petrova Maria P. — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Department of Mongolian Studies and Tibetology, Faculty of Asian and African Studies, SPbSU.

m.p.petrova@spbu.ru

Pochekaev Roman Yu. — Cand. Sc. (Law), Associate professor, professor of the National Research University Higher School of Economics, head of the Department of theory and history of law and state. Saint-Petersburg, Russia.

ropot@mail.ru

Skorodumova Lidia Grigor'evna — Dr. Sc. (Philology). Professor of the Institute for Oriental and Classical Studies. RSHU. Moscow, Russia.

lidiaskorodumova@yandex.ru

Skrynnikova Tatiana Dmitrievna — Dr. Sc. (History). The Head of the Department of Central and South Asia of the Institute of the Oriental manuscripts, RAS.

skryta999@mail.ru

Tserenov Vasilii Zulkhaevich — writer. a member of the Writers' Union of Kalmykia.

sprprav@mail.ru

Zhabaeva Larisa Budaevna — Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Philosophy, History and Cultural Studies of the East-Siberian State University of Technology and Management. Ulan-Ude.

vsgtuhistory@mail.ru

Zhukov Vadim Yurjevich — Cand. Sc. (History). Public Relations Specialist of the Public Relations Department, «Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering» (SPSUACE).

gratis2002@inbox.ru

Zorin Aleksandr Valerievich — Cand. Sc. (Philology), Senior researcher, Institute of Oriental Manuscripts, RAS. Saint-Petersburg, Russia.

kawi@yandex.ru